

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент,
проректор по науке и инновациям
Международного университета Кыргызской
Республики (Киргизия);

Д.С. Жуков, заместитель Министра юстиции
Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических
наук, профессор, заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права
ВГЮУ (РПА Минюста России), Заслуженный
юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
центра научных исследований ВГЮУ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Поволжского института
(филиала) ВГЮУ (РПА Минюста России),
Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сыюань, кандидат филологических наук,
доцент, начальник секретариата Центра
обмена и сотрудничества при Комиссии по
юридическим услугам для ШОС (Шанхайского
политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель директора, курирующий
научно-методическую и образовательную
деятельность Российской федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве
юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковleva (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцененко, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии ВГЮУ (РПА Минюста
России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических
наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ,
генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Баstrykin (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГЮУ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной
работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-
правовой деятельности и организации службы судебных приставов
ВГЮУ (РПА Минюста России) В.А. Гуреев (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
административного, финансового и информационного права ВГЮУ
(РПА Минюста России) З.М. Казачкова (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат
исторических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy Director in Charge of Scientific, Methodological and Educational Activities of the Russian Federal Center for Forensic Science Under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and Information Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenкова, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2025

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Р. ШЛЯХОВА

Гурев М. С.

Современные направления оптимизации планирования расследования преступлений 10

Литовка Н. Б.

Шляхов Александр Романович: человек, ученый, руководитель 19

Питулько К. В.

Практические потребности стратификации судебных экспертиз в пределах научной классификации 29

Чиняков О. Е., Федосеев Р. В.

Очная ставка: тактические и психологические приемы проведения 39

Яковлев Д. Ю.

Некоторые вопросы назначения и производства судебной автотехнической экспертизы 49

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Аллалыев Р. М.

Идеология и верховенство права 60

Порватова Л. В., Сычева Е. А.

Охрана конфиденциальности сведений в Российской империи во второй половине XIX в. 74

Приймак А. С.

Ведомственное письмо, обладающее нормативными правовыми признаками, в современной России: проблемы теории и практики 83

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Казачкова З. М., Казачков В. А.

- Финансовый суверенитет как безусловный императив
нового российского правопорядка 95

Козырский Д. А.

- Экономическая безопасность и законодательство Республики Беларусь
об урегулировании неплатежеспособности 105

Семикина С. А., Кружалова А. В.

- Прокурор в административном судопроизводстве:
проблемы реализации полномочий 113

Шиповальникова Ю. Г.

- Соразмерность при рассмотрении вопросов определения
и уплаты исполнительского сбора 123

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Воронов А. В.

- Проблемы определения понятия потребительского экстремизма
как злоупотребления правом, а также его правовой природы 133

Катышевцев В. А.

- Актуальные вопросы теории и практики капитального гранта
в концессионном соглашении 143

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Шишкин С. С.

- Ущерб, причиненный преступлением юридическому лицу,
и его возмещение в уголовном судопроизводстве 151

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Войтов И. В.

- Перспективы правового регулирования искусственного интеллекта
в высшем образовании в Российской Федерации 161

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Корнилова Е. В.

- Состязательность в советском гражданском судопроизводстве
(1917–1991 гг.) 173

Костюк И. В., Захария О. Г.

- Место правовых позиций Конституционного Суда РФ
и Верховного Суда РФ в системе гражданского права 185

Палчаева Н. А.

- Правовая природа пользовательского соглашения 198

Парфенчиков Я. А.

- Понятие биологической безопасности в законодательстве
государств – участников СНГ: сравнительно-правовой анализ 207

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Рукавишникова И. В., Кирсанова Е. В.

- Суверенное развитие российского правопорядка: новые подходы 222

CONTENT

100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. R. SHLYAKHOV

Mihail S. Gurev

Modern Directions of Optimization of Crime Investigation Planning	11
---	----

Natalya B. Litovka

Shlyakhov Alexander Romanovich: A Man, a Scientist, a Leader.....	20
---	----

Kseniia V. Pitulko

Practical Needs of Stratification of Forensic Examinations Within the Limits of Scientific Classification	30
--	----

Oleg E. Chinyakov, Roman V. Fedoseev

The Confrontation: Tactical and Psychological Techniques of Conducting.....	40
--	----

Dmitry Yu. Yakovlev

Some Issues of Appointment and Production of Forensic Automotive Expertise	50
---	----

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Ruslan M. Allalyev

Ideology and the Rule of Law	61
------------------------------------	----

Lyudmila V. Porvatova, Elena A. Sycheva

Protection of Privacy of Information in the Russian Empire in the Second Half of the 19 th Century.....	75
---	----

Anastasiya S. Priymak

The Departmental Letter with Normative Legal Features in Modern Russia: The Problems of the Theory and Practice	84
--	----

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Zemfira M. Kazachkova, Vladimir A. Kazachkov

- Financial Sovereignty as an Unconditional Imperative
of the New Russian Legal Order 96

Dmitry A. Kozyrsky

- Economic Security and Legislation of the Republic of Belarus
on Insolvency Settlement 106

Svetlana A. Semikina, Alena V. Kruzhalova

- The Status of the Prosecutor in Administrative Proceedings:
Main Issues 114

Yulia G. Shipovalnikova

- Proportionality in the Consideration of the Issues of Determining
and Paying the Performance Fee 124

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Aleksandr V. Voronov

- Problems of Defining the Concept of Consumer Extremism
as an Abuse of Right, as Well as its Legal Nature 134

Vadim A. Katyshevts

- Current Issues of Theory and Practice of Capital Grant
in the Concession Agreement 144

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Sergey S. Shishkin

- Damage Caused by a Crime to a Legal Entity and its Compensation
in Criminal Proceedings 152

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Igor V. Voytov

- Prospects for Legal Regulation of Artificial Intelligence
in Higher Education in the Russian Federation 162

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Ekaterina V. Kornilova

- Adversarial Proceedings in the Soviet Court (1917–1991) 174

Irina V. Kostyuk, Oleg G. Zakhariya

- The Place of the Legal Positions of the Constitutional Court
of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation
in the System of Civil Law 186

Naima A. Palchaeva

- The Legal Nature of the User Agreement 199

Yaroslav A. Parfenchikov

- The Definition of Biological Safety in the Legislation of the CIS Countries:
Comparative Legal Analysis 208

REVIEWS, PERSONALITIES

Irina V. Rukavishnikova, Ekaterina V. Kirsanova

- Sovereign Development of the Russian Law and Order:
New Approaches 223

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-10-18>

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Михаил Сергеевич Гурев

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Басков пер., д. 16, лит. А

mingao@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются современное состояние планирования расследования преступлений и проблемы повышения его эффективности. Деятельность следователя не может носить хаотичный характер, поэтому план расследования уголовного дела должен быть выстроен с учетом потребностей собирания и проверки доказательств. Во многих случаях расследование не осуществляется наступательными темпами только потому, что правоприменители игнорируют наукоемкие рекомендации, предпочитая пользоваться устоявшимися стереотипами. Научной новизной обладает авторский тезис об изменении вектора планирования и о придании ему качественных параметров, позволяющих повысить эффективность выявления и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс; планирование; расследование преступлений; раскрытие преступлений; доказывание; следователь; досудебное судопроизводство.

Для цитирования: Гурев М. С. Современные направления оптимизации планирования расследования преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 10–18. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-10-18>

Research Article

MODERN DIRECTIONS OF OPTIMIZATION OF CRIME INVESTIGATION PLANNING

Mihail S. Gurev

St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
16, lit. A Baskov Lane, St. Petersburg, 191014, Russia
mingao@mail.ru

Abstract

The article analyzes the current state of crime investigation planning and the problems of increasing its efficiency. The investigator's activities cannot be chaotic, so the criminal investigation plan must be built taking into account the needs of collecting and verifying evidence. In many cases, the investigation is not carried out at an aggressive pace only because law enforcement officers ignore science-intensive recommendations, preferring to use established stereotypes. The author's thesis on changing the planning vector and giving it qualitative parameters that allow increasing the efficiency of detecting and solving crimes has scientific novelty.

Keywords: criminal procedure; planning; investigation of crimes; disclosure of crimes; proof; investigator; pre-trial proceedings.

For citation: Gurev M. S. Modern Directions of Optimization of Crime Investigation Planning. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 10–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-10-18>

Введение

Сегодня, как и в прошлом, результативность раскрытия и расследования преступлений во многом зависит от эффективности планирования. Сам вопрос о понятии планирования далеко не нов в теории криминалистики и имеет достаточно продолжительную историю [1, с. 286], но, несмотря на широкое его обсуждение в юридической литературе, в настоящее время единого мнения о содержании данного понятия в отечественной криминалистике не существует. Даже само определение планирования расследования преступления приобрело довольно дискуссионный характер. В итоге мы имеем несколько определений с некоторыми различиями, но примерно одинаковым смыслом. Ниже приводится ряд наиболее характерных вариантов таких определений, хотя, конечно же, вариативность используемых в научной литературе дефиниций гораздо шире.

Так, например, Л. А. Сергеев, Л. А. Соя-Серко, Н. А. Якубович понимали под планированием расследования программирование предстоящей деятельности следователя [2, с. 8]. В объем программируемых элементов они включали: конечные и промежуточные задачи; части и структуры содержания деятельности; средства и методы исполнения, меры их обеспечения; порядок и последовательность применения; исполнителей с распределением их обязанностей; сроки и места исполнения конкретных действий; контроль хода и результатов деятельности, оценку и корректировку дальнейшей работы.

Л. Я. Драпкин и В. Н. Карагодин под планированием расследования понимают организационную и творческую стороны работы следователя во время расследования, в рамках которой они включают: построение версий; определение на их основе обстоятельств и вопросов, подлежащих выяснению; определение следственных действий, оперативно-разыскных и иных проверочных и профилактических мероприятий, необходимых для исследования как выдвинутых версий, так и вытекающих из них вопросов и установления предмета доказывания; определение конкретных исполнителей, сроков и очередности намеченных мероприятий [3, с. 14].

С. К. Питерцев определяет планирование расследования как мыслительный процесс, направленный на всестороннее познание факта и обстоятельств совершения преступления и отражающий в письменной (знаковой) форме систему определенных задач расследования, а также спектр конкретных путей, средств и способов решения каждой из них [4, с. 171].

Н. П. Яблоков рассматривает планирование расследования как сложную мыслительную деятельность следователя, направленную на определение наиболее оптимальных путей достижения целей расследования, которая является условием и основным методом его рационального проведения [5, с. 129].

Не вдаваясь в конкретику обсуждения именно разницы подходов к определению планирования, на фундаменте даже немногих, приведенных выше в хронологическом порядке, примеров мы видим, что под планированием авторы так или иначе подразумевают мыслительную деятельность следователя (в широком смысле этого понятия – как субъекта использования криминалистических знаний), направленную на эффективное достижение задач расследования путем подбора наиболее оптимального выбора следственных и иных действий и мероприятий, их очередности, сроков и исполнителей.

Большинство авторов, как видно из текстов предлагаемых источников, увязывают этот выбор с построением криминалистических версий и, на что необходимо обратить внимание, подчеркивают его индивидуальный и творческий характер. При этом практически все авторы связывают процесс планирования именно с деятельностью по расследованию преступлений. Как правило, они указывают, что именно планирование расследования обеспечивает его эффективность, и в конечном счете более совершенные формы планирования приводят к успешному решению поставленных перед следователем задач.

1. Правоприменительные стереотипы: причины формирования и попытки преодоления

На общем фоне изложенного вектора понимания планирования в современной литературе одновременно анализ следственной практики свидетельствует о явном противоречии этих выводов реальному положению дел. Так, современные исследователи указывают, что анализ деятельности органов предварительного расследования говорит о фактическом игнорировании положений теории о планировании практическими работниками [1, с. 143]. Именно с недостатками в планировании расследования (в том числе и его отсутствием) связывается наличие правоприменительных, процессуальных, организационных и прочих ошибок в деятельности следствия, приводящих к неудовлетворительному результату расследования.

Разрешение указанных проблем использования общетеоретических положений о планировании расследования преступлений в практической деятельности правоохранительных органов и надежды на повышение их эффективности сегодня связываются исключительно с введением в следственную практику алгоритмов расследования и применением для их использования возможностей искусственного интеллекта.

Между тем связь планирования расследования с его результатами не столь однозначна, как представляется на первый взгляд. Именно здесь коренится причина невостребованности практическими работниками теоретических положений о планировании расследования. Поэтому разработка заранее невостребованных следственной практикой алгоритмов расследования и применение для их использования возможностей искусственного интеллекта не смогут изменить эту ситуацию в силу самой природы вещей.

Несмотря на, казалось бы, общепринятый тезис о необходимости индивидуальности и творческого подхода к планированию, имеется явное противоречие с подходом в виде сведения содержания планирования к декларированию жестких схем последовательностей процессуальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Между тем многие такие последовательности существуют в рамках, прямо установленных действующим уголовно-процессуальным законом, и никак не зависят от воли отдельного правоприменителя. Другие же общепринятые варианты последовательности проведения следственных мероприятий не требуют, по сути, никакого специального планирования, тем более в усложненных письменных формах, с расписями ролевых функций конкретных исполнителей и фиксацией сроков выполнения. Для любого практикующего следователя, вне зависимости как от его опыта и срока деятельности в профессиональном качестве, так и от личностных интеллектуальных качеств и уровня владения теоретическими знаниями, однозначна необходимость проведения осмотра места происшествия и допросов имеющихся очевидцев в качестве свидетелей в случае обнаружения признаков такого преступления, как убийство. Эта последовательность следственных действий первоначального этапа расследования в виде осмотра места происшествия с последующим допросом свидетелей настолько очевидна, что не требует никакого мысленного усилия для ее выбора. Естественно, что для планирования ее

проведения по срокам или исполнителям не требуется также никакого творческого подхода, и она легко программируется всеми общедоступными источниками криминалистических знаний. Здесь же необходимо отметить, что такие следственные действия, как, например, вышеуказанные осмотр места происшествия или допрос очевидца преступления, проводятся следователем при любом версионном поле и в любой следственной ситуации. Соответственно, у практического работника нет нужды в составлении какого-либо письменного плана для обоснования необходимости их проведения. Абсолютно ничего в этом смысле не может изменить и ввод подобных последовательностей мероприятий в следственную практику в рамках неких алгоритмов расследования и применение для их использования возможностей искусственного интеллекта.

Согласно Большому академическому словарю русского языка план – это в том числе и определенный, продуманный порядок осуществления, совершения чего-либо [7, с. 8]. Представляется, что категоричность утверждения об увязке планирования исключительно с расследованием преступления сыграла существенную роль в привязке его исключительно к уголовно-процессуальным формам деятельности следствия, что и лишило планирование декларируемого фактора обеспечения им эффективности расследования в теории и повлекло выведение его из фокуса внимания практиков.

2. Творческие начала в деятельности следователя и планирование расследования

В деятельности следователя присутствует разрешение задач, относящихся к различным правовым отраслям и наукам. Естественно, что, выполняя свои функции, он вынужден решать не только лишь уголовно-правовые и уголовно-процессуальные задачи, но и задачи организационные и, что особенно важно для эффективности его деятельности, криминалистические. И именно для итоговой эффективности его деятельности правильное решение криминалистической задачи является определяющим, придающим смысл решению им остальных организационных и процессуальных задач и обеспечивающим саму возможность решения задач, относящихся к области уголовного права.

Решение криминалистической задачи в ходе деятельности следователя заключается в установлении механизма конкретного преступления, поиске, сборе и оценке информации о нем. В конечном счете это подразумевает использование собранной информации, полученной с помощью криминалистических средств, приемов и методов, для доказывания и установления истины по делу. Фактически речь идет о разнообразной тактике поиска и выявления согласно выдвинутым версиям соответствующих им следов преступления (как материальных, так и идеальных), поиске их носителей и обеспечении возможности использования этих следов в качестве доказательств посредством процессуальной фиксации.

Расследование преступлений, в свою очередь, имеет процессуальное значение, являясь стадией уголовного процесса. В ходе расследования правоприменители осуществляют именно процессуальную деятельность, направленную на сбор доказательств посредством следственных и иных процессуальных действий, пре-

дусмотренных законодательством. Соответственно, планирование расследования ограничивается рамками процессуальной деятельности следователя как субъекта уголовного процесса и в значительной степени утрачивает свое криминалистическое содержание. Это происходит, поскольку планирование практически не охватывает криминалистические аспекты, за исключением процессуальной фиксации результатов криминалистически значимых действий, т.е., по сути, процессуально-го оформления решения криминалистической задачи.

Деятельность следователя, связанная с поиском и исследованием следов преступления, скорее относится к раскрытию преступления, т.е. к обнаружению «чего-либо ранее неизвестного, скрываемого» [1, с. 674, 679]. Именно деятельность по раскрытию преступления обладает индивидуально-творческим характером, включает в себя множество способов постановки и решения криминалистических задач, тесно связана с мыслительной активностью следователя в части выдвижения версий и моделирования событий и напрямую зависит от его интеллектуальных способностей. В отличие от расследования преступлений деятельность по раскрытию в силу ее индивидуального и нетипичного характера не может быть сведена к каким-либо стандартным алгоритмам или программам.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько вообще возможно создать универсальные, постоянно и эффективно работающие в любых условиях (вне зависимости от меняющихся криминалистически значимых факторов) алгоритмические программы раскрытия преступлений? Оправданы ли надежды на повышение оптимизации планирования следственной деятельности посредством их создания и какими качествами такие программы должны обладать?

Подобные алгоритмы действий могут представлять собой лишь сложные многоуровневые системы, учитывающие вариативность исходной информации, возможные варианты следовой обстановки, фактор случайных событий, весь спектр типовых и формируемых на их основе рабочих версий, а также заранее подготовленные комбинации тактических приемов. Эти алгоритмы планирования должны включать в себя четко определенные цели и задачи, решаемые с учетом конкретной объективной обстановки, в которой действует следователь. Необходимо также учитывать предполагаемые системы противодействия раскрытию преступления, включая возможные коррупционные связи и способы скрытия преступлений, а также ограничения, с которыми сталкивается следователь при выборе сил и средств в конкретной следственной ситуации.

Представляется, что сложность предполагаемой задачи как раз и определяет такие свойства планирования раскрытия преступлений, как его индивидуальность и творческий характер. Именно здесь и проявляются интеллектуальный уровень следователя, его кругозор и способность к нестандартным способам решения криминалистических задач, способность к получению «эвристического» знания. Соответственно, любая попытка создания взамен этих качеств некой всеобъемлющей «технологии раскрытия преступлений» обречена на неудачу как нарушающая этот фундаментальный принцип человеческой деятельности. Даже при кажущейся теоретической возможности создания подобной конструкции, в конечном счете она не сможет гарантировать высокую стабильность результатов в силу воздей-

твия на процесс раскрытия преступлений многих сложно учитываемых и потому не могущих быть использованными в подобных алгоритмах факторов и их влияния на процессы.

Любое планируемое следственное действие всегда будет представлять собой творчество конкретного проводящего его правоприменителя, а успешность или неуспешность его результатов будет находиться в прямой зависимости от его личных качеств (довольно-таки вариативных), а не от факта его планирования. Один и тот же набор тактических приемов может быть по-разному и с разной степенью успеха применен разными следователями, проводящими следственное действие. Наконец, имеющиеся в разных делах по сходным преступлениям индивидуальные особенности также могут напрямую влиять на эффективность тех или иных приемов – например, криминальный опыт подследственных.

Заключение

Применение рекомендуемых теорией криминалистических средств, приемов и методов в соответствии с оценкой имеющейся по делу конкретной обстановки и конкретных особенностей дела и является сутью планирования раскрытия преступления, а не только само проведение процессуальных мероприятий. В случае ошибки в подборе средств и методов поиска следов, их вероятностной модели расположения на месте происшествия одно и то же запланированное следственное действие может быть проведено с противоположными результатами.

Смысловое смешение разных процессов следственной деятельности – раскрытия и расследования преступлений – послужило причиной отрицательной результативности попытки влиять на эффективность следствия через программирование хода расследования. Фундаментальный тезис теории криминалистики об индивидуальной природе расследуемых преступлений обрекает подобные попытки на неудачу. Ведь в рамках изучения криминалистических характеристик групп и видов преступлений давно доказано, что корреляционные связи их элементов никогда не несут однозначного, абсолютного значения. Соответственно, и раскрытие преступлений невозможно свести к выполнению простого алгоритма на уровне шаблона общей программы планирования.

Основной криминалистической задачей для следователя является проблема поиска различных лиц и предметов, включая вопросы оценки вероятности обнаружения материальных и идеальных следов действий преступников в результате применения разнообразных криминалистических средств, методов и приемов. Моделирование на основе обнаруженных следов недостающих звеньев следовой картины преступления и определение направления последующего поиска преступника, его задержание и воспрепятствование возможности ему воспользоваться плодами преступной активности должно обеспечиваться именно планированием, причем с большим тщанием, чем сама собой разумеющаяся процессуальная фиксация плодов криминалистической активности следствия.

Таким образом, предполагается, что раскрытие преступления как сложный творческий мыслительный процесс, включающий в себя определение правильных тактических целей при выполнении следственных действий, определение

способов достижения намеченных результатов, оптимизацию выбора направления расследования и основную стратегию по раскрытию преступления, наиболее нуждается в постоянном сопровождении в виде использования планирования. Соответственно, и вектор его оптимизации состоит не в разработке шаблонных алгоритмов порядка проведения следственных действий и других мероприятий, а в постоянном совершенствовании субъекта криминалистических действий, его интеллектуальном росте, позволяющем ему более эффективно использовать уже имеющиеся способы планирования, и, главное, в изменении самого вектора планирования с достижения задач не только расследования, но и раскрытия преступления, не по наитию или в расчете на случайность, а с учетом реалистичной оценки возможной эффективности имеющихся в его распоряжении сил и средств, верной оценки окружающей его обстановки и противостоящей ему преступной среды.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. М. : Юристъ, 1997.
2. Сергеев Л. А., Соя-Серко Л. А., Якубович Н. А. Планирование расследования. М. : ВНИИ криминалистики при Прокуратуре СССР, 1975.
3. Криминалистическая тактика : учеб.-метод. пособие / авт.-сост.: А. А. Беляков, И. Ф. Герасимов [и др.] ; отв. ред.: В. Н. Карагодин [и др.]. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 1998.
4. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1 : Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
5. Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М. : Статут, 2005.
6. Гаврилин Ю. В., Можаева И. П. Совершенствование технологий планирования расследования преступлений на современном этапе развития криминалистических знаний // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2.
7. Большой академический словарь русского языка. Т. 17 : План-Подлечь. М. : Наука, 2011.
8. Большой академический словарь русского языка. Т. 22 : Р-Расплох. М. : Наука, 2013.

References

1. Belkin R. S. Forensic Science Course. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Iurist, 1997. (In Russ.)
2. Sergeev L. A., Soia-Serko L. A., Iakubovich N. A. Investigation Planning. Moscow: All-Russian Research Institute of Forensic Science under the USSR Prosecutor's Office, 1975. (In Russ.)
3. Karagodin V. N. et al. (eds.). Forensic Tactics. Yekaterinburg: Ural State Law Academy Publishing House, 1998. (In Russ.)
4. Korshunova O. N., Stepanov A. A. (eds.). Forensic Science Course. In 3 vols. Vol. 1: General Theoretical Issues. Forensic Technique. Forensic Tactics. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004. (In Russ.)

5. *Iablokov N. P. (ed.). Forensic Science.* Moscow: Statut, 2005. (In Russ.)
6. *Gavrilin Iu. V., Mozhaeva I. P. Improving Crime Investigation Planning Technologies at the Current Stage of Forensic Knowledge Development. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018, no. 2. (In Russ.)
7. *Large Academic Dictionary of the Russian Language.* Vol. 17: Plan-Podlech. Moscow: Nauka, 2011. (In Russ.)
8. *Large Academic Dictionary of the Russian Language.* Vol. 22: R-Rasplokh. Moscow: Nauka, 2013. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. С. Гурев – кандидат юридических наук.

Information about the author:

M. S. Gurev – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 30.06.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 340: 929

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-19-28>

ШЛЯХОВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ: ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, РУКОВОДИТЕЛЬ

Наталья Борисовна Литовка

Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 248021, Россия, г. Калуга,
ул. Московская, д. 256А
litovkanatalia@rambler.ru

Аннотация

В истории нашей страны известно немало людей, энтузиастов своего дела, внесших новые идеи и предложения в развитие той или иной науки. Разработка общих положений судебной экспертизы, методики ее проведения, классификации судебных экспертиз – все это заслуга доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РСФСР Александра Романовича Шляхова. В 2025 г. исполняется 100 лет со дня рождения А. Р. Шляхова, и обойти эту дату стороной невозможно. Цель работы – изучить наследие выдающегося отечественного ученого, используя биографический метод и метод изучения документов и его трудов. В работе отражены как биография А. Р. Шляхова, так и разработанные им положения судебной экспертизы. Таким образом, сделана попытка проанализировать и объединить полученную информацию и проявить дань уважения известному ученому.

Ключевые слова: Александр Романович Шляхов; ученый-правовед; судебная экспертиза; организация и проведение экспертиз; теория судебной экспертизы.

Для цитирования: Литовка Н. Б. Шляхов Александр Романович: человек, ученый, руководитель // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 19–28.
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-19-28>

Research Article

SHLYAKHOV ALEXANDER ROMANOVICH: A MAN, A SCIENTIST, A LEADER

Natalya B. Litovka

Kaluga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
256A Moskovskaya St., Kaluga, 248021, Russia
litovkanatalia@rambler.ru

Abstract

In the history of our country, there are many people who are enthusiasts of their work and who have introduced new ideas and proposals for the development of this or that science. The development of general provisions of forensic examination, the methodology for its implementation, the classification of forensic examinations – all this is the merit of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the RSFSR Alexander Romanovich Shlyakhov. In 2025, it will be 100 years since the birth of A. R. Shlyakhov, and it is impossible to ignore this date. The purpose of the work is to study the legacy of an outstanding Russian scientist, using the biographical method and the method of studying documents and his works. The work reflects both the biography of A. R. Shlyakhov and the provisions of forensic examination developed by him. Thus, an attempt was made to analyze and combine the information obtained and to pay tribute to the famous scientist.

Keywords: Alexander Romanovich Shlyakhov; legal scholar; forensic examination; organization and conduct of examinations; theory of forensic examination.

For citation: Litovka N. B. Shlyakhov Alexander Romanovich: A Man, a Scientist, a Leader. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 19–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-19-28>

Введение

Развитие криминалистики в нашей стране связано с именами многих выдающихся отечественных ученых. Однако первые криминалистические изыскания в России основывались на переводных трудах зарубежных криминалистов: австрийского профессора Ганса Гросса, немецкого и швейцарского криминалиста Рудольфа Арчибальда Рейсса и др.

Так, «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции и др.» Ганса Гросса в переводе Л. Дудкина и Б. Зиллера было издано в Смоленске в 1895 г. Указанный труд с обновленным названием – «Руководство для су-

дебных следователей как система криминалистики» был опубликован в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Подобных системных работ в стране еще не выпускалось. Авторы перевода, Л. Дудкин и Б. Зиллер, высоко оценили вклад австрийского профессора в новую, созданную им науку. В предисловии к российскому изданию труда Ганса Гросса сказано следующее: «За истекший промежуток времени вся область познаний, разработанных автором, объединена им под именем криминалистики как науки, являющейся одной из вспомогательных наук уголовного права» [1, с. 4].

В начале XX в. заимствованные идеи стали активно развивать в дореволюционной России. При этом возникла необходимость формирования собственных основ криминалистического учения. Не все идеи иностранных ученых оказались состоятельными и применимыми в практической деятельности органов правопорядка. Например, антропометрическая система регистрации, предложенная французским ученым Альфонсом Бертильоном, оказалась недолго жизнеспособной. Этому есть объяснения: изменение параметров тела человека во времени, неточность измерений и др.

Таким образом, в начале XX в. в России назрела необходимость формирования самостоятельной системы криминалистики, отвечающей требованиям и процессуальным основам справедливого правосудия. Имена выдающихся ученых-криминалистов довоенного времени вписаны в историю криминалистики и судебной экспертизы: Евгений Федорович Буринский, Сергей Михайлович Потапов, Абрам Ильич Винберг.

1. Начальный этап становления А. Р. Шляхова как ученого

В 20-е–40-е гг. ХХ в. закладывались основы советской и российской криминалистики, использующиеся по сегодняшний день. Так, например, теория криминалистической идентификации была предложена С. М. Потаповым уже в 1940 г. «Установление тождества того или иного объекта путем сравнительного исследования его признаков является важнейшим средством раскрытия преступлений» [2, с. 8].

В эти годы в Усть-Калманском районе Алтайского края, в селе Ново-Троинка (современное написание названия села – Новотроинка), родился известный советский деятель органов юстиции Александр Романович Шляхов. Он признан выдающимся ученым-правоведом, деятельность которого неразрывно связана как с формированием теоретических основ судебной экспертизы, так и с ценным практическим вкладом в развитие судебно-экспертных учреждений России, обусловленным успешным осуществлением руководства А. Р. Шляховым Центральным научно-исследовательским институтом судебной экспертизы (далее – ЦНИИСЭ).

2 сентября 2025 г. судебные эксперты РФ будут вспоминать о заслугах Александра Романовича Шляхова перед отечеством, его вкладе в развитие советской науки в связи с его 100-летним юбилеем.

В марте 1943 г. Александр Романович поступил на службу в Красную Армию в 77-й гвардейский отдельный саперный батальон. В том же году командир отделения гвардии младший сержант Александр Романович Шляхов награжден Орденом Красной Звезды (приказ от 14 октября 1943 г. № 50/н). В 1944 г. он заслужил следующие награды: Орден Отечественной войны II степени (приказ от 12 авгус-

та 1944 г. № 674/н) и Орден Славы III степени (приказ от 20 октября 1944 г. № 34/н). Позже герой войны награжден Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [3].

После окончания войны А. Р. Шляхов поступил в Московский юридический институт, так как страсть к учебе у Александра Романовича была невероятной. В тяжелые послевоенные годы студентам, как и всем гражданам нашей страны, приходилось нелегко, и студенту Шляхову пришлось подрабатывать в свободное от занятий время. Александра Романовича назначили заведующим студенческой столовой, которой до его появления руководил нерадивый начальник. Инициативный студент сразу же навел порядок в порученной ему столовой, грамотно организовав ее работу.

Интерес к юридическим наукам у А. Р. Шляхова рос с каждым курсом, и поэтому по окончании института в 1949 г. он решил продолжить учебу в аспирантуре по специальности «криминалистика». Начало 1950-х гг. в сфере судебной экспертизы характеризовалось тем, что экспертных подразделений Министерства юстиции СССР еще не существовало. Энергия, работоспособность и энтузиазм А. Р. Шляхова оказались востребованы в это время, и в 1952 г. он возглавил отдел судебно-криминалистических учреждений Министерства юстиции СССР, а в 1956–1962 гг. – аналогичный отдел Министерства юстиции РСФСР.

Александр Романович организовал работу лабораторий судебных экспертиз по всей стране. «Чиновники не всегда понимали А. Р. Шляхова, а его ярый натиск в реализации своих идей и предложений был настолько непривычен, что смущал и пугал их бюрократические души. Однако его энтузиазм был столь заразителен, что ему шли навстречу, и он получал поддержку в самых высоких кругах» [4, с. 126].

2. Деятельность А. Р. Шляхова на посту директора ЦНИИСЭ

14 сентября 1962 г. был издан Приказ Министерства юстиции РСФСР № 31 «Об организации Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз». С 1 октября 1962 г. ЦНИИСЭ начал свою деятельность. Структура ЦНИИСЭ включала в себя действовавшую ранее Центральную криминалистическую лабораторию и Московскую научно-исследовательскую лабораторию судебной экспертизы Министерства юстиции.

В сентябре 1962 г. кандидат юридических наук Александр Романович Шляхов, занимавший должность начальника отдела судебных экспертиз Минюста РСФСР, был назначен директором ЦНИИСЭ.

В штате института только к началу следующего года уже насчитывалось более 90 сотрудников. Деятельность экспертов осуществлялась в нескольких специализированных лабораториях. По направленности эти лаборатории распределялись следующим образом: 1) исследование почерка; 2) техническая экспертиза документов; 3) исследование трасологических и баллистических объектов; 4) бухгалтерские и товароведческие экспертизы; 5) экспертизы по технике безопасности; 6) автотехнические экспертизы; 7) физико-технические экспертизы; 8) исследование химико-биологических объектов.

«Научная школа в ЦНИИСЭ зародилась при непосредственном контакте малой группы ученых, заинтересованных в дальнейшем развитии судебной экспертизы как

науки. В 1960-х гг. в группе под руководством А. Р. Шляхова объединилась талантливая молодежь: П. Ф. Тельнов, А. А. Эйсман, В. М. Галкин, Н. С. Полевой, И. Л. Петрухин, Л. Г. Эджубов и ряд других» [5, с. 127].

В эти годы теория судебной экспертизы еще не сформировалась как целостная самостоятельная наука. При этом в стране были изданы отдельные монографии известных ученых по направлениям традиционных и специальных видов экспертиз, а именно Б. М. Комаринца, В. С. Митричева, В. Ф. Орловой и др. Но этого было недостаточно для полноценной работы экспертных учреждений, поэтому А. Р. Шляхов направил свою энергию не только на создание структуры и укрепление кадрового состава подразделений лабораторий, но и на разработку научных и методических основ проведения судебных экспертиз. Его идеи нашли отражение в его работах: «Общие положения методики криминалистической экспертизы» (1961 г.), «Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы» (1972 г.), «Судебная экспертиза. Организация и проведение» (1979 г.), «Общая характеристика методов экспертного исследования» (1977 г.), «Задачи судебной экспертизы» (1980 г.). По сути, А. Р. Шляхова можно назвать основоположником теории судебной экспертизы в России.

В 1958 г. Александр Романович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Основные вопросы планирования советского предварительного следствия»; позднее, в 1971 г., – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Современные проблемы теории и практики криминалистической экспертизы в СССР». Таким образом, просматривается становление ученого-криминалиста, в ходе которого А. Р. Шляхов развивал отдельную ветвь криминалистики и превратил ее в самостоятельную науку – «Судебную экспертизу».

3. Вклад А. Р. Шляхова в науку

Из всех экспертных специальностей Александру Романовичу как профессионалу наиболее интересным казалось исследование почерка, в связи с чем он собрал группу энтузиастов в возглавляемом им институте и искал новые методы в этой сфере. Так, им было предложено изучать рукописные тексты, выполненные первыми космонавтами на различных этапах полетов.

А. Р. Шляхов искал количественные методы идентификации лица по почерку, потому что считал несовершенной имеющуюся методику отождествления лица, основывающуюся только на качественных признаках почерка. «Реализация этой идеи на том этапе была необходима, так как качественно-описательные методы были недостаточны для решения наиболее актуальных задач, связанных с исследованием подписей» [4, с. 130]. Его идеи были связаны с использованием математических методов и теории вероятностей, что послужило основой для изучения огромного количества рукописных текстов и попытки выявления частоты встречаемости общих и частных признаков объектов.

А. Р. Шляхов писал об этом так: «Использование теории вероятностей для оценки различий частных признаков основано на идее математического ожидания, базирующего на данных о частоте повторяемости определенного варианта признака в почерке конкретного лица» [6, с. 7].

Александр Романович предлагал при исследовании почерка использовать знания из кибернетики (для сокращения сроков проведения исследования, повышения достоверности выводов) и инженерии (использование ЭВМ для работы с большими объемами информации).

Помимо разработки новых идей, касающихся конкретных видов экспертиз, Александр Романович на посту директора ЦНИИСЭ уделял особое внимание созданию коллектива энтузиастов, участвующего не только в практической экспертной деятельности, но и в научной работе. Он полагал, что формирование профессионального эксперта возможно лишь при сочетании практического опыта и научных изысканий в сфере своей деятельности.

Доктор юридических наук, профессор, специалист в области почерковедческой экспертизы Валерия Федоровна Орлова, работавшая под началом А. Р. Шляхова, вспоминает о нем: «Он поощрял малейшее проявление интереса у сотрудников к науке, увлекал перспективами научных исследований, помогал в определении тематики научных работ, выборе тем для будущих кандидатских и докторских диссертаций» [4, с. 130].

Как подтверждают научные источники, А. Р. Шляхов не только не ограничивался совершенствованием имеющихся направлений экспертной деятельности, но и разрабатывал основы новой науки – судебной экспертизы. Одним из интересовавших его вопросов был вопрос методологии производства экспертиз и классификации методов исследования. До нашего времени ученые дискутируют об этом, однако все сходятся в одном: методы должны быть научно обоснованными и достоверными. Александр Романович предложил классифицировать методы, применяемые в экспертном исследовании, и полагал, что это имеет прикладное значение. «Системно-структурный анализ методов позволяет экспертам более эффективно использовать их в практической познавательной деятельности» [7, с. 61].

В 60-е–70-е гг. прошлого века А. Р. Шляхов излагал разработанные им теоретические основы производства судебной экспертизы в своих трудах, о которых упоминалось выше. Он разграниril понятия судебной экспертизы и других видов экспертиз. Так, судебная экспертиза использует специальные знания из области науки, техники, искусства или ремесла, не решая при этом юридические вопросы. Для нее характерен особый, строгий процессуальный порядок, при соблюдении которого судебная экспертиза становится доказательством по делу.

Александр Романович предложил разделить все судебные экспертизы на следующие группы: классы, роды, виды, разновидности. До сих пор ученые не имеют единого мнения по вопросу классификации экспертиз, так как невозможно найти единое основание для группировки криминалистических и специальных видов исследований. Классификация экспертиз по А. Р. Шляхову следующая: 1) судебно-медицинские и психофизиологические; 2) криминалистические; 3) инженерно-транспортные; 4) судебно-бухгалтерские и финансово-экономические; 5) инженерно-технологические; 6) судебно-технические; 7) сельскохозяйственные; 8) экологические; 9) биологические [8, с. 12–13].

А. Р. Шляхов настаивал на том, что профессиональный, компетентный эксперт владеет не только специальными знаниями, но и понимает и применяет на прак-

тике знания из общей теории судебной экспертизы. Он предлагал готовить в вузах экспертов как по традиционным специальностям, так и по новым, развивающимся видам экспертиз, а именно экономистов, автотехников и др.

Как показывает практика, в наше время такие факультеты в вузах были созданы, но, судя по выпускникам, поступающим на службу в экспертные подразделения, подобные специальности не пользуются спросом у абитуриентов. Собственный опыт позволяет говорить о том, что эта идея А. Р. Шляхова разумная и полезная, однако реалии и тогда, и сейчас не позволяют ее полноценно реализовать.

В отечественных гражданских высших учебных заведениях студенты не получают тех специальных знаний, которые необходимы для производства новых видов экспертиз, поэтому экспертам приходится, используя «багаж» стандартных знаний из области биологии, химии, психологии, лингвистики, осваивать в короткие сроки специфику конкретного вида экспертизы. Помимо этого эксперт обязательно должен освоить знания по теории судебной экспертизы и криминалистики, пройдя обучение в юридических вузах.

В своих работах А. Р. Шляхов выделял несколько этапов производства экспертизы, а именно подготовительный, аналитический, сравнительный и синтезирующий. «Основные стадии экспертного исследования в определенной мере отличаются между собой рабочими методами, техническим приемами и средствами» [8, с. 102]. Александр Романович обосновал важность и ценность каждого этапа исследования. Каждая стадия (этап) имеет свое значение, так как неверно выбранные на подготовительном этапе методы исследования могут «свести на нет» усилия специалиста, следователя и эксперта. Минимальное (во многих случаях) количество объекта часто делает невозможным его повторное исследование (например, при исследовании наркотических средств, следов крови и слюны, частиц лакокрасочного покрытия и т.п.).

Изучать идеи и взгляды Александра Романовича Шляхова можно достаточно долго, и сделать это в рамках одной статьи не представляется возможным – учёный имеет более 260 научных трудов. Наиболее полно его разработки и теоретические положения возможно проработать, анализируя его труды и осваивая курс «Судебная экспертиза» в высших учебных заведениях страны.

Заключение

Подводя итоги деятельности Александра Романовича Шляхова, необходимо акцентировать внимание на его званиях, заслугах, наградах. А. Р. Шляхов признан основоположником теории судебной экспертизы как самостоятельной науки. Ему принадлежит идея создания системы судебно-экспертных учреждений в системе Министерства юстиции.

Александр Романович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР. Его заслуги перед страной и наукой были оценены не только в присвоении званий и поручении ответственных руководящих постов, но и в награждении орденом «Трудового Красного Знамени» [9].

Профессор В. Ф. Орлова, работавшая много лет под руководством Александра Романовича, отмечала принципиальность и порядочность своего руководителя:

«Александр Романович лично защищал объективность и независимость экспертизной работы от всяких сторонних, в том числе высоких, домогательств» [4, с. 132].

Отношения А. Р. Шляхова с сотрудниками отличались тем, что он хорошо знал и ценил каждого, создал дружный и работоспособный коллектив. Эксперты, трудившиеся под его началом, отмечают это время как лучшее в их экспертизной деятельности.

После смерти А. Р. Шляхова В. Ф. Орлова выдвинула предложение о присвоении институту имени профессора А. Р. Шляхова. ЦНИИСЭ за годы существования претерпел несколько реорганизаций и переименований, в результате чего в 1994 г. был преобразован в Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России.

Предложение В. Ф. Орловой было реализовано лишь в 2024 г., когда приказом Министра России от 6 февраля 2024 г. № 36 «О присвоении федеральному бюджетному учреждению Российскому федеральному центру судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации почетного наименования «имени профессора А.Р.Шляхова» ФБУ РФЦСЭ был переименован в «Федеральное бюджетное учреждение Российской федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации» [10].

Присвоение РФЦСЭ имени Александра Шляхова будет способствовать дальнейшей популяризации истории судебной экспертизы и повышению статуса судебно-экспертных учреждений Минюста России [11].

Пристатейный библиографический список

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем.: Л. Дудкин, Б. Зиллер. СПб. : Н. К. Мартынов, 1908.
2. Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика. М. : Госюриздан, 1949.
3. Шляхов Александр Романович // Память народа 1941–1945 : сайт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero95173457/> (дата обращения: 17.05.2025).
4. Орлова В. Ф. Александр Романович Шляхов, равных которому в судебно-экспертной деятельности не было // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 4 (28).
5. Морозов Л. П. Страницы истории ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4.
6. Судебно-почерковедческая экспертиза / А. Р. Шляхов и [др.]. М. : Юрид. лит., 1971.
7. Винберг А. И., Шляхов А. Р. Общая характеристика методов экспертного исследования // Вопросы теории судебной экспертизы : сборник научных трудов / Министерство юстиции СССР. Вып. 28. М. : ВНИИСЭ, 1977.
8. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М. : Юрид. лит., 1979.
9. Шепитко В. Ю. Шляхов Александр Романович // Конгресс криминалистов : сайт. URL: <https://crimcongress.com/portretnaya/shlyakov-aleksandr-romanovich/> (дата обращения: 15.05.2025).

10. Приказ Минюста России от 6 февраля 2024 г. № 36 «О присвоении федеральному бюджетному учреждению Российскому федеральному центру судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации почетного наименования «имени профессора А.Р. Шляхова»» // СПС «КонсультантПлюс».

11. О присвоении РФЦСЭ при Министерстве России имени профессора Александра Шляхова // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49937/> (дата обращения: 17.05.2025).

References

1. Gross H.; Dudkin L., Ziller B. (trans.). Handbook for Forensic Investigators as a System of Forensic Science. St. Petersburg: N. K. Martynov, 1908. (In Russ.)
2. Vinberg A. I., Shaver B. M. Forensic Science. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1949. (In Russ.)
3. Shliakhov Aleksandr Romanovich. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero95173457/> (date of the application: 17.05.2025). (In Russ.)
4. Orlova V. F. Alexander Romanovich Shliakhov, Who Had No Equal in Forensic Activity. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2012, no. 4 (28). (In Russ.)
5. Morozov L. P. Pages of the history of the Federal Budgetary Institution RFCSE under the Ministry of Justice of Russia. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2021, vol. 16, no. 4. (In Russ.)
6. Shliakhov A. R. et al. Forensic Handwriting Examination. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1971. (In Russ.)
7. Vinberg A. I., Shliakhov A. R. General Characteristics of Expert Research Methods. In Issues of the Theory of Forensic Examination: Collection of Scientific Papers. Issue 28. Moscow: All-Russian Research Institute of Forensic Examinations, 1977. (In Russ.)
8. Shliakhov A. R. Forensic Examination: Organization and Implementation. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1979. (In Russ.)
9. Shepitko V. Iu. Shliakhov Aleksandr Romanovich. URL: <https://crimcongress.com/portretnaya/shlyakov-aleksandr-romanovich/> (date of the application: 15.05.2025). (In Russ.)
10. Order of the Ministry of Justice of Russia of February 6, 2024 No. 36 "On Assigning the Honorary Name 'Named After Professor A.R. Shliakhov' to the Federal Budgetary Institution Russian Federal Center for Forensic Expertise Under the Ministry of Justice of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. On Assigning the Name of Professor Alexander Shliakhov to the Russian Federal Center for Forensic Expertise Under the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49937/> (date of the application: 17.05.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Н. Б. Литовка – старший преподаватель.

Information about the author:

N. B. Litovka – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 04.06.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-29-38>

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ СТРАТИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ПРЕДЕЛАХ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Ксения Викторовна Питулько

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 191014, Россия,
г. Санкт-Петербург, Басков пер., д. 16, лит. А

lokhi@yandex.ru

Аннотация

Назначение и производство экспертизы является важным способом собирания доказательств и выступает вспомогательным элементом следственного познания. Классификация судебных экспертиз, созданная А. Р. Шляховым, выдержала испытание временем и сохраняет теоретическую и практическую значимость. Однако с учетом форсированных темпов научно-технического прогресса спектр специальных знаний, привлекаемых для нужд расследования преступлений, постоянно расширяется. Вследствие этого видовой перечень экспертиз приобретает тенденции к конвергенции и дивергенции. В результате появляются новые виды экспертиз, эффективно использующихся при производстве расследования сложных и многоэпизодных уголовных дел. Научный интерес представляет достижение цели установления их принадлежности к определенному классу экспертных исследований. При этом используются методы анализа и синтеза. Новизной обладают результаты авторского обобщения практики назначения экспертиз при расследовании экологических преступлений. Автором раскрываются их видовые особенности и представляется модернизированная версия класса судебно-экологических экспертиз.

Ключевые слова: расследование преступлений; судебная экспертиза; А. Р. Шляхов; классификация экспертиз; судебно-экологические экспертизы; криминалистические экспертизы; доказывание.

Для цитирования: Питулько К. В. Практические потребности стратификации судебных экспертиз в пределах научной классификации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 29–38. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-29-38>

Research Article

PRACTICAL NEEDS OF STRATIFICATION OF FORENSIC EXAMINATIONS WITHIN THE LIMITS OF SCIENTIFIC CLASSIFICATION

Kseniiia V. Pitulko

St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
16, lit. A Baskov Lane, St. Petersburg, 191014, Russia
lokhi@yandex.ru

Abstract

The assignment and performance of an examination is an important way of collecting evidence and serves as an auxiliary element of investigative knowledge. The classification of forensic examinations created by A. R. Shlyakhov has stood the test of time and retains its theoretical and practical significance. However, given the accelerated pace of scientific and technological progress, the range of specialized knowledge used to investigate crimes is constantly expanding. As a result, the range of types of examinations is acquiring tendencies towards convergence and divergence. As a result, new types of examinations appear that are effectively used in the investigation of complex and multi-episode criminal cases. Of scientific interest is the achievement of the goal of determining their belonging to a certain class of expert studies. In this case, the methods of analysis and synthesis are used. The results of the author's generalization of the practice of appointing examinations in the investigation of environmental crimes are novel. The author reveals their specific features and presents a modernized version of the class of forensic environmental examinations.

Keywords: investigation of crimes; forensic examination; A. R. Shlyakhov; classification of examinations; forensic environmental examinations; criminalistic examinations; proof.

For citation: Pitulko K. V. Practical Needs of Stratification of Forensic Examinations Within the Limits of Scientific Classification. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 29–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-29-38>

Введение

Использование специальных знаний сегодня является одним из наиболее востребованных способов установления обстоятельств совершения преступления. Еще в 60-х гг. прошлого столетия Р. С. Белкин охарактеризовал предмет криминалистики как науки о закономерностях возникновения, сабирания, исследования, оценки и использования доказательств [1, с. 13]. При этом установление функциональных особенностей противоправной деятельности становится затруднительным, а иногда и невозможным в условиях производства исключительно вербальных следственных действий. Поэтому неизбежно возникает необходимость получения доказательственной информации эксперты путем. Некоторые учёные именуют судебную экспертизу «влиятельным социальным институтом» [2, с. 31], поскольку она включает широкий перечень исследований, а лица, участвующие в ее производстве, обращаются к различным сферам общественной жизни.

Назначение и производство экспертизы практикуется при расследовании каждого уголовного дела. В связи с этим имеется потребность в наличии большого количества судебно-экспертных учреждений, укомплектованных штатом экспертов, уровень профессионализма которых соответствует требованиям, установленным Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и позволяет решать поставленную перед ней задачу. Она заключается в оказании содействия судам и органам предварительного расследования в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, посредством разрешения вопросов, требующих специальных познаний в сфере науки, искусства, техники и ремесла.

Бесценный вклад в развитие отечественных судебно-экспертных учреждений внес А. Р. Шляхов, стоявший у истоков применения экспертино-криминалистических методик при расследовании преступлений. Результаты его диссертационного исследования, выполненного на тему «Основные вопросы планирования советского предварительного следствия» (1951 г.), до настоящего времени не утратили актуальности, а разработанная в 1961 г. методика криминалистической экспертизы находится в основе современной правоприменительной деятельности. Сегодня имя профессора А. Р. Шляхова присвоено Российскому федеральному центру судебной экспертизы при Министерстве России. РФЦСЭ при Министерстве России осуществляет научно-методическое обеспечение проведения исследований в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции РФ, в частности, исходя из потребностей следственной и судебной практики, развивает новые виды экспертиз.

1. Современные особенности стратификации судебных экспертиз

Традиционные криминалистические экспертизы прошли многолетнюю практическую апробацию и являются важным способом установления истины при расследовании уголовных дел. Согласно сложившейся в юридической науке классификации они различаются по степени совершенства методик исследования и перспективам создания экспертных учреждений. Для них определены предмет, круг объектов и специфические приемы исследования [3, с. 23–24]. В частности, это траасологические, баллистические, почековедческие, судебно-технические эк-

спертизы документов. Большинство из них появились еще в XIX в., когда многие страны мира столкнулись с обвальным ростом преступности и возникла необходимость применения в судопроизводстве передовых научных достижений. Адаптация результатов научно-технического прогресса к нуждам расследования привела к появлению криминалистической доктрины, социальной функцией которой стало обеспечение судопроизводства научно-техническими средствами собирания и проверки доказательств.

На базе традиционных криминалистических экспертиз развивались новые виды экспертных исследований, что было обусловлено как общими тенденциями научно-технического прогресса, так и использованием его достижений в преступных целях, вследствие которого процесс совершения общественно опасных посягательств приобрел черты технологичности [4, с. 42–47]. В частности, сформировались автороведческая и фотографическая экспертизы.

Дискуссионным остается отнесение к видам криминалистических экспертиз исследований материалов, веществ, изделий [5, с. 212–215]. С одной стороны, такие экспертизы осуществляются в отношении вещественных доказательств, фрагменты и свойства которых подлежат детальному исследованию. С другой стороны, в основе его методик лежат не криминалистические познания, а физико-химические, и базовой наукой выступает не криминастика, а материаловедение [6, с. 50–52]. В то же время стоит согласиться с утверждением Е. Р. Россинской о том, что формирование общей теории судебной экспертизы привело к утрате актуальности дискуссии об отнесении того или иного вида исследований к криминалистическим или другим [7].

Таким образом, определяющими параметрами отнесения экспертиз к криминалистическим являются использование криминалистических методик исследования и наличие тождественных задач (идентификация, установление групповой принадлежности), предметов и объектов исследования. В 70-х гг. XX в. А. Р. Шляховым была предложена классификация судебных экспертиз, включавшая девять классов, разделенных на роды, виды и группы (подвиды) [8, с. 205]. Классы экспертиз градуировались им следующим образом: 1) криминалистические; 2) судебно-медицинские и психофизиологические; 3) судебные инженерно-транспортные; 4) судебные инженерно-технологические; 5) судебно-технические; 6) судебно-бухгалтерские и финансово-экономические; 7) судебные сельскохозяйственные; 8) судебно-экологические; 9) судебно-биологические экспертизы объектов животного или растительного происхождения. Впоследствии Ю. Г. Корухов и Т. С. Волчекая дополнили ее, обосновав самостоятельные признаки судебно-искусствоведческой [9, с. 161], судебно-почвоведческой и судебной экспертизы пищевых продуктов [10, с. 34].

В современный период многие виды экспертиз приобрели тенденцию к применению модернизированных методик, а некоторые – и к дифференциации предмета и объектов исследования. Подобно тому, как вследствие эволюции живых организмов имеет место появление новых видов фауны, а вследствие процессов гибридизации – новых видов флоры, в результате привнесения в сферу экспертных исследований ранее не изучавшихся образцов и постановки перед эксперта-

ми ранее не встречавшихся задач происходит модернизация видовой структуры классов экспертиз. Кроме того, можно упомянуть и о том, что преступное поведение изменчиво, способы совершения преступлений характеризуются исторической вариативностью, а следовые картины на месте происшествия могут нести отпечаток применения таких приемов, которые не могут быть адекватно выявлены статичным экспертным путем. В силу названных обстоятельств спектр экспертных исследований непрерывно и динамично развивается.

Особенно наглядно это подтверждает практика расследования уголовных дел о совершении экологических преступлений, преступлений, связанных с нарушением правил техники безопасности, и посягательств на права и законные интересы потребителей. Уголовно-правовые нормы, применимые в целях их квалификации, имеют бланкетный характер, т.е. переадресуют правоприменителя к иным нормативным актам, техническим правилам и спецификациям, устанавливающим набор обязательных требований, нарушение которых приводит к уголовной ответственности. Для точной характеристики события как преступления или правонарушения необходимо производство ряда экспертных исследований, которые – вследствие многократного назначения – постепенно приобретают черты автономности внутри конкретного класса или вида судебных экспертиз.

Подводя промежуточный итог, можно заключить, что научная классификация судебных экспертиз имела не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку в ее рамках состоялась их стратификация, пригодная для правоприменимых целей. Бурный рост новых технологий и их быстрое приспособление к преступному удовлетворению потребностей обусловили расширение перечня экспертных исследований. Вследствие этого виды судебных экспертиз динамично дополняются, а их конвергенция в пределах сложившейся классификации становится не всегда возможной, поскольку они могут иметь предметные и методологические отличия. На фоне этого происходит дивергенция, приводящая к обоснованию самостоятельных экспертиз, востребованных при расследовании отдельных видов преступлений.

2. Новые виды судебных экспертиз как актуальная потребность следственной практики

Обосновывая вышеизложенное, можно обратиться к практике расследования экологических преступлений. Экологическая преступность в современный период имеет выраженный корыстный характер; до 96% экологических преступлений связаны с различными видами браконьерства и незаконной добычей (заготовкой) природных ресурсов. При совершении этих действий наносится как ущерб, подлежащий материальному исчислению, так и частую невосполнимый вред элементам окружающей среды. Соответственно, возникает необходимость определения размера ущерба экспертным путем. Для этого требуется произвести ряд исследований, позволяющих определить структуру повреждений, причиненных объектам природы при совершении преступления, дать оценку возможности восстановления их первоначального состояния и стоимости рекультивационных мероприятий. Кроме того, при обнаружении признаков преступления требуется производство

осмотра места происшествия, в ходе которого могут быть изъяты различные предметы, которые необходимо идентифицировать. Таким образом, по делам данной категории производятся и криминалистические экспертизы (трасологическая, дактилоскопическая), и судебно-экологические, спектр которых может варьироваться в зависимости от особенностей посягательства и его направленности.

Одно из самых распространенных экологических преступлений – это незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)). Чаще всего оно совершается в условиях неочевидности; на месте происшествия могут быть обнаружены и изъяты различные объекты, подлежащие исследованию эксперты путем. Если идентификация лесоматериала возможна при осмотре места происшествия (визуально или с помощью специалиста), то определение степени прекращения роста и установление иных конструктивных признаков состава требует производства экспертизы. Поэтому данное следственное действие становится обязательным на последующем этапе расследования (Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит такого предписания, но точное установление обстоятельств совершения преступления, размера ущерба, количества лиц, причастных к событию, не представляется возможным иначе). Правоприменительная практика свидетельствует о том, что органы предварительного расследования в этих целях используют уже сложившийся перечень экспертиз.

Будучи объединенными в класс судебно-экологических экспертиз, они имеют ряд видовых различий, а их производству предшествуют специфические предварительные исследования, проводимые во время осмотра места происшествия. Целью исследований является установление дендрологических параметров древесины и способа незаконной рубки.

В частности, важная роль отводится судебно-дендрохронологической экспертизе, появившейся в российской правоприменительной практике около 20 лет назад [11, с. 486–489]. Для дачи заключения эксперт должен быть обеспечен двумя видами образцов: изъятых при осмотре места происшествия (порубочные остатки) и с места обнаружения лесоматериала (брюсков, бревен), т.е. на складе, из жилища лица, предположительно причастного к незаконной рубке [12, с. 20–23]. В результате можно достоверно установить хронологический промежуток, в течение которого были срублены деревья, а также локализовать ареал их произрастания, соотнеся его с координатами места рубки. Преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ, чаще всего совершаются в условиях неочевидности. Это означает, что на первоначальном этапе расследования редко можно выдвинуть версию о причастности к совершению преступления конкретных лиц. Однако впоследствии, если они установлены, заключение эксперта становится важным обвинительным доказательством. Кроме того, с его помощью можно определить интервал времени, используемый при проведении оперативно-разыскных мероприятий (например, отразив его в тексте запроса, адресованного в подразделения ГИБДД относительно количества и государственных регистрационных знаков автомобилей, следовавших по определенному маршруту).

При назначении судебно-дендрохронологической экспертизы следователь должен поставить эксперту три группы вопросов: характеризующих датировку

момента рубки, уточняющих место ее вероятного проведения и отражающих состояние древесных фрагментов (пораженность вредителями). Ответы на вопросы первой группы позволяют установить временной интервал, когда были совершены противоправные действия, на вопросы второй группы – определить место сруба деревьев (если исследуется лесоматериал), а на вопросы третьей группы – опровергнуть версию о санитарном характере рубки.

В силу сложности дендрохронологических исследований они проводятся достаточно редко, что не отвечает задаче повышения качества расследования уголовных дел о незаконной рубке лесных насаждений. Однако в перспективе они должны стать неотъемлемой частью расследования, поскольку данное преступление – одно из наиболее распространенных посягательств экологической направленности в структуре зарегистрированной (учтенной) экологической преступности [13, с. 35].

Дендрохронологический метод весьма результативен и в судебно-ботанической экспертизе, которая производится в экспертно-криминалистических центрах в системе МВД России и служит важным вспомогательным средством для установления обстоятельств незаконной рубки лесных насаждений. При ее производстве исследуются образцы древесины (в частности, спилы). Заключением судебно-ботанической экспертизы может быть установлена степень повреждения растительности, не затронутой рубкой (это является важным направлением последующего исчисления ущерба, причиненного преступлением, поскольку при вырубке части фитоареала может пострадать и прилегающая территория: от повреждений, возникших при вывозе древесины, ее распиловке, подготовке участка леса к вырубке). В данный момент этот метод нельзя отнести к традиционным, но в силу прогрессивных характеристик и дополнительных доказательственных возможностей он становится востребованным при производстве этого вида экспертиз.

При расследовании уголовных дел о незаконных рубках лесных насаждений, совершенных в условиях неочевидности, практикуется назначение судебно-биологической и судебно-почвоведческой экспертиз. В данном случае в распоряжение эксперта должны поступить объекты биологического происхождения, обнаруженные в месте совершения рубки или же полученные непосредственно с древесных фрагментов (лесоматериала). В результате становится достижимым установление тождества породного сортиента вырубленных насаждений и изъятой с места незаконного хранения древесины.

В современный период в следственной практике получает распространение назначение лесопатологической и лесотехнической экспертиз. Предметом экспериментального познания в этих случаях становятся сведения о территории, прилегающей к месту незаконной рубки. В результате могут быть получены сведения о санитарном состоянии вырубленного участка. Одним из способов скрытия факта незаконной рубки лесных насаждений является имитация санитарной рубки в месте фактической заготовки древесины. Заключение эксперта позволяет успешно опровергнуть такую версию. Оно же служит источником информации о размере ущерба, причиненного преступлением, о соотношении площадей разрешенной и незаконной рубок, о количестве и качестве вырубленных лесных насаждений.

Таким образом, при расследовании уголовных дел о незаконной рубке лесных насаждений производятся экспертизы, относящиеся к различным классам: судебно-трасологическая (класс криминалистических экспертиз) и судебно-ботаническая (класс судебно-экологических экспертиз). В результате их производства в распоряжении органов расследования появляются новые доказательства или проверяются уже имеющиеся. Обе экспертизы можно отнести к традиционным, их назначение достаточно распространено, а производство осуществляется сотрудниками экспертных подразделений системы МВД России. Нетрадиционные экспертизы основаны на использовании дендрохронологических методик, и с их помощью можно получить сведения об ареале произрастания срубленных деревьев и темпоральных характеристиках момента рубки. Судебно-дендрохронологическая экспертиза, несмотря на относительно недавнее появление, уже имеет обособленное положение внутри класса судебно-экологических экспертиз, поскольку обладает оригинальными предметом, объектами и методом. В перспективе класс судебно-экологических экспертиз может быть расширен за счет отнесения к ним лесотехнической, лесопатологической и иных экспертиз, результаты которых могут использоваться в доказывании по делам о незаконной рубке лесных насаждений и иных экологических преступлениях.

Заключение

В следственной практике востребованными остаются как процессуальные, так и непроцессуальные формы использования специальных знаний. Приоритетом при этом обладают привлечение к участию в деле специалиста, а также назначение и производство экспертизы. Специалист и эксперт играют важную роль в криминалистическом обеспечении расследования преступлений. Без их участия полное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, во многих случаях невозможно.

Научная классификация судебных экспертиз не является их замкнутым перечнем. Поэтому процесс стратификации видов экспертиз внутри их классов во многом сопутствует расширению использования специальных знаний при расследовании уголовных дел. Поскольку в «арсенале» преступников достаточно быстро оказываются новые технологии, оборудование и иные средства, позволяющие оптимизировать и совершение преступления, и сокрытие его следов, важной практической потребностью становится появление новых видов судебных экспертиз, позволяющих реконструировать событие преступления, правильно определить причиненный им ущерб и идентифицировать причастных к нему лиц.

Обосабление новых видов судебных экспертиз и появление реальной возможности их производства в системе экспертных учреждений становятся актуальной тенденцией оптимизации криминалистического обеспечения расследования преступлений. Многие посягательства – при их в целом «общеголовном» характере – совершаются в отношении предметов, закономерности существования которых остаются неочевидными для следственного познания. Поэтому новые виды судебных экспертиз обладают практической востребованностью наравне с традиционными и апробированными следственной практикой исследованиями. Кон-

вергенция и дивергенция видов судебных экспертиз остаются важными формами их стратификации и организационного оформления для использования в целях борьбы с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. *Белкин Р. С. История отечественной криминалистики.* М. : Норма, 1999.
2. *Братченко С. Л. Мир экспертизы и его возможные координаты // Экспертиза образовательных инноваций / под ред. Г. Н. Прозументовой.* Томск : Томск. гос. ун-т, 2007.
3. *Шляхов А. Р Классификация судебной экспертизы // Общее учение о методах судебной экспертизы : сборник научных трудов / Министерство юстиции СССР. Вып. 28.* М. : ВНИИСЭ, 1977.
4. *Зинин А. М., Майлис А. П. Судебная экспертиза.* М. : Юрайт, 2022.
5. *Карданов Р. Р. Еще раз к вопросу классификации криминалистических экспертиз // Проблемы в российском законодательстве.* 2020. Т. 13. № 4.
6. *Долженко Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов.* М. : Юрлитинформ, 2003.
7. *Россинская Е. Р. Тенденции развития института судебной экспертизы в современных условиях // Криминалистика в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф.* М. : ГУ ЭКЦ МВД РФ, 2001.
8. *Шляхов А. Р. Труды по судебной экспертизе.* М. : Наука, 2006.
9. *Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина.* М. : Новый юрист, 1997.
10. *Волчецкая Т. С. Основы судебной экспертологии : учебное пособие.* Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2004.
11. *Головань О. М. Особенности подготовки и назначения дендрохронологической экспертизы при расследовании экологических преступлений // «Черные дыры» в российском законодательстве.* 2007. № 2.
12. *Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В. Методы дендрохронологии. Ч. 1 : Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации.* Красноярск : КрасГУ, 2000.
13. *Питулько К. В., Коряковцев В. В., Сергеева А. А. Особенности уголовно-правовой охраны окружающей среды по законодательству России и зарубежных стран.* М. : Юрлитинформ, 2022.

References

1. *Belkin R. S. History of Russian Forensic Science.* Moscow: Spark, 1999. (In Russ.)
2. *Bratchenko S. L. The World of Expertise and its Possible Coordinates.* In *Prozumentova G. N. (ed.). Expertise of Educational Innovations.* Tomsk: Tomsk State University, 2007. (In Russ.)

3. Shliakhov A. R. Classification of Forensic Examination. In General Doctrine of Forensic Examination Methods: Collection of Scientific Papers. Issue 28. Moscow: All-Russian Research Institute of Forensic Examinations, 1977. (In Russ.)
4. Zinin A. M., Mailis A. P. Forensic Examination. Moscow: Iurait, 2022. (In Russ.)
5. Kardanov R. R. Once Again on Classification of Forensic Examinations. *Gaps in Russian Legislation*, 2020, vol. 13, no. 4. (In Russ.)
6. Dolzhenko N. I. Samples for Comparative Study and Tactics of Obtaining Experimental Samples. Moscow: Iurlitinform, 2003. (In Russ.)
7. Rossinskaia E. R. Trends in the Development of the Forensic Science Institute in Modern Conditions. In Forensic Science in the 21st Century: Papers of the International Scientific-Practical Conference. Moscow: State University of the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2001. (In Russ.)
8. Shliakhov A. R. Works on Forensic Science. Moscow: Nauka, 2006. (In Russ.)
9. Averianova T. V., Belkin R. S. (eds.). Forensic Support for the Activities of the Criminal Police and Preliminary Investigation Bodies. Moscow: Novyi Iurist, 1997. (In Russ.)
10. Volchetskaia T. S. Fundamentals of Forensic Expertology. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publishing House, 2004. (In Russ.)
11. Golovan O. M. Features of Preparation and Appointment of Dendrochronological Examination in the Investigation of Environmental Crimes. "Black Holes" in Russian Legislation, 2007, no. 2. (In Russ.)
12. Shiiatov S. G., Vaganov E. A., Kirdianov A. V. Methods of Dendrochronology. Part 1: Fundamentals of Dendrochronology. Collection and Obtaining Tree-Ring Information. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 2000. (In Russ.)
13. Pitulko K. V., Koriakovtsev V. V., Sergeeva A. A. Features of Criminal-Legal Protection of the Environment Under the Legislation of Russia and Foreign Countries. Moscow: Iurlitinform, 2022. (In Russ.)

Сведения об авторе:

К. В. Питулько – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

K. V. Pitulko – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 30.06.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 343.985

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-39-48>

ОЧНАЯ СТАВКА: ТАКТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ

Олег Евгеньевич Чиняков¹

Роман Васильевич Федосеев²

¹ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

² Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), 248021, Россия, г. Калуга, ул. Московская, д. 256А

¹ chinyakov.oleg@yandex.ru

² fedoseevrv@gmail.com

Аннотация

Актуальность исследования заключается в необходимости комплексного изучения тактических и психологических приемов, используемых следователями при проведении очной ставки. Целью работы является изучение ключевых вопросов, относящихся к приемам, способам и технике проведения очной ставки в различных следственных ситуациях. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, анализ, статистика, а также психологические и социологические подходы. Проведение очной ставки всегда требует от следователя большого напряжения, выдержки, решительности и несомненного контроля всего процесса. Авторы делают выводы, что различные тактические приемы при производстве очной ставки обусловлены отдельными обстоятельствами и обстановкой, имеют собственные возможности, пределы применения и, соответственно, эффект.

Ключевые слова: проблемные вопросы; очная ставка; существенные противоречия; необходимые условия; тактика; прием; психологические особенности.

Для цитирования: Чиняков О. Е., Федосеев Р. В. Очная ставка: тактические и психологические приемы проведения // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 39–48. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-39-48>

Research Article

THE CONFRONTATION: TACTICAL AND PSYCHOLOGICAL TECHNIQUES OF CONDUCTING

Oleg E. Chinyakov¹

Roman V. Fedoseev²

¹ Ogarev Mordovian State University, 68 Bolshevikskaia St., Saransk, 430005, Russia

² Kaluga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
256A Moskovskaia St., Kaluga, 248021, Russia

¹ chinyakov.oleg@yandex.ru

² fedoseevrv@gmail.com

Abstract

The relevance of the study lies in the need for a comprehensive study of the tactical and psychological techniques used by investigators during the confrontation. The purpose of the work is to study key issues related to the techniques, methods and techniques of confrontation in various investigative situations. The methodological basis of the research was the dialectical method, analysis, statistics, as well as psychological and sociological approaches. Conducting a confrontation always requires a lot of tension, endurance, determination and undoubtedly control of the whole process from the investigator. The authors conclude that various tactical techniques in the production of confrontation are determined by individual circumstances and circumstances, have their own capabilities, limits of application and, accordingly, the effect.

Keywords: problematic issues; confrontation; essential contradictions; necessary conditions; tactics; technique; psychological characteristics.

For citation: Chinyakov O. E., Fedoseev R. V. The Confrontation: Tactical and Psychological Techniques of Conducting. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 39–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-39-48>

Введение

Исследуя понятие и сущность очной ставки как следственного действия, очевидно, что для достижения поставленных целей следователю просто необходимо знать тактические и психологические приемы ее проведения, поскольку в процессе очной ставки всегда существует риск возникновения конфликта между ее непосредственными субъектами, и поэтому она требует необычного подхода.

Прежде всего отметим, что очная ставка проводится в целях устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Одновременно решаются задачи по выяснению причин расхождений в показаниях, а также проверки не только имеющихся сведений, но и, зачастую, получения новых. Для этого следователь применяет различные тактические приемы, среди которых предоставление возможности сторонам очной ставки изложить свою позицию оппоненту открыто. Эта особенность оказывает на субъекта ложных показаний должное предполагаемое воздействие, результатом которого является их изменение на правдивые. При бесконфликтном течении очной ставки, очно взаимодействуя, стороны могут помогать друг другу лучше вспомнить спорные обстоятельства, и поэтому ситуация может варьироваться. Имеется в виду изменение сторонами показаний в различных направлениях – оправдательном или обвинительном. Однако довольно часто, особенно при конфликтном характере очной ставки, стороны оставляют свои показания без изменений.

1. Роль следователя в проведении очной ставки

Главную роль в решении вопроса о проведении очной ставки играет следователь, который, во-первых, принимает решение о ее необходимости, предварительно тщательно изучив показания сторон и выявив в них существенные противоречия, во-вторых, предполагает достижение положительного эффекта от ее проведения, не исключая возможные риски, а именно нулевой, отрицательный и даже вредный результат. В случае принятия решения о проведении очной ставки следователь должен продемонстрировать участникам свое главенство, устанавливая общий порядок ее проведения, в том числе последовательность вопросов и ответов на них. Но такая позиция следователя может иметь и обратный результат, если не соблюдать баланс. Необходимо создать атмосферу доверия, мотивирующую стороны давать правдивые показания, и соответственно убеждая их в пользу такого поведения. При этом действия следователя должны быть энергичными, настойчивыми, смелыми и решительными, т.е. формальный подход здесь недопустим.

С позиции следователя подготовка к проведению очной ставки начинается с анализа имеющихся на данный момент показаний допрошенных лиц, к которым относятся обвиняемый, подозреваемый, потерпевшие, свидетели, на предмет со-поставления и выявления в них существенных противоречий с тем, чтобы в дальнейшем посредством очной ставки эти противоречия устранить.

В ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) в качестве оснований проведения очной ставки указаны только имеющиеся в показаниях ранее допрошенных лиц существенные противоречия. Но к выводу о наличии таких противоречий, с нашей точки зрения, можно прийти не сразу, а только после тщательного изучения всех обстоятельств преступления и имеющихся доказательств. В этом случае вызывают интерес способы и методы определения степени «существенности» противоречий, что само по себе является субъективным оценочным признаком. Очевидно, что все здесь зависит от компетенции самого следователя, его профессионального опыта, и именно поэтому проведение очной ставки является правом, а не обязанностью следователя.

Некоторые авторы считают, что необходимо включить в УПК РФ дополнительные основания для проведения очной ставки [1, с. 125], что является предметом дискуссии.

Полагаем, что можно сформулировать следующие факторы, побуждающие следователя к проведению очной ставки:

– следователь желает проверить поведение сторон на очной ставке с позиции их непреклонности и убежденности, либо наоборот – нерешительности и ненадежности, что будет способствовать объективной оценке доказательств по делу;

– в показаниях ранее допрошенных лиц очевидны серьезные противоречия, обусловленные не ложью, а, возможно, добросовестным заблуждением. Очная ставка поможет восстановить в памяти важные обстоятельства;

– следователь рассчитывает на изменение ложных показаний со стороны одного из участников, опираясь на твердость и уверенность в своих показаниях его откровенного оппонента. Это должно дополнительно убедить лжеца в наличии и действительности у следствия необходимых доказательств;

– следователь хочет выяснить причину противоречий в показаниях лиц, выявить мотив оговора, если таковой имеет место, и истинные взаимоотношения лиц, между которыми проводится очная ставка, с тем чтобы правильно квалифицировать деяние;

– очная ставка необходима для дальнейшего планирования расследования, определения тактики следствия.

Однако имеются и предпосылки, на основе которых проводить очную ставку нецелесообразно, бессмысленно и даже неразумно, а именно:

– очная ставка между участниками преступной группы может привести к возникновению преступного сговора и синхронизации показаний, негативно влияющих на процесс раскрытия и расследования преступления;

– имеющиеся противоречия в показаниях лиц имеют незначительный характер (например, пальто было зеленым либо салатовым) и напрямую не влияют на квалификацию преступления и установление элементов его состава;

– проведение указанного следственного действия может выйти за пределы предусмотренных УПК РФ ограничений;

– показания одних лиц комплексно подтверждаются иными следственными действиями и собранными доказательствами, а значит, нет необходимости в устранении противоречий. Проведение очной ставки в таком случае преследует иную цель – закрепление ранее полученных показаний и искусственное увеличение количества доказательств по уголовному делу.

2. Необходимость постановки каждого субъекта в различные условия

Главной тактической особенностью проведения очной ставки, на наш взгляд, является необходимость постановки каждого субъекта в различные условия. Так, данное следственное действие должно проводиться в первую очередь с учетом безопасности ее участников, особенно когда оно осуществляется в отношении подозреваемого, обвиняемого, с одной стороны, и потерпевшего, свидетеля – с другой. В этом случае надо обеспечить безопасность последних и, при необходимости,

ти, осуществить комплекс мер по их анонимности [2]. Исходя из общего порядка проведения следственных действий можно отметить, что со стороны подозреваемого, обвиняемого, скорее всего, будет участвовать адвокат, и, соответственно, следователь со своей стороны может обеспечить участие криминалиста либо иных оперативных работников, взаимодействующих со следователем по делу, в целях обеспечения как безопасности проведения самого следственного действия, так и определенных участников. Довольно рискованна ситуация, когда в очной ставке принимают участие члены преступной группы, отношения которых сформированы на страхе перед лидером, сложившейся иерархии внутри группы, основанной на поддержании строжайшей дисциплины посредством применения системы жестоких наказаний. В таком случае изначально правдивые показания могут быть значительно искажены либо вообще изменены на ложные. Сам факт нахождения в одном помещении участников одной группы может привести к тому, что один из субъектов замыкается в себе либо полностью соглашается с показаниями противной стороны, имеющей на него влияние.

Если подозреваемый, обвиняемый отказываются участвовать в очной ставке, следователь имеет право ее провести вне зависимости от воли указанных субъектов. При этом на практике нередки ситуации, когда изначально лицо отказывается от участия в данном следственном действии, но в процессе его проведения, по решению следователя, самолично убедившись в реальности показаний другого лица, начинает активно сотрудничать со следствием, оглашая правдивые сведения, которые подтверждают определенные события либо опровергают их. Если же свидетель, потерпевший всячески уклоняются от проведения очной ставки, но, по мнению следователя, очная ставка необходима, то следователь должен руководствоваться законом (ст. 192 УПК РФ), но не идти на поводу у последних.

3. Тактика производства очной ставки

Переходя к тактике производства очной ставки, отметим, что она начинается с того, что следователь выбирает, как и в какой последовательности стороны будут излагать свою позицию по спорным вопросам. Результативность данного следственного действия напрямую зависит от его тактики. По общему правилу следователь на очной ставке предоставляет возможность сторонам дать показания по заданным вопросам по очереди, потом стороны могут задавать вопросы друг другу, и в завершение все заданные вопросы и ответы сторон следователь фиксирует в протоколе. Однако описанная процедура может иметь свои особенности [3, с. 139].

Анализ практики применения очной ставки для побуждения кого-либо из не-посредственных участников изменить ложные показания на правдивые показывает, что последние это делают чрезвычайно редко. Если подозреваемый изначально отказывается давать правдивые показания, то никакие противоречия не изменят позицию в его картине мира – он невиновен и, соответственно, ответственности не подлежит. Также нужно отметить, что очная ставка сама по себе является не-отъемлемой частью предмета доказывания, в частности для определения признаков объективной стороны, особенно связанных с местом и временем совершения

преступления. Даже при отрицании вины можно при помощи косвенных вопросов установить фактическое время совершения преступления. Например, не сообщая точное время совершения преступления, задать вопрос о том, чем был занят подозреваемый в определенный (достаточно длинный) отрезок времени, и виновный на подсознательном уровне, как правило, даст ответ с ложным алиби именно на время совершения преступления.

Неотъемлемой и весьма важной частью проведения очной ставки является установление доверительных отношений между следователем и лицами, между которыми планируется проведение очной ставки, безотносительно, кто из указанных субъектов дает правдивые показания и наоборот. Это достигается посредством открытости, честности, объективности и, соответственно, справедливости со стороны следователя. Один из субъектов очной ставки может активно либо замаскированно противодействовать даже правдивых показаний оппонентом и даже в ходе ее проведения отказываться от дальнейшего участия, если поймет, что ее результат может быть не в его пользу. Однако опираясь на твердые и правдивые показания одного из субъектов, следователь может установить и подтвердить реальные обстоятельства дела, выявить причины отказа от участия в следственном действии, определить наиболее «раздражающие» вопросы. Интерес здесь представляет и неверbalное поведение участников. Несмотря на свой сложный характер распознавания, оно может непосредственно указать, в какой момент допрашиваемое лицо в ходе очной ставки начинает давать ложные показания, хитрить либо, наоборот, переживать и путаться. Так, лицо может намеренно сообщать усеченную информацию, частично правдивую, и в таком случае невербальное поведение будет его выдавать. К примеру, при даче ложных показаний лицо пребывает в состоянии волнения, чаще запинается, задумывается, поскольку прорабатывает дальнейшие ответы на вопросы и старается придерживаться логичности своего рассказа. На основе анализа совокупности указанных невербальных сигналов, подкрепленных вербальной информацией, следователь, не делая прямых выводов в присутствии такого лица, может установить ранее неизвестные следствию факты.

Сложность проведения очной ставки возникает и в том случае, когда участником ее является бывший опытный оперативник, следователь либо иной сотрудник правоохранительных органов, осведомленный о способах и приемах оперативно-разыскной деятельности, методиках расследования отдельных видов преступлений, способах сокрытия следов преступной деятельности и пр. Такие специальные познания и практический опыт позволяют ему противостоять любому воздействию со стороны следователя, твердо и уверенно защищать себя, создавая противоречия и оставаясь на избранном направлении. В такой ситуации просто необходима уверенность следователя, что ключевой свидетель не изменит свои ранее зафиксированные показания под давлением такого субъекта противодействия. Чтобы следователю убедить последнего в бессмыслии противодействия, необходимо добить весомые доказательства его вины еще до проведения очной ставки и в нужный момент предъявить их. В таком случае очная ставка будет выступать вспомогательным, а не основным проявлением наличия у следствия убедительных доказательств по расследуемому уголовному делу. Возвращаясь к неверbalному поведению, можно

предположить, что оно доступно не каждому субъекту очной ставки в силу неподготовленности и неспособности сознательного контроля, а поэтому при проведении очной ставки проявляет себя зачастую инертно. Исходя из этого весь ход очной ставки может быть дополнительно зафиксирован с помощью средств видеозаписи и затем изучен с участием квалифицированного психолога, который поможет следователю выявить признаки неверbalного поведения.

Рассматривая конкретные тактические приемы следователя, применяемые им в ходе проведения очной ставки, следует выделить провоцирование спора, когда следователь преднамеренно ставит стороны в противоборствующие положение путем постановки малоудобных, раздражающих вопросов, которые, несомненно, приведут к столкновению мнений. Эта ситуация требует контроля со стороны следователя, поскольку разногласия могут перерасти в активное состояние, а именно неприкрытый конфликт, и в этой связи возможен вариант проведения очной ставки сквозь специальную ширму с участием сотрудников ОВД, обеспечивающих безопасность субъектов следственного действия. Конфликтующие стороны усиливают темперамент, который способствует быстроте реакций на взаимные вопросы, при этом суженные временные рамки для обдумывания существенно затрудняют дачузвешенных, осторожных ответов. Помимо подтверждения противоречивых показаний такой прием активно используется следователем для получения новой информации по уголовному делу, так как в ходе очной ставки, для убедительности своей правоты, стороны прибегают к предъявлению всех аргументов. Следователь же при таком приеме может демонстрировать поддержку то одной, то другой стороны, тем самым сохраняя напряжение между ними и поддерживая градус спора. При этом необходимо контролировать процесс с тем, чтобы стороны не перешли на откровенные оскорблении, и очную ставку придется прекратить в самом ее разгаре. Очевидно, что при использовании такого приема также необходимо применение аудио- либо видеосъемки, поскольку темп проведения очной ставки не позволит следователю быстро зафиксировать в протоколе весь ее ход и результаты в онлайн-режиме. Видеозапись также позволит следователю сосредоточиться на постановке вопросов по очной ставке, не отвлекаясь на пристальное визуальное наблюдение за участниками, и позволит в дальнейшем установить возможныйговор между участниками в случае использования ими языка, неизвестного следователю [4, с. 723]. Кроме того, дополнительные средства фиксации позволят не упустить все важные моменты и получить дополнительную информацию.

Дискуссии заслуживает применение такого тактического приема при очной ставке, как ее проведение между тремя и большим числом лиц, например подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями. При этом совершенно неважно, какое количество раз каждый из них ранее был допрошен, главное – в их показаниях имеются существенные противоречия, которые следствие желает устранить. Принято считать, что очную ставку проводят между двумя ранее допрошенными лицами. К такой отличительной черте очной ставки склоняются большое количество учеников, предлагающие данный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве устраниить посредством закрепления этого положения в УПК РФ [5]. Следовательно, ими высказывается позиция, что не следует проводить очную ставку между тре-

мя и более лицами, а противоречия в их показаниях устраняются путем проведения нескольких очных ставок. Очевидно, что, если следователь все-таки решится на проведение такой массовой очной ставки, он должен учитывать усиление психологического воздействия на участников, обусловленного так называемым «эффектом присутствия», когда нравственно-эмоциональное воздействие пропорционально количеству участников. Такая очная ставка достигает положительного эффекта в том случае, когда двое из трех участников являются добросовестными, и их групповое положительное воздействие на лицо, дающее ложные показания, усиливает его решимость изменить их на правдивые [6, с. 15].

Мы разделяем позицию А. Б. Соловьева, который в качестве тактических приемов на очной ставке рекомендует предъявлять вещественные доказательства, с помощью которых следователь побуждает изменить позицию недобросовестного участника [7, с. 91]. Такие свидетельства рассеивают иллюзии и подталкивают виновного раскрыться, изменив показания на правдивые.

Заключение

В заключение нельзя не отметить, что в качестве тактических приемов проведения очной ставки можно выделить сокрытие следователем истинной цели ее проведения. Так, изобличая ложные показания одного лица, он побуждает других лиц к даче ранее неизвестных следствию, но очень важных показаний, т.е. искусно нивелирует конфликт. На существующие изначально противоречия в начале очной ставки внимание следователь не заостряет, но постепенно раскручивает мнения сторон специально подготовленными вопросами [8, с. 79].

Таким образом, нами были рассмотрены наиболее распространенные тактические приемы производства очной ставки, выделены возможности применения данного следственного действия для эффективного раскрытия и расследования преступлений. Отметим необходимость высокого профессионального уровня следователя при реализации тактических замыслов, поскольку при неправильной подготовке очной ставки и ошибках следователя в ходе ее проведения в одном случае не будут достигнуты цели, а в другом – наступят вредные последствия для процесса доказывания.

Пристатейный библиографический список

1. *Руссих О. Е., Нураева Э. Д. Тактические особенности проведения очной ставки // Юридическая наука в современном мире: актуальные проблемы и перспективы развития : сборник материалов Всероссийского круглого стола, Уфа, 13 мая 2021 года. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, 2021.*
2. *Бардамов С. В. Очная ставка с анонимным свидетелем (актуальные проблемы юриспруденции и пути решения) // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 5. НН : ИЦРОН, 2018.*
3. *Унжакова С. В. Тактические особенности проведения очной ставки при расследовании приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или*

сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (13).

4. Иванова У.А., Безмоленко В.В. Тактические и процессуальные особенности производства очной ставки с участием несовершеннолетних // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 4 (31).

5. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004.

6. Андроник Н.А. Тактические особенности проведения очной ставки в конфликтной следственной ситуации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1. № 1 (3).

7. Соловьев А. Б. Очная ставка. М. : Юрллитинформ, 2006.

8. Резяпова А. А. Некоторые тактические особенности производства очной ставки // Студенческие южноуральские криминалистические чтения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 14 декабря 2020 года / отв. ред. И. А. Макаренко. Уфа : БашГУ, 2020.

References

1. Russikh O. E., Nugaeva E. D. Tactical Features of the Confrontation. In Legal Science in the Modern World: Current Problems and Prospects of Development: Collection of Materials of the All-Russian Round Table, Ufa, May 13, 2021. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. (In Russ.)

2. Bardamov S. V. Confrontation with an Anonymous Witness (Actual Problems of Jurisprudence and Solutions). In Collection of Scientific Papers on the Results of the International Scientific and Practical Conference. No. 5. Nizhny Novgorod: Innovative Center for the Development of Education and Science, 2018. (In Russ.)

3. Unzhakova S. V. Tactical Features of Confrontation During Breeding, Storage, Transportation, Processing for the Purpose of Marketing or Marketing of Deliberately Unfinished Timber Harvesting. *Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (13). (In Russ.)

4. Ivanova U. A., Bezmolenko V. V. Tactical and Procedural Features of the Production of Confrontations Involving Minors. *Alley of Science*, 2019, vol. 2, no. 4 (31). (In Russ.)

5. Ryzhakov A. P. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. 4th ed. Moscow: Norma, 2004. (In Russ.)

6. Andronikov N. A. Tactical Features of Confrontation in a Conflict Situation. *Modern Criminal Procedure Law – Lessons of History and Problems of Long-Range Reform*, 2021, vol. 1, no. 1 (3). (In Russ.)

7. Soloviov A. B. Confrontation. Moscow: Iurlitinform, 2006. (In Russ.)

8. Reziapova A. A. Some Tactical Features of the Production of Confrontation. In Makarenko I. A. (ed.). Student South Ural Forensic Readings: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Ufa, December 14, 2020. Ufa: Bashkir State University, 2020. (In Russ.)

Сведения об авторах:

О. Е. Чиняков – кандидат исторических наук.

Р. В. Федосеев – доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors:

O. E. Chinyakov – PhD in History.

R. V. Fedoseev – Doctor of History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 26.06.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-49-59>

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Дмитрий Юрьевич Яковлев

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России), 664011,
Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4
dmitrii-iakovlev@mail.ru

Аннотация

Судебная автотехническая экспертиза является одним из наиболее сложных видов судебных экспертиз. Сложности возникают как при осмотре места дорожно-транспортного происшествия, так и на этапах подготовки и проведения экспертного исследования. В статье обсуждаются вопросы классификации судебных автотехнических экспертиз, тактики назначения и производства указанного вида судебных экспертиз, особенностей постановки вопросов судебному эксперту, оценки заключения эксперта. Методологической основой работы является положение теории познания и общей теории судебной экспертологии. В ходе исследования были использованы следующие методы: сравнительно-правовой, формально-логический, диалектический, системно-структурный и функциональный.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие; судебная автотехническая экспертиза; криминалистическая идентификация; криминалистическая диагностика; стратегия назначения и производства судебной автотехнической экспертизы.

Для цитирования: Яковлев Д. Ю. Некоторые вопросы назначения и производства судебной автотехнической экспертизы // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 49–59. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-49-59>

Research Article

SOME ISSUES OF APPOINTMENT AND PRODUCTION OF FORENSIC AUTOMOTIVE EXPERTISE

Dmitry Yu. Yakovlev

Irkutsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 4 Nekrasova St.,
Irkutsk, 664011, Russia
dmitrii-iakovlev@mail.ru

Abstract

Forensic auto-technical examination is one of the most complex types of forensic examinations. Difficulties arise both during the examination of the scene of a traffic accident and during the stages of preparation and conduct of an expert examination. The article discusses the classification of forensic auto-technical examinations, the tactics of assigning and conducting this type of forensic examination, the specifics of asking questions to a forensic expert, and the evaluation of an expert's conclusion. The methodological basis of the work is the theory of knowledge and the general theory of forensic expertology. The following methods were used during the research: comparative legal, formal-logical, dialectical, systemic-structural, and functional.

Keywords: traffic accident; forensic automotive technical expertise; forensic identification; forensic diagnostics; strategy of appointment and production of forensic automotive expertise.

For citation: Yakovlev D. Yu. Some Issues of Appointment and Production of Forensic Automotive Expertise. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 49–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-49-59>

Введение

Дорожно-транспортное происшествие характеризуется ограниченным временем развития его механизма. В этой связи при расследовании преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств установить фактические обстоятельства произшедшего на основании показаний очевидцев, потерпевших или виновника не представляется возможным. Одним из путей решения указанной проблемы является назначение и производство различных судебных экспертиз.

В связи с этим особую актуальность приобретает рассмотрение предмета, объекта, видов, требований, предъявляемых к экспертам, и ряда других вопросов при-

менения специальных знаний при расследовании уголовных дел указанной категории. Нельзя не согласиться с И. Р. Астановым, утверждающим, что экспертиза играет ключевую роль в ходе дознания и предварительного следствия [1, с. 31]. В данном случае речь идет о расследовании преступлений вообще, но это положение особенно актуально при расследовании преступлений против безопасности дорожного движения. Следует понимать, что результаты назначенных и выполненных судебных экспертиз в данном случае образуют ядро доказательственной базы. Это подтверждает проведенный нами анализ уголовных дел, возбужденных по ст. 264, 264.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Следователями (дознавателями) в 76% случаев назначалось не менее четырех экспертиз, а в 24% – не менее пяти.

Только экспертами Российского федерального центра судебных экспертиз Министерства юстиции РФ за год выполняется около 12 500 экспертиз по уголовным делам, возбужденным по факту преступных нарушений правил безопасности и эксплуатации транспортных средств.

На практике часто возникают проблемы, связанные с назначением и производством судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Это в первую очередь затруднения при определении рода (вида) назначаемой судебной экспертизы, количества и объема материалов, направляемых на исследование, и формулировании вопросов, выносимых на разрешение судебной экспертизы. Трудности создают и проблемы организационно-технического характера.

1. Классификация судебных автотехнических экспертиз

Нужно отметить, что при расследовании преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств наиболее часто назначаются судебные автотехнические экспертизы. Следует понимать, что в структуру судебной автотехнической экспертизы (род экспертных исследований) включены несколько видов различных экспертиз, каждая из которых решает свои, присущие только ей, задачи. По мнению Е. Р. Россинской, классификация судебной автотехнической экспертизы может быть представлена следующим образом:

1. Инженерно-психофизиологическая экспертиза состояния и индивидуальных особенностей водителя транспортного средства и других участников ДТП:

1.1. Установление возможности правильного восприятия водителем создавшейся опасной или аварийной дорожной обстановки перед ДТП. Установление возможности выполнения конкретным водителем в установленный отрезок времени необходимых действий в опасной или аварийной дорожной обстановке.

1.2. Установление времени реакции конкретного водителя на возникновение опасной дорожной ситуации (появление препятствия движению) в зависимости от индивидуальных психофизиологических особенностей водителей и условий появления препятствия движению и др.

2. Диагностическая экспертиза технического состояния автомототранспорта, состоящая из следующих подвидов:

2.1. Диагностическая экспертиза технического состояния автомототранспорта:

2.1.1. Установление технического состояния транспортных средств и их узлов, механизмов и деталей для определения его соответствия установленным требованиям стандартов, нормативов в сфере безопасности.

2.1.2. Определение технических неисправностей у транспортного средства, а также отдельных узлов, механизмов и деталей.

2.1.3. Определение времени возникновения неисправности транспортного средства и ее причины.

2.1.4. Установление причинно-следственной связи между действиями водителя и появлением неисправности у транспортного средства.

2.1.5. Определение наличия у водителя возможности предотвращения ДТП при имеющемся в момент ДТП техническом состоянии транспортного средства.

2.1.6. Установление у водителя наличия возможности предотвращения ДТП при техническом состоянии ТС, соответствующем установленным стандартам и нормативам в сфере безопасности.

2.1.7. Определение степени воздействия неисправности ТС на возникновение и развитие дорожно-транспортного происшествия.

2.1.8. Установление у водителя и должностных лиц, ответственных за эксплуатацию ТС в технически исправном состоянии, возможности своевременно обнаружить неисправности ТС и предотвратить ДТП.

2.2. Комплексная диагностическая металловедческая экспертиза деталей транспортных средств:

2.2.1. Установление состояния внешнего освещения транспортного средства (включенного, невключенного) в момент ДТП по термическим изменениям нитей накаливания и др.

2.2.2. Определение соответствия материала изготовления деталей транспортного средства ГОСТам, техническим условиям и другой нормативной документации.

2.2.3. Установление включенного (невключенного) состояния фар транспортного средства в момент ДТП по имеющимся изменениям держателей и нитей накаливания.

2.2.4. Установление характера излома детали или механизма.

2.3. Диагностическая экспертиза технического состояния городского электротранспорта, гусеничных и специальных машин.

3. Диагностическая экспертиза технического состояния дороги, дорожных обустройств и условий окружающей среды на участке ДТП:

3.1. Установление категории дороги на месте ДТП по геометрическим параметрам дороги, виду и состоянию покрытия ее проезжей части.

3.2. Определение технической возможности предотвращения ДТП на данном участке дороги.

3.3. Исследование дорожных условий на месте ДТП (наличие и состояние средств регулирования, состояние дорожного покрытия проезжей части, обочин и других элементов полосы отвода).

3.4. Определение характеристик и коэффициентов автомобильной дороги на месте ДТП (коэффициент сцепления, коэффициент сопротивления качению, величины замедления).

3.5. Установление обстоятельств, связанных с дорожными условиями на месте ДТП, способствовавших или могущих способствовать возникновению дорожно-транспортного происшествию.

4. Экспертиза механизма различных видов ДТП, включающая в себя следующие исследования:

4.1. Экспертиза столкновений транспортных средств, наездов на стоящий транспорт и неподвижное препятствие:

4.1.1. Установление траектории и характера движения как транспортного средства (торможение, разгон, равномерное движение), так и других участников ДТП в момент, предшествующий происшествию.

4.1.2. Исследование механизма ДТП на всех стадиях его развития.

4.1.3. Определение скорости движения как транспортного средства, так и других участников ДТП в момент возникновения опасной дорожной обстановки по следам торможения или другим путем.

4.1.4. Установление тормозного и остановочного пути транспортного средства.

4.2. Экспертиза механизма происшествия при наезде на пешехода:

4.2.1. Определение характера движения и траектории транспортного средства до наезда на пешехода.

4.2.2. Определение места наезда (удара) на пешехода.

4.3. Экспертиза опрокидывания транспортного средства:

4.3.1. Установление технической причины потери устойчивости и опрокидывания транспортного средства.

4.3.2. Установление характера движения и траектории движения транспортного средства до его опрокидывания.

4.4. Экспертиза действий водителя транспортного средства:

4.4.1. Определение соответствия действий водителя в данной дорожной обстановке требованиям, установленным правилами в сфере безопасности движения.

4.4.2. Определение причинно-следственной связи между действиями водителя по управлению транспортным средством и наступившими в результате ДТП последствиями [2, с. 432].

2. Особенности назначения судебной автотехнической экспертизы

Вне зависимости от вида судебной автотехнической экспертизы ее назначение и производство включает три этапа: подготовительный, рабочий (операционный) и заключительный.

Подготовительный этап включает в себя решение следующих задач:

1) определение необходимости назначения и предмета экспертного исследования и формулирование вопросов на разрешение эксперта;

2) сбор необходимых исходных данных и определение содержания и объема материалов, представляемых на экспертное исследование;

3) определение экспертного учреждения, где планируется проведение экспертизы, или эксперта-автотехника, если таковой не является сотрудником экспертного учреждения.

Очевидно, что экспертиза назначается тогда, когда необходимым становится использование специальных знаний при расследовании преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Считаем, что такая необходимость возникает в следующих случаях:

1) потребность в установлении новой и проверке имеющейся информации о фактических обстоятельствах расследуемого уголовного дела;

2) невозможность установления фактических обстоятельств без использования специальных знаний в области судебной автотехники;

3) необходимость закрепления установленных фактических обстоятельств в заключении эксперта как источнике доказательств.

При этом, по нашему мнению, решение о необходимости назначения судебной автотехнической экспертизы может приниматься только при соблюдении всех указанных условий.

После принятия решения о производстве экспертизы следователю (дознавателю) необходимо определиться с перечнем вопросов, выносимых на разрешение.

А. В. Дулов считает, что «от продуманности содержания вопросов, тщательной формулировки каждого из них нередко зависит полнота и быстрота проведения экспертизы» [3, с. 25].

Нередко следователи ограничиваются вопросами общего характера, содержащимися в методической литературе, без привязки к конкретной ситуации:

1. Имелась ли у водителя техническая возможность предотвращения ДТП?

2. Соответствовали или нет действия водителя с технической точки зрения требованиям безопасности дорожного движения?

3. Какими требованиями Правил дорожного движения в данной дорожной обстановке следовало руководствоваться водителю?

Характер преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств определяет перечень конкретных вопросов на разрешение экспертизы.

Если следователь имеет дело с наездом на пешехода, то разрешению в первую очередь подлежат следующие вопросы:

1. Какова была скорость транспортного средства к моменту начала торможения и (или) в момент наезда на пешехода?

2. Какова длина остановочного пути автомобиля при заданных условиях?

3. Каково время, необходимое для полной остановки транспортного средства?

4. Каково время движения пешехода к месту наезда с момента возникновения опасной дорожной ситуации?

5. Имелась ли возможность у пешехода удалиться на безопасное расстояние от полосы движения транспортного средства при своевременном торможении автомобиля?

Правильность формулирования вопросов напрямую зависит от осведомленности следователя о возможностях автотехнической экспертизы и определения ее вида (подвида).

Кроме того, вид экспертизы определяет и необходимый перечень материалов, направляемых на экспертное исследование. К числу основных требований относятся подлинность, пригодность и полнота. Необходимо также учитывать и специфику производства данного вида экспертизы. После совершения дорожно-транспортного происшествия транспортное средство помещается на специальную стоянку, соответственно, следователю необходимо продумать механизм передачи автомобиля эксперту для последующего производства судебной экспертизы.

В целом объем и содержание направляемых на экспертное исследование материалов напрямую зависят и от вида экспертного исследования, и от задач экспертизы, и от ее специфики. При исследовании дорожно-транспортного происшествия, связанного с наездом на пешехода, необходимо предоставить в распоряжение эксперта данные, касающиеся типа, марки и модели транспортного средства, его технического состояния с указанием типа и исправности или неисправности его тормозной и рулевой систем, шин, осветительных и светоотражающих приборов. Значение имеют и сведения, отражающие количество пассажиров, находившихся в салоне транспортного средства, тип и массу перевозимого груза. Отдельно представляются сведения о виде и состоянии дорожного покрытия. Поскольку речь идет о наезде на пешехода, необходимо указать, в какой момент движения произошел наезд, какой частью автомобиля произошло столкновение. Немаловажно отразить видимость в момент дорожно-транспортного происшествия и обзорность с места водителя. Важна информация о скорости и направлении движения участников происшествия, их изменении, а также о психофизиологическом состоянии водителя и пешехода.

Все перечисленные и не только данные о преступном нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств находятся в разных источниках, которые можно объединить в три группы:

1) материалы предварительного и судебного следствия. Находящаяся в них информация может носить объективный и субъективный характер. Так, расположение транспортных средств, трупа на месте происшествия, наличие или отсутствие и состояние дорожной разметки, состояние дорожного полотна зафиксированы в протоколе осмотра места происшествия и объективны по своей сути, в то время как показания свидетелей, потерпевшего и виновного – субъективны;

2) справочные данные. К их числу можно отнести информацию о массе, максимальной скорости автомобиля, характеристиках профиля дороги и т.п.;

3) расчетно-аналитические данные. Такая информация содержится в описании различных экспертных методик, получена на основании расчетов с вычислением достоверности получаемых результатов.

Два последних источника информации преимущественно используются экспертом и, как правило, в тех случаях, когда в материалах, направляемых на экспертизу, не в полной мере нашли отражение данные протоколов осмотра места происшествия, проверки показаний на месте, следственного эксперимента. В этом случае выводы эксперта зачастую носят вероятностный характер. При этом выход из обозначенной проблемной ситуации нам видится в применении специальных автотехнических знаний самим следователем до назначения судебной автотехнической экспертизы или в обращении следователя к помощи специалиста – автотехника при проведении первоначальных и последующих следственных действий.

Другим проблемным вопросом, возникающим при назначении автотехнической экспертизы, является возможность эксперта самостоятельно отбирать необходимые для исследования материалы, оценивая исходные данные. Речь идет о тех случаях, когда следователь представляет эксперту все материалы уголовного дела, ссылаясь на необходимость и возможность эксперта отобрать необхо-

димые для производства исследования. Эта проблема довольно давно обсуждается в криминалистической литературе. Так, Ю. Г. Корухов справедливо отмечал, что «проблема эта в достаточной мере сложна, так как формально закон не признает эксперта к категории лиц, которым предоставлено в уголовном процессе право оценки доказательств» [4, с. 147]. М. Г. Любарский и В. Г. Пеков отмечали, что оценка представленных доказательств в качестве исходных данных для производства по ним экспертизы с целью принятия решения по их отбору не является компетенцией эксперта [5, с. 274]. Прямо противоположной точки зрения придерживаются Н. Б. Лягушкин с соавторами. По их мнению, эксперт может давать оценку таким исходным данным, установление которых требует использования специальных знаний [6, с. 12].

Вероятно, возможность разрешения указанной проблемной ситуации лежит в плоскости ограничения специальных и общих знаний. Давать юридическую оценку поступившим на исследование фактическим обстоятельствам эксперт не вправе, однако оценивать поступившую информацию с применением специальных знаний эксперт в состоянии. Он может оценить техническую составляющую представленной информации, например скорость движения автомобиля при конкретной дорожной ситуации. Более того, по нашему мнению, изучение и оценка материалов, поступивших на исследование, с точки зрения их достоверности и полноты является обязательной составляющей любого экспертного исследования. При обнаружении признаков неполноты или недостоверности полученной исходной информации эксперту необходимо в установленном законом порядке обратиться к лицу, назначившему судебно-экспертное исследование.

Невозможно обойти вниманием и вопрос о времени назначения судебно-автотехнической экспертизы. В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют прямые указания на время назначения той или иной экспертизы. Более того, действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) позволяет назначить и провести экспертизу и до возбуждения уголовного дела, поэтому такая форма использования специальных знаний может применяться на любом этапе расследования уголовного дела. Поэтому автотехническую экспертизу желательно проводить на первоначальном этапе расследования преступлений, но только после получения всего массива информации, необходимого для получения категоричных выводов эксперта.

Согласно ст. 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» проведение судебной автотехнической экспертизы поручается конкретному эксперту руководителем экспертного учреждения. Следователь (дознаватель), суд указывают лишь наименование экспертного учреждения, в котором планируется производство судебной экспертизы. Исключение из этого правила составляют случаи назначения судебной экспертизы негосударственным судебным экспертам, если последние не являются сотрудниками негосударственных судебно-экспертных учреждений. Однако перед назначением судебной экспертизы лицу, выносящему постановление о проведении экспертизы, следует убедиться в компетентности эксперта, оценить его профессиональные качества, убедиться в отсутствии оснований к отводу

эксперта (ст. 70 УПК РФ). Компетентность эксперта-автотехника может быть подтверждена наличием у него диплома о высшем профильном образовании (инженер по эксплуатации транспортных средств, инженер-технолог наземного транспорта, инженер транспортно-технологических машин и комплексов и т.п.), а также документами, подтверждающими наличие стажа работы по специальности, наличием научных разработок в соответствующей отрасли, авторских свидетельств и патентов на изобретения. Кроме того, при оценке компетентности эксперта-автотехника желательно учитывать количество и качество ранее проведенных этим специалистом экспертиз и исследований, их полноту, объективность, достоверность и достаточность, научную обоснованность. При этом нельзя не согласиться с позицией профессора Россинской, справедливо отмечающей, что только лишь наличие диплома о профильном высшем образовании еще не подтверждает компетенцию эксперта [2, с. 107]. Исходя из этого производство сложных экспертиз, требующих использования специальных знаний в области судебной автотехнической экспертизы, применения сложной, высокоточной аппаратуры и научных методов исследования, следует поручать наиболее опытным, квалифицированным экспертам государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений.

Требование объективности эксперта заключается в поручении проведения судебной автотехнической экспертизы лицу, незаинтересованному в исходе дела.

Анализ следственной практики показывает, что в небольших городах и районах отсутствуют эксперты-автотехники. Это лишает следователя возможности присутствовать при производстве судебной автотехнической экспертизы. Однако переоценить значимость такого взаимодействия невозможно. Участие следователя в производстве экспертного исследования, особенно с выездом на место происшествия, позволяет следователю оценить степень научной разработанности, достоверность и целесообразность применения экспертной методики в конкретном случае; оценивать полноту и отсутствие различных экспертных ошибок, в случае необходимости формулировать вопросы и выносить постановление о производстве дополнительных экспертиз. Кроме того, участие позволяет получать информацию, необходимую для построения следственных версий, проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Неразрешенной до сегодняшнего дня проблемой остается оценка следователем выбранной экспертом методики проведения экспертного исследования и заключения эксперта в целом. Р. С. Белкин в свое время справедливо отмечал, что суд и следствие «для такой оценки должны обладать теми же познаниями, что и эксперт» [7, с. 124]. Решение этой проблемы видится в привлечении для оценки заключения эксперта – специалиста, обладающего специальными знаниями в области судебной автотехники. Очевидно, что компетентный орган, назначивший экспертизу (суд, следователь (дознаватель)), вполне в состоянии самостоятельно оценить формальную (юридическую) сторону заключения эксперта, тем более формальные требования к этому процессуальному документу закреплены в диспозиции ст. 204 УПК РФ. Соответствие или несоответствие конкретного заключения эксперта этим требованиям вполне может установить лицо, вынесшее постановление о назначении экспертизы. Таким образом, процессуальные ошибки эксперта легко выявляемы. Однако

оценка содержательной стороны экспертного заключения всегда вызывает затруднения у юриста – лица, не только не имеющего специальных знаний в области судебной автотехники, но и инженерного, технического образования вообще. Незнание терминологического аппарата, непонимание сути экспертной методики, а порой и незнание ведомственных нормативно-правовых актов лишает следователя (дознавателя), судью возможности оценить полученное заключение эксперта. Сложности возникают еще и потому, что судебная автотехническая экспертиза – это относительно молодой вид самостоятельных экспертных исследований. Тем не менее начиная с 1959 г. экспертами-автотехниками и инженерами автомобильной техники активно разрабатывались и внедрялись методики экспертного исследования. По существовавшим до недавнего времени правилам, такие методики публиковались только в специальной литературе. Это приводило к трудностям в отыскании таких методик как экспертами, так и следователями (дознавателями), судьями.

Заключение

Таким образом, решение указанных вопросов позволит в значительной степени повысить эффективность проводимых экспертных исследований в области судебной автотехники.

Пристатейный библиографический список

1. Астанов И. Р. Генезис, современное состояние и перспективы развития института судебных экспертиз: проблемы и пути их решения // Эксперт-криминалист. 2015. № 3.
2. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2020.
3. Дулов А. В. Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2024.
4. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М. : Норма ; ИНФРА-М, 1998.
5. Любарский М. Г., Пеков В. Г. Автотранспортные происшествия и их расследование. М. : Госюриздан, 1962.
6. Лягушкин Н. Б. К вопросу о праве судебного эксперта на оценку исходных данных // Вопросы судебной экспертизы. Ростов-на-Дону, 1964. Вып. 2.
7. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997.

References

1. Astanov I. R. Genesis, Current State and Prospects of Development of the Institute of Forensic Examinations: Problems and Solutions. *Expert Criminalist*, 2015, no. 3. (In Russ.)
2. Rossinskaia E. R. Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings: Monograph. 4th ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020. (In Russ.)

3. *Dulov A. V. Selected Works.* Minsk: IurSpektr, 2024. (In Russ.)
4. *Korukhov Iu. G. Criminalistic Diagnostics in the Investigation of Crimes.* Moscow: Norma; INFRA-M, 1998. (In Russ.)
5. *Liubarskii M. G., Pekov V. G. Motor Vehicle Accidents and Their Investigation.* Moscow: Gosizdat, 1962. (In Russ.)
6. *Liagushkin N. B. On the Right of a Judicial Expert to Assess the Initial Data.* In *Issues of Forensic Examination.* Rostov-on-Don, 1964. Vol. 2. (In Russ.)
7. *Belkin P.S. Course of criminalistics.* In 3 vols. Vol. 3: *Criminalistic Tools, Techniques and Recommendations.* Moscow: Iurist, 1997. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. Ю. Яковлев – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

D. Yu. Yakovlev – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 26.06.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 340.122

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-60-73>

ИДЕОЛОГИЯ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Руслан Мурадович Аллалыев^{1,2,3}

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

² Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
115054, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82

^{1,2,3} allalyev_rm@pfur.ru

Аннотация

В статье исследуется взаимосвязь между идеологией и правом. Автор анализирует идеологические установки, лежащие в основе идеи верховенства права, и факторы, способствующие их трансформации. На сегодняшний день «верховенство права» стало своего рода идеологемой, реальное наполнение которой всегда выступало совокупным результатом борьбы различных социальных сил. Данный многосмысленный и аморфный термин, располагаясь на «плоскости» между наукой и идеологией, чаще всего тяготел к последней. Автор рассматривает развитие идеи верховенства права и приходит к выводу, что, несмотря на то, что данная идея до сих пор предстает в структуре свободного рынка, нормах западной повестки в области прав человека или конституционном порядке (которые обычно аналогичны американской модели), она может использоваться в рамках различных идеологий и интеллектуальных парадигм, с легкостью пересекая границы между политико-правовыми теориями. Автором выявлены основные функции верховенства права как идеологемы и рассмотрен ее двойственный характер.

Ключевые слова: верховенство права; правовое государство; идеал; идеология; идеологема; права человека; законность; естественное право.

Для цитирования: Аллалыев Р. М. Идеология и верховенство права // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 60–73. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-60-73>

Research Article

IDEOLOGY AND THE RULE OF LAW

Ruslan M. Allalyev^{1,2,3}

¹ Peoples' Friendship University of Russia, 6 Miklukho-Maklaia St.,
Moscow, 117198, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremiannyi Lane,
Moscow, 115054, Russia

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadskii Ave., Moscow, 119571, Russia

^{1,2,3} allalyev_rm@pfur.ru

Abstract

The article explores the relationship between ideology and law. The author analyzes the ideological attitudes underlying the idea of the rule of law and the factors contributing to their transformation. Today, the “rule of law” has become a kind of ideologeme, the real content of which has always been the cumulative result of the struggle of various social forces. This ambiguous and amorphous term was located on the “plane” between science and ideology, most often gravitating towards the latter. The author examines the development of the idea of the rule of law and comes to the conclusion that despite the fact that this idea is still identified with the norms of the Western human rights agenda or the constitutional order, which are usually similar to the American model, practice shows that it can be used within various intellectual paradigms, easily crossing the boundaries between political and legal theories. The author has identified the main functions of the rule of law as an ideologeme and examined its dual nature.

Keywords: supremacy of law; rule of law; ideal; ideology; ideologeme; human rights; legality; natural law.

For citation: Allalyev R. M. Ideology and the Rule of Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 60–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-60-73>

Введение

Идеология во все времена отражала потребности людей в поиске смыслов общественного бытия, которые обусловлены их участием в разнообразных социальных практиках на основе действующих норм и ценностей. Содержание идеологических установок определяется извечной неспособностью человека и общества обладать точными знаниями об окружающем мире. Известно, что невероятно сложно научно доказать существование правового государства (либеральные политico-правовые концепции) или наступление коммунистического будущего (идеология марксизма-ленинизма). Поэтому вопрос, который всегда возникает в научных кругах при упоминании «верховенства права», заключается в том, обладает ли эта идея на самом деле какой-либо реальной научной ценностью или же она является всего лишь одним из средств политической риторики. Безусловно, верховенство права занимает видное место в современном юридическом, политическом и этическом дискурсе. Достаточно ознакомиться с современными журналами о финансах и международной политике, взглянуть на трактаты по правам человека, чтобы столкнуться с огромным потоком аргументов, сформулированных в терминах концепции верховенства права. К сожалению, чаще всего термин «верховенство права» используется на этих площадках как расплывчатый эвфемизм для объединения институтов, которые выражают чаяния и представления о себе современного англо-американского общества.

1. Формирование национальных идеологий и верховенство права

Национальные идеологии, как и нации, формируются вместе с приходом к власти буржуазии и становлением буржуазных государств. Однако они претерпевают серьезные метаморфозы по мере того, как изменялась социально-экономическая ситуация. Потребность в национальной идеологии (а можно сказать – социальной мифологии) вызвана прежде всего усилением кризисных процессов в экономике, социальных отношениях, политике, общественном сознании, когда прежние институализированные нормы и практики уже работают плохо, а предлагаемые альтернативы еще себя не проявили [1, с. 2–4]. Именно в такие моменты общество в максимальной степени подвержено влиянию тех лидеров и социальных групп, которые создают правдоподобные, но неверифицируемые теории устройства мира. Речь идет о тех ситуациях, когда прежние социальные мифы лишаются прежней «энергетики» и уступают место ритуалам. Как отмечает американский социолог Майкл Манн, в эти периоды возрождается влияние разного рода доктрин идеалистического характера [1, с. 2–4]. Примечательно, что одним из основных условий создания новых идеологем или социальных мифов является наличие реальной или мнимой угрозы. Именно угроза, по его мнению, формирует потребность в новом социальном мифе (поэтому угрозы часто создаются искусственно). По аналогии можно прийти к выводу, что в появлении мифа «о верховенстве права» изначально была заложена угроза узурпации власти и последующего произвола (еще основоположники научного коммунизма обратили внимание на попытки заменить научное понимание исторического процесса социальной мифологией с ее «богиями справедливости, свободы, равенства и братства»).

В 1989 г. американский политолог, старший научный сотрудник Центра по вопросам демократии, развития и верховенства права в Стэнфорде Ф. Фукуяма, анализируя падение фашистских и социалистических государств, утверждал, что это был «не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [2, с. 4]. Можно, видимо, согласиться с Ф. Фукуямой в части описания им якобы исторического, но все же временного триумфа Запада, однако объявлять «конец истории» было с его стороны весьма неосмотрительно. История всегда вбирает в себя старые идеологемы, но сквозь них постоянно проиразстают новые, и в этот период критика старых идей становится терпимой [3, с. 138]. Однако ввиду того, что «социальный организм, подобно всякому другому организму, всегда реагирует против того, кто покушается на его жизненные условия» [4, с. 44], новые идеологии не без борьбы занимают ведущее место.

Тем не менее определенное рациональное зерно в позиции Ф. Фукуямы все-таки имеет место. «Конец истории» – это конец телеологического взгляда на социальный прогресс [5, с. 261], появление общества без идей «высшего порядка». В этом контексте профессор Пенсильванского университета Элейн Скарри спрашивливо заметила, что «западная религия и материализм намекают на то, что непрерывная работа цивилизации состоит не в делании чего-либо, а в «делании делания» (making making), «переделывании делания»...» [6, с. 9].

В близком ключе размышляет преподаватель Лондонского университета, культуролог и философ Марк Фишер, описывая характерную черту капиталистического реализма как «медленную отмену будущего». Складывающееся общее состояние общества таково, что «жизнь как бы продолжается, но время остановилось» [7, с. 13]. Регресс, деградация в обществе – это, конечно, не всегда возврат в каменный век, но это длительная пауза в реализации обществом своего потенциала.

Ныне будущее общества либеральными учеными (и близкими к ним идеологическими течениями) обычно сводится к «целям устойчивого развития». Остается одно направление движения – устойчивость, и все решения принимаются во имя обеспечения устойчивости систем. Подразумевается, что «устоять» должен именно тот общественный порядок, который уже доминирует в обществе, а «устоять» он должен под ударами враждебных ему (в том числе прогрессивных) инициатив.

Безусловно, идеи «отказа от будущего» со временем затронули и область гуманитарного знания, в том числе юридическую науку, в которой произошел откат от идеологии «прогресса» к так называемой идеологии «дизайна». Об этой тенденции применительно к нашей стране писал В. М. Сырых: «...российские правоведы исследованию фундаментальных проблем правоведения предпочитают анализ менее значимых для правовой науки и практики проблем. Так, в теории права чаще всего предметом исследований берутся проблемы источников права, законодательной техники, систематизации законодательства. В отраслевых юридических науках значительные силы... расходятся на подготовку разного рода комментариев к действующему законодательству. В то же время остаются вне поля зрения российских правоведов проблемы системы права и законодательства, соотношения экономики, политики и права в современном государстве...» [8].

Американские авторы нередко подменяли понятие «идеологическая деятельность» понятием «психологическое воздействие». Такая тенденция была связана с широким распространением концепций «деидеологизации». В сфере международных отношений этому переносу центра тяжести с идеологического на психологическое воздействие соответствовало стремление превратить идеологические войны в психологические [9, с. 5], или даже в когнитивные [10; 11]. Одновременно с этим возрождение милитаризма, ослабление социальной защиты населения и нетерпимость к альтернативным моральным ценностям стали угрожать тем либеральным идеалам, которые, якобы, по мнению Ф. Фукуямы, восторжествовали в мире [1, с. 594]. Эти факторы имеют прямое отношение к реализации идеи верховенства права.

Любая политическая или правовая культура располагает своими «ритуальными формулами» и «магическими заклинаниями», которые безоговорочно принимаются ее представителями. На Западе к такого рода «заклинаниям» относятся «верховенство права», «права человека», «свобода слова», «справедливость», «демократия» и др. [12, с. 64].

Подъем идеи верховенства права в 1945–1975 гг. во многом предопределила победа над фашизмом. После этого начался период интенсивного экономического роста послевоенного 30-летия, породивший средние слои (с политическими партиями), игнорировать которые властям было опасно. Но процветание позволяло откупаться от их требований как политических, так и экономических. К тому же холодная война заставляла правящие круги ведущих западных стран проводить политику относительного умиротворения определенных слоев, не без оглядки на Советский Союз. Отсюда и отклонение буржуазного политического строя от тех демократических принципов, которые отчасти имманентны ему по природе и преимущественно распространяются на верхи.

В 70-е гг. прошлого века институты верховенства права во многих странах вступают на полосу кризиса, а по сути – демонтажа при относительном сохранении верховенства права как идеологемы, за которой уже нет внятного содержания, или оно, в лучшем случае, минимально. Если в прошлые исторические эпохи к идеи верховенства права относились как к безусловной ценности, то в начале XXI в. с утверждением «ценностного плюрализма» прежние дискуссии о верховенстве права потеряли былую остроту и значимость.

Тем не менее о кризисе верховенства права на Западе говорят довольно давно [13, с. 305–315; 14, с. 83–90; 15, с. 59–96; 16, с. 561–576; 17, с. 1017–1034; 18, с. 17–45], но следует заметить, что в работах ученых исследовалось не верховенство права вообще, а скорее то понимание, которое сложилось в североатлантическом ядре (США, Западная Европа) капиталистической системы в годы холодной войны.

Понятно, что конца идеологии быть не может – могут возникнуть лишь новые идеологические повороты. Возможно, следующий поворот совершится в обратном направлении, в сторону новых форм индивидуализма или колlettivизма. К примеру, на сегодняшний день особое беспокойство вызывает верховенство права в рамках такой относительно новой идеологии, как космополитизм. Эта идеология ультимативной ассимиляции всех наций в одну, покорную мировому финансо-

вому капиталу, которая отрицает нации, национальные особенности, постулирует полное безразличие к локальной культуре и отрицает саму возможность особого психического склада людей, принадлежащих к той или иной нации. Разумеется, в процессе этого отрицания отрицаются права наций на что-либо вообще, так как оспаривается само право на их существование. Тем не менее космополитизм в полной мере не свободен от своих корней в национальной идеологии, отрицая все национальное, он все же имеет в своем ядре усредненную национальную культуру, на данный момент – англосаксонскую.

Тем не менее история не окончена, как не исчерпана и потребность в идеологии [1, с. 595]. Можно утверждать, что человек живет в одну из тех критических эпох, когда старые идеи теряют свою власть над массами, а новые еще не сформировались. Вероятнее всего, идея верховенства права также подвергнется участии идей «богоизбранности монарха». Но, прежде чем окончательно утратить власть над массами, она пройдет через множество трансформаций.

Идеологическая легитимация верховенства права. Легитимация, применительно к рассматриваемой проблематике, относится к набору убеждений относительно реальности верховенства права. На сегодняшний день идеология является своего рода элементом легитимации власти имущих. Она называет справедливыми те социальные условия, которые делают возможным такую эксплуатацию. Обычно это выражается через манипулирование социальным дискурсом, которое становится частью идеологических практик. В этой связи право становится прежде всего частью идеологических практик. Профессор К. Дузинас справедливо заметил, что «тезис о том, что закон свободен от ценностей, возможно, является самой сильной идеологической уловкой нашего времени» [19, с. 188].

Верховенство права – это своего рода идеологема, реальное наполнение которой всегда выступало совокупным результатом борьбы различных социальных сил. Данное многосмысленное и аморфное понятие располагается на «плоскости» между наукой и идеологией, чаще всего тяготея к последней. Как правило, оно применяется для условного обозначения круга формальных прав и свобод граждан. Наполнены ли они реальным содержанием и если да, то насколько – это вопрос, связанный не с верховенством права самим по себе, а с природой конкретной системы взаимодействия между людьми и результатами «сложения и вычитания» социальных интересов, которые допускаются социальной системой. Как отмечают С. Родин и Т. Перишин, «каждая правовая норма является продуктом определенного политического конфликта, в котором победила одна сторона. Таким образом, правовые нормы представляют собой результат распределения власти в политических битвах, которые создали эти нормы» [20, с. 7].

В научно-идеологических теориях понятие «верховенство права» используется в политическом, правовом и нравственном измерениях. К примеру, в либерально-демократическом обществе верховенство права было провозглашено одной из высших ценностей и, как следствие, мерой прогресса (отсюда формула «*Law & Development*» – исследования в области «*Law & Development*» традиционно ассоциировались с развивающимися странами). В соответствии с этой мерой Запад оценивает «приемлемость для себя» тех или иных обществ, их готовность копировать

ценности «цивилизованных» стран, признавая, в сущности, чуждые им правовые институты эталоном.

В этой связи одним из самых значимых недостатков идеи верховенства права является ее однобокий дискурс в сфере «должного», а не «сущего». Идея верховенства права в своей основе апеллирует к идее справедливости, поэтому важно иметь в виду, что «любое право можно определить как несправедливое, если принять во внимание то обстоятельство, что идеал, который оно хочет реализовать, не совпадает с высшей и абсолютной идеей справедливости» [21, с. 95], которая носит трансцендентальный характер. Иными словами, можно говорить об идее верховенства права как об идее справедливости, которая в полной мере никогда не будет достигнута, так как это выходит за рамки человеческих возможностей. Такая взятая на вооружение властвующими теоретическая позиция является очень удобным аргументом для оправдания несправедливости в реальной жизни.

Ввиду того, что верховенство права на практике обеспечивается через верховенство прав властвующего меньшинства, вся суть проблемы предстает не как кризис верховенства права вообще, а как такое его развитие, которое невыгодно этому меньшинству.

С одной стороны, идею верховенства права можно рассматривать как один из вариантов утопии. В этом смысле она может иметь созидательный эффект и вдохновлять массы на изменение существующего правопорядка, ставить под сомнение принципы организации властных структур и распределение полномочий между ними, при этом оставаясь красивой, но неосуществимой мечтой. При таком подходе можно смириться с тем, что общества живут в мире идеологических симулякров, которые в лучшем случае со временем приближаются к реалиям, ведь «действительность никогда не соответствует полностью духовной модели, которую хотят воспроизвести» [21, с. 336]. Защитники такого подхода настаивают на том, что идея верховенства права должна восприниматься как действующая «метаправовая доктрина» [22, с. 151, 209] или, как предполагает Ф. Нейман, как светская, «квазистатическая правовая доктрина» [23, с. 29–31].

С другой стороны, идея верховенства права, наоборот, может способствовать поддержанию текущего положения дел и сложившихся властных отношений. В этом плане эта идея будет частью доминирующей идеологии, где основной ее целью становится не столько изменение, сколько стабилизация существующей правовой системы. Несмотря на «либеральное происхождение» идеи, на сегодняшний день она хорошо сочетается с консервативными идеологиями, поскольку в большей степени направлена на сохранение политического статус-кво в обществе. Однако в своей сущности она остается связанной и с либеральной идеей, поскольку статус-кво, который она стремится защитить, представляет собой либеральный правовой порядок, в котором власть правительства сильно ограничена, а фундаментальные права человека формально являются высшей ценностью [24, с. 54]. Таким образом, нарастание противоречий между «идеальным» и «реальным» в идее верховенства права характеризует суть ее эволюции в современных либеральных демократиях.

В качестве идеологемы верховенство права по меньшей мере выполняет три функции.

Наиболее важной и основной функцией идеологии является содействие социальной интеграции, т.е. обеспечение идентичности группы или сообщества. Что объединяет граждан в условиях верховенства права, так это признание авторитета права и уважение имеющихся политico-правовых институтов. Данная связь может быть весьма слабой, но и недооценивать ее нельзя. Среднестатистическому человеку сложно мыслить рационально, он предпочитает опираться на реакцию своей группы: религиозной, политической, этнической, по интересам и т.д. Социальная природа индивида, его стремление к общению делают одиночество ужасным, создают ощущение «отсутствия опоры». Поэтому люди в массе своей хотят быть причастными к какому-то «общему» мнению, быть на «стороне добра», на стороне верховенства права (это выражается в особой ментальности с акцентом на противостоянии «своих» и «чужих»).

В рамках рассматриваемой идеологемы граждане не имеют общей конечной цели существования или четкого образа будущего в отличие от многих других идеологий, однако они привержены определенной форме организации власти, при которой закон разрешает создание и реализацию правил. Подразумевается, что в рамках права каждый человек волен прожить свою жизнь по своему собственному плану. Следовательно, верховенство права обеспечивает оправдание осуществления власти государством. Если оно действует в соответствии с требованиями верховенства права, государство уполномочено устанавливать правила и принимать меры.

Наконец, идея верховенства права может игнорировать или искажать реальное положение дел, когда она рисует ложную картину реальности. Публичная власть может, например, делать вид, что соблюдает верховенство права, в то время как на самом деле оно его подрывает. Несомненно, идея верховенства права привлекательна, но в ее «неолиберальной» интерпретации она потенциально опасна. В конце концов она может фактически означать презрение к праву.

Идея верховенства права иногда представляется кульминацией развития западной цивилизации, к которой приходится приспосабливаться каждому, пришедшему извне (к примеру, из исламских стран). В этом случае верховенство права используется как консервативная идеологема, которая противоречит его изначальному открытому и плюралистическому характеру. Данные обстоятельства объясняются тем, что ценностные ориентации, присущие идеологии, как правило, порождают нетерпимость по отношению к иным идеалам и абсолютам [25, с. 154]. Это своего рода издержки того, что идея верховенства права стала восприниматься как догма, т.е. как набор неизменных тезисов с претензией на абсолютную истину.

С одной стороны, право является лишь передатчиком доминирующей идеологии, установленной в экономической сфере и профильтрованной через политическую сферу. Но такой подход означает, что не существует отдельной «юридической идеологии». Но все же логично было бы утверждать, что сама правовая форма нуждается в собственной своего рода «остаточной» идеологии, которая сосуществует внутри права вместе с доминирующей идеологией. «Остаточная» юридическая идеология состоит в основном из так называемых пустых означающих (в терминологии аргентинского политического философа Эрнесто Лакло, «верховенство пра-

ва» можно отнести к категории «пустых означающих» (*empty signifier*). «Пустое означающее» является своего рода «означающим без означаемого» (*signifier without a signified*). Лакло поясняет, что временное наполнение таких категорий является результатом политической конкуренции), таких как «законность», «справедливость» или «верховенство права». Ее главная цель – поддержать существование правового поля как такового и наделить его приоритетом и легитимностью по отношению к другим институциональным силам.

Развивая данный тезис, можно прийти к парадоксальным выводам, в которых «право занимает центральное место в идеологии» [26, с. 221] и «идеология занимает центральное место в праве». Это важно с точки зрения критики идеологии в правовом поле, которая должна учитывать двойственный характер взаимосвязи «идеология – право», а именно наличие общей доминирующей идеологии (идеологии в праве) и идеологии правовой формы (юридической идеологии), каждая из которых заслуживает отдельной формы критики, особенно в связи с тем, что доминирующие идеологии со временем меняются, в то время как идеология правовой формы остается [27, с. 17–40].

2. Верховенство права в психологии масс

Верховенство права в начале его истории воспринималось как состояние общества, в которое был осуществлен «переход от королевского суверенитета божественного происхождения к суверенитету национальному» [28, с. 163]. С одной стороны, институализация идеи верховенства права связана с разрушением мифических и сакральных представлений в политико-правовой сфере [29, с. 332], а с другой – в период своего триумфа эта идея обросла не меньшим количеством домыслов идеалистического характера. Несмотря на то что она, как и любая другая идеология, лишь косвенно отражает адекватные знания об обществе, государстве и праве и этот недостаток восполняется разного рода верованиями, домыслами, теориями и т.п., идея верховенства права все еще мобилизует сильные эмоции и мессианские чувства. Добиваясь верховенства права, народы свергали режимы, «заклейменные» диктаторскими или некомпетентными, но едва ли массы были в согласии относительно того, какие режимы должны прийти им на смену [1, с. 597]. Едва ли среднестатистический человек когда-либо мог адекватно выразить свои представления о верховенстве права, правовом государстве, гражданском обществе.

Перерождению буржуазной идеологии в мифологию способствовало широкое распространение иррационализма, который сменил рационализм (приверженность высшим ценностям) периода становления капитализма. По мнению Макса Вебера, иррациональность дает о себе знать в канун крупнейших экономических кризисов и мировых войн. Этот процесс явился идеологическим отражением изменений в социальной действительности. Уже с середины XIX в. иррационализм оказался отличительной чертой буржуазного сознания, философским выражением кризиса буржуазной идеологии [25, с. 7].

Для того чтобы политический режим мог успешно функционировать, «он сам по себе должен восприниматься гражданами как надлежащая форма правления» [30, с. 269]. «Сила» правящего меньшинства как источника социального влияния

во многом предопределена тем, как оно воспринимается окружающими. Результаты ряда исследований позволяли элитам предположить, что эта «сила» возрастает, когда поведение меньшинства расценивается как автономное и независимое [30, с. 65–79]. В случае реализации идеи «верховенства права, а не человека» властивущее меньшинство приобретает еще и свойство обезличенности.

Поэтому следует различать два разных понимания идеи верховенства права в зависимости от социального положения: верховенство права в понимании элит и в понимании остальной части населения, так как влиянию идеологии подвержены не только управляемые, но и правящие. В этом смысле каждое государство в своей деятельности само ограничено идеологией правящих классов, «а также теми идеологическими представлениями, которые настолько глубоко укоренились в сознании широких масс, что правящие круги не рискуют их игнорировать, чтобы не поставить под удар собственное господство» [9, с. 4–5].

Можно согласиться с Г. Лебоном в том, что «руководящих идей в каждой цивилизации всегда бывает очень немного» [3, с. 125], и к одной из таких, безусловно, можно отнести идею верховенства права. Однако идея влияет на поведение людей только после того, как она спустилась на уровень чувств, в «ту устойчивую и бессознательную область, где вырабатываются мотивы наших поступков» [3, с. 127]. Анализируя генезис любой идеи, Г. Лебон отмечает, что нужно, чтобы идея сначала была принята небольшим числом «апостолов», которым сила их веры или авторитет их имени дают большой престиж [3, с. 129]. К таковым можно, к примеру, отнести отцов-основателей США, иначе как можно объяснить то, что 55 состоятельных белых мужчин приняли проект Конституции с претензией на создание самого демократического государства в мире (проект Конституции США подписали только 39 делегатов)?

Если в течение долгого периода идея «выкисталлизовалась» и проникла в массы, то она образует своего рода догму – абсолютную истину, которая уже обычно никем не оспаривается. В целом для любой политической власти принципиально важно добиться активации именно инфантильных реакций и сценариев, когда сущность происходящих социально-экономических и политических процессов будет заслонять образы, мифы, симулякры. Можно согласиться с профессором Н. А. Власенко в том, что спор о том, следует ли закреплять идеологические основы (представления о долге, патриотизме, справедливости и т.д.) в нормативно-правовых актах или нет, принципиального значения не имеет, так как власть в любом случае найдет более эффективные способы внедрения «нужных» идей в массы [30, с. 55]. Во многом это связано с тем, что большинство людей принимает без критики все устоявшиеся идеи, какие им транслируют общественное мнение и воспитание [3, с. 136]. После того как идея восторжествовала в массах и вошла в область чувства, она на долгое время защищена от всяческих посягательств на нее, в том числе научного характера [3, с. 131].

Именно поэтому в идеи верховенства права следует различать два аспекта. Один из них связан с рациональным познанием социального мира, различного рода теоретическими суждениями о том, как его следует усовершенствовать на тех или иных этапах истории. Другой аспект не менее ощутимый и сопряжен с теми ха-

рактеристиками, которые отражают содержание чувственной сферы бытия человека. Ограничиваая когнитивные способности, эмоции также играют роль в принятии решений, производительности и общем благополучии. В этом плане идея верховенства права по своей природе включает постоянное смещение баланса между рациональными и чувственными аспектами реализации, что отражено в дихотомии понятий «верховенства права» и «верховенства закона». Если в случае с верховенством права, как правило, доминирует чувственный аспект (люди чувствуют, что так можно или нельзя поступать, прежде всего под влиянием эмоций), то в восприятии «верховенства закона» баланс смещен в сторону рационального, более критического восприятия многозначной реальности.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что идея верховенства права до сих пор предстает в структуре свободного рынка, нормах западной повестки в области прав человека или конституционном порядке, которые обычно аналогичны американской модели, она может использоваться в рамках различных идеологий и интеллектуальных парадигм, с легкостью пересекая границы между политико-правовыми теориями.

Пристатейный библиографический список

1. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 4 : Глобализации, 1945–2011 годы / пер. с англ. А. Гуськова, С. Коломийца, О. Левченко ; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. 2-е изд., испр. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
2. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : ACT, 2023.
4. Сигеле С. Преступная толпа: опыт коллективной психологии. М. : Академический проект, 2011.
5. Фрай Т. Дефутурация: новая философия дизайна. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023.
6. Scarry E. The Body in Pain. Oxford : Oxford University Press, 2018.
7. Fisher M. Ghosts of My Life: Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures. John Hunt Publishing Limited, 2014.
8. Сырых В. М. Критика критиков марксистской теории права // Критика права : сайт. URL: https://kritikaprava.org/library/6/kritika_kritikov_marksistskoj_teorii_prawa (дата обращения: 03.01.2025).
9. Идеологическая деятельность современного империалистического государства / под ред. И. Д. Левина, В. А. Туманова. М. : Наука, 1972.
10. Miller S. Cognitive Warfare: An Ethical Analysis // Ethics and Information Technology. 2023. Vol. 25. No. 3.
11. Reding D. F., Wells B. Cognitive Warfare: NATO, COVID-19 and the Impact of Emerging and Disruptive Technologies // COVID-19 Disinformation: A Multi-National, Whole of Society Perspective (Advanced Sciences and Technologies for Security Applications) / Ed. by R. Gill, R. Goolsby. Cham : Springer, 2022.

12. Куладзе А. М. Политическая мифология. М. : Эксмо, 2003.
13. McBride W. The Crisis in the Rule of Law in the Contemporary American Context: A Report // *Synthesis philosophica*. 2008. Vol. 23. No. 2.
14. Kajcsa A. The Crisis of The Rule of Law – Short Theoretical and Practical Analysis // *Juridical Current*. 2011. Vol. 14. No. 4.
15. Ioannidis M., von Bogdandy A. Systemic Deficiency in the Rule of Law: What It Is, What Has Been Done, What Can Be Done // *Common Market Law Review*. 2014. Vol. 51. Iss. 1.
16. Smith M. Staring into the Abyss: A Crisis of the Rule of Law in the EU // *European Law Journal*. 2019. Vol. 25. Iss. 6.
17. Granat K. The Parliamentary Politics of the Rule of Law Crisis in the EU // *Journal of European Integration*. 2023. Vol. 45. No. 7.
18. Tushnet M. Law as a Crisis for the Rule of Law: A Speculative Essay // *Harvard Public Law Working Paper*. 2017. No. 17-45.
19. Douzinas C. A Short History of the British Critical Legal Conference or, the Responsibility of the Critic // *Law and Critique*. 2014. Vol. 25. No. 2.
20. Rodin S., Perišin T. Transformation or Reconstitution of Europe: The European Critical Legal Studies Perspective // *The Transformation or Reconstitution of Europe: The Critical Legal Studies Perspective on the Role of the Courts in the European Union* / Ed. by S. Rodin, T. Perišin. Portland : Hart Publishing, 2018.
21. Гринберг Л. Г., Новиков А. И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л. : Наука, 1977.
22. Hayek F. *The Constitution of Liberty*. Chicago : University of Chicago Press, 1960.
23. Neumann F. The Change in the Function of Law in Modern Society // *The Democratic and the Authoritarian State* / Ed. by H. Marcuse. Glencoe : Free Press, 1957.
24. Klink B. van. Chapter 3: The Rule of Law: Between Ideology and Utopia // *Utopian Thinking in Law, Politics, Architecture and Technology*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022.
25. Гуревич П. С. Социальная мифология. М. : Мысль, 1983.
26. Douzinas C., Gearey A. *Critical Jurisprudence: The Political Philosophy of Justice*. Oxford : Hart Publishing, 2005.
27. Legal Scholarship and the Political: In Search of a New Paradigm / Ed. by A. Sulkowski, R. Mańko, J. Łakomy. Warszawa : C.H. Beck, 2020.
28. Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011.
29. Хюбнер К. Истина мифа. М. : Республика, 1996.
30. Хелд Д. Модели демократии / пер. с англ. М. Рудакова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
31. Власенко Н. А. Современное российское государство. Очерки. М. : Норма, 2022.

References

1. Mann M.; Guskov A., Kolomiets S., Levchenko O. (trans.); Karasev D. Iu. (ed.). Sources of Social Power. In 4 vols. Vol. 4: Globalization, 1945–2011. 2nd ed. Moscow: Delo Publishing House of RANEPA, 2018. (In Russ.)

2. Fukuyama F. *The End of History? The National Interest*, 1989, no. 16.
3. Le Bon G. *Psychology of Peoples and the Masses*. Moscow: AST, 2023. (In Russ.)
4. Sigele S. *The Criminal Crowd: An Experience of Collective Psychology*. Moscow: Academiccheskii proekt, 2011. (In Russ.)
5. Fry T. *Defuturation: A New Philosophy of Design*. Moscow: Delo Publishing House of RANEPA, 2023. (In Russ.)
6. Scarry E. *The Body in Pain*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
7. Fisher M. *Ghosts of My Life: Writings on Depression, Hauntology, and Lost Futures*. John Hunt Publishing Limited, 2014.
8. Syrykh V. M. Critique of Critics of the Marxist Theory of Law. URL: https://kritika-prava.org/library/6/kritika_kritikov_marksistskoj_teorii_prava (date of the application: 03.01.2025). (In Russ.)
9. Levin I. D., Tumanov V. A. (eds.). *Ideological Activity of the Modern Imperialist State*. Moscow: Nauka, 1972. (In Russ.)
10. Miller S. *Cognitive Warfare: An Ethical Analysis*. *Ethics and Information Technology*, 2023, vol. 25, no. 3.
11. Reding D. F., Wells B. *Cognitive Warfare: NATO, COVID-19 and the Impact of Emerging and Disruptive Technologies*. In Gill R., Goolsby R. (eds.). *COVID-19 Disinformation: A Multi-National, Whole of Society Perspective (Advanced Sciences and Technologies for Security Applications)*. Cham: Springer, 2022.
12. Kuladze A. M. *Political Mythology*. Moscow: Eksmo, 2003. (In Russ.)
13. McBride W. *The Crisis in the Rule of Law in the Contemporary American Context: A Report*. *Synthesis philosophica*, 2008, vol. 23, no. 2.
14. Kajcsa A. *The Crisis of The Rule of Law – Short Theoretical and Practical Analysis*. *Juridical Current*, 2011, vol. 14, no. 4.
15. Ioannidis M., von Bogdandy A. *Systemic Deficiency in the Rule of Law: What It Is, What Has Been Done, What Can Be Done*. *Common Market Law Review*, 2014, vol. 51, iss. 1.
16. Smith M. *Staring into the Abyss: A Crisis of the Rule of Law in the EU*. *European Law Journal*, 2019, vol. 25, iss. 6.
17. Granat K. *The Parliamentary Politics of the Rule of Law Crisis in the EU*. *Journal of European Integration*, 2023, vol. 45, no. 7.
18. Tushnet M. *Law as a Crisis for the Rule of Law: A Speculative Essay*. Harvard Public Law Working Paper, 2017, no. 17-45.
19. Douzinas S. *A Short History of the British Critical Legal Conference or, the Responsibility of the Critic*. *Law and Critique*, 2014, vol. 25, no. 2.
20. Rodin S., Perišin T. *Transformation or Reconstitution of Europe: The European Critical Legal Studies Perspective*. In Rodin S., Perišin T. (eds.). *The Transformation or Reconstitution of Europe: The Critical Legal Studies Perspective on the Role of the Courts in the European Union*. Portland: Hart Publishing, 2018.
21. Grinberg L. G., Novikov A. I. *Criticism of Modern Bourgeois Concepts of Justice*. Leningrad: Nauka, 1977. (In Russ.)
22. Hayek F. *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

23. Neumann F. The Change in the Function of Law in Modern Society. In Marcuse H. (ed.). The Democratic and the Authoritarian State. Glencoe: Free Press, 1957.
24. Klink B. van. Chapter 3: The Rule of Law: Between Ideology and Utopia. In Utopian Thinking in Law, Politics, Architecture and Technology. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022.
25. Gurevich P. S. Social Mythology. Moscow: Mysl, 1983. (In Russ.)
26. Douzinas C., Gearey A. Critical Jurisprudence: The Political Philosophy of Justice. Oxford: Hart Publishing, 2005.
27. Sulikowski A., Mańko R., Łakomy J. (eds.). Legal Scholarship and the Political: In Search of a New Paradigm. Warsaw: C.H. Beck, 2020.
28. Agamben J. Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life. Moscow: Evropa, 2011. (In Russ.)
29. Hübner K. The Truth of Myth. Moscow: Respublika, 1996. (In Russ.)
30. Held D.; Rudakov M. (trans.). Models of Democracy. Moscow: Delo Publishing House of RANEPA, 2014. (In Russ.)
31. Vlasenko N. A. The Modern Russian State. Essays. Moscow: Norma, 2022. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Р. М. Аллалыев – кандидат юридических наук.

Information about author:

R. M. Allalyev – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 03.02.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 321.01

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-74-82>

ОХРАНА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Людмила Васильевна Порватова¹

Елена Александровна Сычева²

^{1,2} Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

¹ 2642450@mail.ru

² elena.ciof@mail.ru

Аннотация

Данное исследование является актуальным в контексте современных дискуссий о приватности и защите информации. Цель исследования – проанализировать правовую и социальную среду, в которой формировалась и развивалась концепция охраны конфиденциальности сведений. Методология включает анализ законодательных актов, нормативных документов и других исторических источников. Исследование вносит вклад в изучение истории права и предлагает свежий взгляд на развитие системы защиты информации.

Ключевые слова: защита информации; конфиденциальные сведения; история права; трансформация права.

Для цитирования: Порватова Л. В., Сычева Е. А. Охрана конфиденциальности сведений в Российской империи во второй половине XIX в. // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 74–82. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-74-82>

Research Article

PROTECTION OF PRIVACY OF INFORMATION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Lyudmila V. Porvatova¹

Elena A. Sycheva²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, 12 Akademika Volgina St., Moscow, 117437, Russia

¹ 2642450@mail.ru

² elena.ciof@mail.ru

Abstract

This study is relevant in the context of modern discussions on privacy and information protection. The purpose of the study is to analyze the legal and social environment in which the concept of protecting the confidentiality of information was formed and developed. The methodology includes an analysis of legislative acts, regulatory documents and other historical sources. The study contributes to the study of the history of law and offers a fresh look at the development of the information protection system.

Keywords: information protection; confidential information; history of law; transformation of law.

For citation: Porvatova L. V., Sycheva E. A. Protection of Privacy of Information in the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 74–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-74-82>

Введение

Чтобы понять, как сегодня в России защищаются конфиденциальные данные, необходимо обратить внимание на исторический контекст. С развитием письменности в Древней Руси у человечества возникла необходимость в сохранении конфиденциальности информации, что со временем только усиливалось с прогрессом общества. Это привело к созданию криптографии, искусства скрывать смысл сообщений так, чтобы они становились доступны только избранной группе людей, владеющих ключом к этому языку. Происходящее от греческих слов «*kryptus*» (скрытый) и «*grapho*» (писать), это направление позволило эффективно защищать важные данные от посторонних глаз [1].

1. Становление и эволюция органов, ответственных за защиту информации

В начале XIX в., в 1802 г., правление Александра I отметилось созданием Министерства иностранных дел России, на пост министра и одновременно государственного канцлера был назначен граф Александр Романович Воронцов. В структуре этого ведомства появилась канцелярия, оснащенная тремя специализированными подразделениями для обработки секретной информации: одно занималось шифрованием, другое – расшифровкой, а третье выполняло функции контроля за перепиской. Ответственность за ведение криптографических операций и контроль за службой, осуществляющей надзор за корреспонденцией, были возложены на канцелярию Министерства иностранных дел.

К концу XIX в., сохраняя прежнее разделение на внешнее, внутреннее и военное направления в защите информации, структура ответственных за это органов претерпела заметные трансформации, отличающиеся от установленных в первой половине столетия практик.

С 1861 г. произошло существенное изменение в структуре и приоритетах Министерства внутренних дел. Функции, связанные с управлением и экономикой, уступили место задачам, направленным на административное и полицейское регулирование. В центре внимания министерства оказались такие структуры, как департаменты, занимающиеся полицейскими делами и делами общего характера, управления, ответственные за надзор за печатью и тюремное управление, а также отдел, занимающийся земельными вопросами. Этот отдел был образован во время подготовки к проведению реформы крестьян, начиная свою работу со сбора данных, необходимых для осуществления реформ, под эгидой Центрального статистического комитета.

Начиная с 1861 г. Земский отдел выделился как важный и независимый сегмент в составе министерства [2]. Его задачами были контроль за реализацией реформы 1861 г. и соответствующих законов, управление различными аграрными вопросами, надзор за деятельностью крестьянских управлений и обеспечение дворянско-правительственного контроля над ними на местах, а также отдел занимался вопросами переселения и набора в армию.

2. Структурные реформы и развитие криптографического обеспечения

В Третьем отделении С.Е.И.В.К. произошло перераспределение функций между экспедициями.

В контексте обеспечения национальной безопасности различные экспедиции выполняли специфические задачи, важные для стабильности государства. Принимая во внимание первую экспедицию, ее основные направления деятельности охватывали гарантирование безопасности государственных секретов, противодействие угрозам от высокопасных нарушителей закона, тем самым обеспечивая государственную безопасность на комплексном уровне.

В дополнение к этому, задачи второй экспедиции включали управление кадрами Третьего отделения, анализ инноваций и технологических достижений, борьбу с экономическими нарушениями и предотвращение антиконкурентных действий, что способствовало укреплению экономической безопасности государства.

Далее, третья экспедиция специализировалась на мониторинге общественно-го порядка и осуществлении контрразведывательных мероприятий, играя ключевую роль в поддержании внутренней стабильности и безопасности.

Наконец, четвертая экспедиция сосредотачивалась на сборе информации о чрезвычайных ситуациях, злоупотреблениях властью со стороны местных органов власти и нарушениях общественного порядка, что позволяло эффективно реагировать на внутренние угрозы и способствовало общегосударственной безопасности [3, с. 15].

В рамках укрепления государственной безопасности в 1870-х гг. были основаны две крупные структуры, задачей которых стало выполнение межведомственных функций, включая подготовку к реформированию специальных служб. Одним из ключевых событий этого периода стало создание в 1878 г. «Особого совещания», целью которого было разработать стратегии для обеспечения стабильности и безопасности в Империи. В состав данного совещания вошли министры таких ведомств, как внутренние дела, обороны и юстиции.

Основными направлениями деятельности этого органа стали усиление цензурных мер, расширение полномочий полиции и установление контроля за образовательными учреждениями. В контексте данных мер пятая экспедиция получила задачу мониторинга периодических изданий, а функции цензуры были переданы под юрисдикцию Министерства внутренних дел, что отражает системный подход к обеспечению внутренней стабильности и безопасности государства.

В рамках стремления к улучшению механизмов разведывательной и контрразведывательной работы произошли значимые структурные изменения в системе государственной безопасности в конце XIX в. В частности, в 1880 г. были предприняты шаги по интеграции и усилению координации между различными органами, занимающимися обеспечением государственной безопасности, что ознаменовало начало кардинальной реформы в сфере государственного управления в этой области.

Основными функциями, возложенными на Департамент полиции, были обеспечение национальной безопасности, противодействие серьезным угрозам государственному порядку через предотвращение и сдерживание преступлений государственного масштаба, а также выполнение задач, связанных с контрразведывательной и разведывательной деятельностью, включая задачи внешней разведки и обеспечение криптографической защиты информации в интересах России. В структуру Департамента входили различные подразделения, в том числе охранное, полицейские учреждения урбанистического и районного уровня, муниципальные власти, специализированные службы, такие как речная и промышленная полиция, детективные подразделения, а также пожарные бригады и службы по адресному учету. Важным шагом в развитии Департамента стало создание в 1882 г. заграничной агентурной сети, центром которой стало российское посольство в Польше, что значительно расширило его возможности в области международной разведки [3, с. 20].

В рамках организационной структуры Департамента полиции (ДП) можно выделить эволюцию функциональных подразделений, начиная с 1880 г. Изначально

ДП организовывалось вокруг трех основных делопроизводств, которые в последующие годы расширялись за счет введения дополнительных сфер деятельности. К 1883 г. были введены еще два отдела, и к 1894 г. структура дополнилась шестым делопроизводством, формируя тем самым комплексный механизм управления и контроля.

В последней четверти XIX в. криптографическое обеспечение Российской империи испытalo значительные структурные преобразования, расширив свое присутствие за счет создания специализированных подразделений в рамках двух ключевых органов: военного управления и Министерства внутренних дел. Категоризация шифров в это время получила отраслевую спецификацию, включая шифровальные системы, использовавшиеся в дипломатических кругах (МИД), военной сфере (с учетом императорской переписки), структурах жандармерии, а также во вновь организованном отделении полиции, под эгидой Министерства внутренних дел с 1880 г. Кроме того, в сферу криптографической защиты входили и системы шифрования, применявшиеся в гражданских ведомствах, в том числе Министерством финансов, для обеспечения конфиденциальности важнейшей информации [4, с. 232].

В контексте коммуникаций, осуществляемых между правительственныеими органами и оперативными агентами, шифровальные системы занимают важное место. В рамках деятельности Министерства иностранных дел, Министерства обороны и Министерства внутренних дел были разработаны шифры, классифицированные как секретные, общедоступные и предназначенные для конкретных операций. Общедоступные шифры применялись в ситуациях, когда информация, передаваемая в сообщении, не содержала конфиденциальных сведений, однако требовалось избежать ее преждевременного распространения через публичные каналы, включая СМИ. В свою очередь, шифры, предназначенные для конкретных операций, обеспечивали защищенную коммуникацию с разнообразными государственными и частными институтами, а также отдельными лицами.

В соответствии с указом, исходящим от Александра III, с 1887 г. в официальной политической корреспонденции французский язык был заменен русским. Это правило имело исключения, применяемые в случаях, когда дипломатические общения, включая устные и письменные обсуждения с зарубежными представителями, осуществлялись на французском языке.

3. Правовые основы охраны государственной, служебной и коммерческой тайны

В то время как современное понимание термина «коммерческая тайна» широко известно, в период существования Российской империи использовался термин «промышленная тайна». Этот термин охватывал различные аспекты, включая защиту информации о торговых операциях, секреты производственного и коммерческого характера.

С 22 апреля 1828 г. начало действовать новаторское законодательство, касающееся цензурных мероприятий, которое стало основой для формирования системы авторского права внутри Российской империи. Данный нормативный акт, разде-

ленный на две части, включал положения, регулирующие цензурную деятельность, и раздел, посвященный правам и обязанностям авторов и издателей. Времена, когда издательский процесс находился под исключительным контролем государства, были оставлены позади. Основной заявленной целью закона было введение ограничений на распространение и публикацию материалов, которые могли быть признаны опасными или вредоносными в контексте вероисповедания, уважения к монархии, общепринятых моральных ценностей и защиты личной репутации.

В рамках регулирования и контроля над цензурной деятельностью были созданы организационные структуры на различных уровнях: Верховный цензурный комитет, обеспечивающий межведомственное взаимодействие, и Главный цензурный комитет, функционирующий под эгидой соответствующего министерства, в то время как локальные цензурные органы находились под присмотром управляющих учебными округами.

В области интеллектуальной собственности был установлен срок действия авторских прав: период жизни автора, продленный на 25 лет, который в 1857 г. был увеличен до 50 лет после смерти автора, после чего произведение переходило в общественное достояние.

Также было введено определение «контрафакции» как нелегальной публикации произведений, с последующим установлением санкций для нарушителей. Согласно регламенту нарушителя обязывали выплатить в пользу законного издателя сумму, вдвое превышающую затраты на печать 1200 экземпляров сочинения, при этом все незаконно изданные копии конфисковывались в интересах правообладателя. Из полученной компенсации две трети направлялись издателю, а оставшаяся часть перечислялась в государственный бюджет.

В соответствии с законодательным актом предусмотрены санкции за действия, квалифицируемые как шпионаж либо небрежное раскрытие конфиденциальной информации, затрагивающей национальную безопасность РФ, должностными лицами. Данный акт отличает прямые действия шпионажа от подготовительных мероприятий к таковому. Субъектами нарушений могут являться как граждане России, вне зависимости от их служебного положения, так и иностранные граждане. В качестве объектов незаконного заинтересования выступают чертежи, планы, документация и любые данные, имеющие отношение к обеспечению безопасности государства, которые были умышленно или по неосторожности переданы, разглашены или опубликованы. В базовом случае уровень наказания за такие действия остается неизменным, однако в случаях, когда действия нарушителя связаны с неисполнением или нарушением служебных обязанностей или специально установленных запретов (ограничений), применяется более строгое воздействие, вплоть до каторжных работ на срок до восьми лет. Акт также устанавливает понятие подготовки к шпионажу, выделяя его в отдельную категорию деяний [3, с. 17].

В десятой главе Уложения, освещающей вопросы, связанные с нарушениями служебной тайны, детально излагаются процедуры и последствия несоблюдения установленных регламентов в исполнении должностных обязанностей, включая задержки, недобросовестность и отход от принятых норм в деятельности служащих. В контексте данной главы особое внимание уделяется регулированию ситуа-

ций, когда сотрудник, оставивший свое рабочее место, не принял мер для сохранности документов, не защитив их в сейфе. В таких случаях предусмотрены меры дисциплинарного воздействия, начиная с вынесения выговоров различной степени строгости за первые два инцидента, до прямого сокращения срока службы на период от одного до шести месяцев при повторении нарушения в третий раз. Аналогичные санкции, включая возможное увольнение, применяются и в случаях, когда служебные документы теряются в результате их передачи ненадлежащим лицам или вследствие их оставления без должного присмотра, подчеркивая серьезность требований к обеспечению конфиденциальности и безопасности служебной информации [5, с. 51].

В рамках дисциплинарных мер, применяемых к работникам за потерю документов, доверенных им в ходе выполнения служебных обязанностей вследствие небрежения или неосторожности, предусмотрены санкции различной степени серьезности. Спектр наказаний включает в себя вынесение выговора с последующим отражением в личном деле сотрудника, временное отстранение от выполнения служебных функций на срок от трех месяцев до одного года, а также полное исключение из занимаемой должности. В случаях раскрытия информации о процессах, происходящих в судебных и государственных институтах, или передачи документов, связанных с делами данных учреждений третьим лицам без соответствующего разрешения, нарушающим установленный регламент, предусмотрены следующие степени ответственности: при первом нарушении – вынесение предупреждения или выговора; при повторном – строгий выговор или временное отстранение от службы на период от трех месяцев до одного года; при третьем – окончательное отстранение от занимаемой должности. Указанные меры дисциплинарного воздействия не применяются, если в процессе совершения нарушения отсутствуют отягчающие обстоятельства, такие как совершение других преступлений или злоупотребление служебным положением.

В контексте развития специализированных структур, занимающихся вопросами политического сыска, обращает на себя внимание отсутствие закрепления в законодательной базе понятия «государственная безопасность». Определение данного понятия преимущественно осуществляется через нормативные акты, регламентирующие функционирование данных структур, и указывает на такие аспекты безопасности, как мониторинг распространения конфиденциальной информации, надзор за деятельностью лиц, занимающихся созданием и распространением материалов, вызывающих общественное возмущение, выявление тайных объединений и препятствование организации массовых мероприятий. Тем не менее данные о наличии упомянутых органов в губернских и городских административных единицах России в рассматриваемый период отсутствуют [5, с. 48]. Это наблюдение подчеркивает разрыв между формированием механизмов обеспечения безопасности на практике и их законодательной анкорировкой, а также указывает на потенциальную непрозрачность и неопределенность в деятельности органов политического сыска того времени.

В рамках обеспечения безопасности компетенции в данной области целиком передавались местным административным структурам под руководством губернато-

ров. В качестве руководителей административно-территориальных единиц губернаторы наделялись полномочиями по самостоятельному определению ключевых сфер контроля, основываясь на широкой интерпретации концепции безопасности. Защита информации и поддержание общественного порядка выступали приоритетными направлениями в их деятельности по поддержанию безопасности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что вторая половина XIX в. стала ключевым периодом в формировании в Российской империи системного подхода к охране конфиденциальности сведений. Этот процесс развивался по некоторым взаимосвязанным направлениям.

Произошли значительная эволюция и усложнение государственных структур, ответственных за защиту информации, – от специализированных подразделений в рамках Министерства иностранных дел до создания разветвленной системы Департамента полиции и органов политического сыска. Параллельно развивалось и криптографическое обеспечение, получившее отраслевую специфику.

Важнейшей составляющей стало становление правового поля. Законодательство этого периода заложило основы защиты различных видов тайн: государственной, служебной и промысловой (коммерческой), а также авторского права, устанавливив конкретные санкции за их разглашение.

Таким образом, к концу XIX в. в России сложилась комплексная, хотя и не лишенная противоречий, система охраны конфиденциальной информации, сочетающая административно-полицейские методы и правовое регулирование. Исторический опыт этой эпохи демонстрирует ранние попытки государства найти баланс между интересами безопасности, контроля и необходимостью защиты приватности, что остается актуальным и в современную цифровую эпоху.

Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право : учебник / под ред. Б. Н. Топорнина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.
2. Агеев А. С. Право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов (особенности конституционно-правового регулирования в России и Германии) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
3. Фатьянов А. А. Проблемы формирования института служебной тайны в отечественном праве // Государство и право. 1999. № 4.
4. Пермяков М. В. Исторические предпосылки возникновения категории «тайна» // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30).
5. Гиляров Е. М., Балабанов С. П. Государственно-правовое обеспечение информационной функции в истории России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 3 (29) : в 2 ч. Ч. I.

References

1. *Bachilo I. L., Lopatin V. N., Fedotov M. A.; Topornin B. N. (ed.). Information Law: Textbook.* St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2001. (In Russ.)
2. *Ageev A. S. The Right to Access Information Held by Government Agencies (Features of Constitutional and Legal Regulation in Russia and Germany): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences.* Moscow, 2016. (In Russ.)
3. *Fatianov A. A. Problems of Forming the Institution of Official Secrets in Domestic Law. State and Law,* 1999, no. 4. (In Russ.)
4. *Permiakov M. V. Historical Prerequisites for the Emergence of the Category "Secret". Leningrad Law Journal,* 2012, no. 4 (30). (In Russ.)
5. *Giliarov E. M., Balabanov S. P. State and Legal Support for the Information Function in the History of Russia. In Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues.* Tambov: Gramota, 2013. No. 3 (29). In 2 parts. Part I. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Л. В. Порватова – кандидат юридических наук.
Е. А. Сычева – слушатель.

Information about authors:

L. V. Porvatova – PhD in Law.
E. A. Sycheva – Student.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 01.12.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-83-94>

ВЕДОМСТВЕННОЕ ПИСЬМО, ОБЛАДАЮЩЕЕ НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ ПРИЗНАКАМИ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Анастасия Сергеевна Приймак

Министерство юстиции РФ, 119991, Россия, г. Москва,

ул. Житная, д. 14, стр. 1

info@minjust.gov.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования ведомственного письма, обладающего нормативными правовыми признаками. Целью статьи является совершенствование ведомственного нормотворчества. В качестве методологии исследования применяются методы анализа, синтеза, системного подхода и формально-юридический метод. По итогам исследования делается вывод о проблемах, возникающих при правоприменении ведомственного письма, обладающего нормативными правовыми признаками, и сформулированы предложения для эффективной защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: нормотворчество; ведомственное письмо; нормативный правовой акт; правоприменение.

Для цитирования: Приймак А. С. Ведомственное письмо, обладающее нормативными правовыми признаками, в современной России: проблемы теории и практики // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 83–94. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-83-94>

Research Article

THE DEPARTMENTAL LETTER WITH NORMATIVE LEGAL FEATURES IN MODERN RUSSIA: THE PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE

Anastasiya S. Priymak

Ministry of Justice of the Russian Federation,
14, Bldg. 1 Zhitnaia St., Moscow, 119991, Russia
info@minjust.gov.ru

Abstract

The article discusses about actual issues of a regulation by departmental letter, which has normative legal characteristics. The purpose of the article is to improve departmental rule-making. The methodology of research uses methods of analysis, synthesis, a systematic approach and a formal legal method. Based on the results of the study, a conclusion is drawn about the problems that arise in the enforcement of a departmental letter, which has normative legal characteristics, also proposals are offered for the effective protection of the rights and freedoms of citizens.

Keywords: rulemaking; departmental letter; normative legal act; law enforcement.

For citation: Priymak A. S. The Departmental Letter with Normative Legal Features in Modern Russia: The Problems of the Theory and Practice. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 83–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-83-94>

Введение

Отличительной особенностью современного этапа развития общества и государства является постоянно повышающийся интерес к деятельности органов власти, в том числе федеральных ведомств. Целью настоящего исследования является изучение теоретических и практических проблем, возникающих в процессе правоприменения ведомственных писем, имеющих нормативные правовые признаки.

В соответствии с п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 [1] (далее – Правила), запрещено принятие актов, содержащих нормативные правовые предписания, в виде писем и телеграмм, а с 30 сентября 2019 г. – еще и в виде распоряжений [2].

Соответственно, по своей правовой природе ведомственным письмом не допускается установление предписаний нормативно-правового характера.

Вместе с тем Верховным Судом РФ неоднократно рассматривались административные дела, связанные с оспариванием писем, направленных ведомством и содержащих разъяснение законодательства, а также признаки нормативного правового акта [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

1. Признаки нормативного правового акта

В соответствии с абз. 1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [14] (далее – Постановление Пленума № 50) признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются:

- издание в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом;
- наличие правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на регулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

С февраля 2023 г. в п. 10 Правил [15] подробно раскрыты следующие признаки ведомственных нормативных правовых актов:

- 1) направленность на упорядочение общественных отношений либо на изменение или прекращение действующих правоотношений;
- 2) установление прав, свобод и обязанностей граждан;
- 3) определение правового статуса организаций;
- 4) межведомственная природа регулирования правоотношений;
- 5) наличие правовых норм (правил поведения), обязательных для неограниченного круга лиц и предназначенных для неоднократного применения.

Данные признаки присущи акту независимо от:

- срока действия;
- наличия сведений, составляющих государственную тайну;
- содержания конфиденциальной информации.

На основании анализа положений Правил можно выделить следующие формальные признаки, характеризующие ведомственный нормативный правовой акт:

- 1) принятие акта компетентным органом государственной власти, уполномоченной организацией либо должностным лицом в пределах предоставленных им полномочий;
- 2) оформление акта в одной из установленных законодательством Российской Федерации (далее – законодательство) форм, включая постановление, приказ, правила, инструкцию или положение, если иное не установлено законодательством;
- 3) обязательное подписание (утверждение) акта руководителем федерального органа исполнительной власти (организации) либо лицом, его замещающим в установленном законодательством порядке.

2. Правовой статус писем, обладающих нормативными правовыми признаками

В случае, если ведомственное письмо обладает указанными признаками, свойственными нормативному правовому акту, обратим внимание на следующее.

В законодательстве (в частности, в п. 1 Правил) издание ведомственных нормативных правовых актов допустимо исключительно при наличии компетенции, закрепленной в актах большей юридической силы (а именно в федеральных конституционных законах, федеральных законах, актах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ). При этом общее полномочие на принятие рассматриваемых актов не является основанием издания ведомственного нормативного правового акта.

В 10-дневный срок после подписания (утверждения) данные акты необходимо направить на государственную регистрацию.

Пунктом 10 указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» [16] предусмотрено, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, за исключением актов (или их отдельных положений), содержащих сведения, отнесенные к государственной тайне или конфиденциального характера, не приобретают юридической силы без государственной регистрации в установленном порядке. Такие акты, равно как и зарегистрированные, но не опубликованные надлежащим образом, не порождают правовых последствий и не могут являться основанием для регулирования правоотношений, привлечения к ответственности граждан, должностных лиц и организаций за несоблюдение содержащихся в них положений. Использование данных актов в качестве правового обоснования при рассмотрении споров не допускается.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ [17] любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, подлежат обязательному официальному опубликованию для всеобщего сведения. Неопубликованные акты не имеют юридической силы и не могут применяться, следовательно, лишены возможности служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений.

В соответствии с п. 40 Постановления Пленума № 50 [14] акты, не прошедшие государственную регистрацию (если такая регистрация является обязательной), не опубликованные в предусмотренном порядке, а равно имеющие иные нарушения порядка принятия и введения в действие, свидетельствующие об отсутствии у них юридической силы, не влекут правовых последствий и не могут регулировать соответствующие правоотношения независимо от выявления указанных нарушений в судебном порядке.

Согласно подп. «в» п. 2 ч. 8 ст. 213 Кодекса административного судопроизводства РФ [18] в ходе рассмотрения административного дела, связанного с оспариванием нормативного правового акта, суд проверяет соблюдение требований законодательства, регламентирующих порядок принятия данного акта.

В российской правовой системе издание ведомственных нормативных правовых актов допустимо исключительно в рамках установленной законодательством компетенции. Если соответствующими положениями актов большей юридической силы не предусмотрено право конкретного ведомства на принятие нормативно-правового акта, такие действия признаются превышением полномочий. В частности, в силу подп. «д» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 [19], издание документа за пределами компетенции считается нарушением полномочий и признается коррупциогенным фактором.

Отсутствие прямого законодательного разрешения на нормотворческую деятельность автоматически означает запрет на принятие ведомством обязательных к исполнению нормативных предписаний, в том числе в виде писем. Данный принцип вытекает из основ конституционного строя России, закрепляющего верховенство закона и требующего четкого нормативного определения полномочий всех государственных органов, включая федеральные ведомства.

3. Правоприменительная практика ведомственных писем, обладающих нормативными правовыми признаками

Рассмотрим практику правоприменения ведомственного письма, обладающего нормативными правовыми свойствами, на примере рассылки информации от федеральных исполнительных органов власти, в частности писем ФНС России от 9 марта 2021 г. № АБ-4-19/2990 «О направлении временного порядка проведения совместной сверки расчетов» [20] (далее – Письмо № 1) и Минстроя России от 18 января 2023 г. № 1837-СМ/08 «О порядке согласования земельных работ» [21] (далее – Письмо № 2).

Административный истец (далее – истец) обратился в Верховный Суд РФ с целью признания Письма № 1 полностью недействующим со дня принятия. В подтверждение заявленных требований истец заявил, что Письмо № 1 обладает признаками нормативного правового акта.

Обосновывая свою позицию, истец указал, что при издании Письма № 1 нарушена процедура принятия акта, так как отсутствует его официальное опубликование. Также истец указал, что такого рода документы следовало принять в соответствующей форме, т.е. надлежало оформить предписания ведомственного акта в виде приказа, а не письма.

Кроме того, регулируемое Письмом № 1 правоотношение в области оказания налогоплательщику услуг по совместной с налоговыми органом сверке расчетов по налогам, сборам, пеням, штрафам, процентам, а также оформлению, вручению и передаче документа об указанной совместной сверке расчетов по своей правовой природе относится к государственной услуге. Так, Письмо № 1 необходимо было принять на основании установленных законодательством правил разработки и утверждения административных регламентов [22; 23] (далее – Правила № 1228).

Следовательно, ведомству необходимо руководствоваться соответствующими процедурными этапами подготовки акта в зависимости от предмета регулируемых отношений. Например, для положений, предусмотренных в Письме № 1, необхо-

димо было руководствоваться Правилами и соблюсти в том числе этапы разработки и утверждения акта в соответствии с Правилами № 1228.

Более того, истец заявил, что Письмо № 1 не соответствует законодательству в сфере налогообложения, так как установило новое правовое регулирование, ограничив право налогоплательщика на получение достоверных сведений от территориальных налоговых органов о его расчетах с бюджетом в не предусмотренный законом срок. Таким образом, положения Письма № 1 вступили в противоречие в том числе с положениями налогового законодательства (например, со ст. 21, 32 Налогового кодекса РФ [24]).

В результате согласно решению Верховного Суда РФ от 11 августа 2022 г. № АК-ПИ22-468 [25] Письмо № 1 было признано недействующим со дня принятия вышеуказанным исполнительным органом власти.

Обратим внимание на нормативные правовые признаки Письма № 2. Рассматриваемым ведомственным актом установлено, что в рамках получения разрешения на использование государственной или муниципальной собственности в виде земельного участка (далее – разрешение на использование земель) осуществляется согласование земляных работ для объектов капитального строительства (при их строительстве, реконструкции), на которые в силу ч. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса РФ [26] отсутствует обязанность получать разрешение на строительство, предоставления земель и земельных участков (государственной или муниципальной собственности) и установления сервитута (публичного сервитута). Норма Письма № 2 приведена со ссылкой на Перечень видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, утв. постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1300 [27] (далее – Перечень). Следует отметить, что в положениях Письма № 2 (например, в подп. «б» подп. 1.2 п. 1) прямо закреплено отсутствие необходимости получения разрешения на осуществление земляных работ.

Пунктом 2 и подп. 3.2 п. 3 Письма № 2 установлено, что при размещении объектов, которые не являются объектами капитального строительства, и при осуществлении работ по благоустройству территории проведение земляных работ должно быть согласовано в рамках получения разрешения на осуществление земляных работ в соответствии со ст. 45.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [28] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ).

Вместе с тем требования подп. «б» подп. 1.2 п. 1, п. 2 и подп. 3.2 п. 3 Письма № 2 не корреспондируют положению п. 3 ст. 39.36 Земельного кодекса РФ [29] (далее – Кодекс). На основании данной нормы Кодекса порядок и условия размещения вышесказанных объектов устанавливаются нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации. Обращаем внимание, что указанная норма распространяется в том числе на некапитальные строения и сооружения, а также элементы благоустройства, включенные в перечень, речь о которых идет в Письме № 2.

Кроме того, п. 2 и подп. 3.2 п. 3 Письма № 2 не соответствуют п. 12 ч. 2 ст. 45.1 Федерального закона № 131-ФЗ, в силу которого урегулирование порядка прове-

дения земляных работ правилами благоустройства муниципального образования является правом такого муниципального образования, а не обязанностью. Более того, п. 2 Письма № 2 противоречит п. 2 ст. 39.33 и п. 1 ст. 39.34 Кодекса, согласно которым для возведения некапитальных строений и сооружений, предусмотренных в указанных структурных единицах Кодекса, использование земель или земельных участков, относящихся к государственной или муниципальной собственности, возможно при наличии разрешения на использование земель.

В Письме № 2 закреплено, что при проведении инженерно-геологических изысканий на земельных участках, которые являются государственной или муниципальной собственностью, капитального и текущего ремонта линейного объекта, расположенного на земельном участке, который также принадлежит государственной или муниципальной собственности, осуществление земляных работ должно быть согласовано в рамках получения разрешения на использование земель. Однако согласно Письму № 2 в приведенном случае получение разрешения на осуществление земляных работ не требуется (подп. 3.1 п. 3 Письма № 2).

Вместе с тем неясно, в связи с чем Письмо № 2 закрепило отсутствие необходимости получения разрешения на осуществление земляных работ, принимая во внимание тот факт, что законодательством прямо не предусмотрено положение, в силу которого наличие разрешения на использование земель нивелирует законодательное требование на получение разрешения на осуществление земляных работ.

Кроме того, нормами Письма № 2 фактически предусмотрены положения, касающиеся порядка согласования земляных работ с учетом того, что такие требования прямо не установлены законодательством (подп. «б» подп. 1.2 п. 1, п. 2 и 3 Письма № 2).

Из вышеизложенного следует, что рассматриваемое ведомственное письмо содержит нормативные предписания, которые являются обязательными для неопределенного круга лиц, направлены на неоднократное применение и регламентируют общественные отношения. Из этого можно заключить, что нормативными правовыми признаками характеризуется также ведомственное Письмо № 2.

Из открытых источников установлено, что по результатам проведения правовой экспертизы Письма № 2 Минюст России направил в Минстрой России акт о необходимости отмены рассматриваемого акта. Таким образом, в июне 2023 г. Письмо № 2 было отозвано с исполнения [30].

Заключение

Как мы установили ранее, не допускается издание ведомственных нормативных правовых актов в виде писем. При этом анализ результатов правоприменительной практики тем не менее показал наличие в российском правовом пространстве ведомственных писем, обладающих нормативными правовыми признаками.

В связи с этим в целях эффективной защиты прав и свобод граждан полагаем, что федеральным органам исполнительной власти, иным государственным органам и организациям необходимо обеспечить:

- постоянный контроль за принятием ведомственных писем исключительно в пределах предоставленной законодательством компетенции;

- надлежащее качество подготовки ведомственных нормативных правовых актов (особенно в сферах соблюдения законодательства, процедур подготовки и направления на государственную регистрацию, а также правил русского языка и юридической техники), которые не должны подменяться ведомственными письмами;
- своевременное приведение действующих писем в соответствие с изменениями законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.
2. Постановление Правительства РФ от 14 сентября 2019 г. № 1200 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 38. Ст. 5313.
3. Решение Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № АКПИ23-240 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Решение Верховного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № АКПИ23-177 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Решение Верховного Суда РФ от 5 июля 2023 г. № АКПИ23-387 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
6. Решение Верховного Суда РФ от 19 июля 2023 г. № АКПИ23-453 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
7. Решение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2023 г. № АКПИ23-509 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
8. Решение Верховного Суда РФ от 18 сентября 2023 г. № АКПИ23-548 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
9. Решение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2023 г. № АКПИ23-617 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
10. Решение Верховного Суда РФ от 18 октября 2023 г. № АКПИ23-673 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
11. Решение Верховного Суда РФ от 22 ноября 2023 г. № АКПИ23-924 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
12. Решение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2023 г. № АКПИ23-809 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
13. Решение Верховного Суда РФ от 16 января 2025 г. № АКПИ24-965 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. 2019. 15 янв. № 6.

15. Изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 (утв. постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2023 г. № 218) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2663.

17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

19. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

20. Письмо ФНС России от 9 марта 2021 г. № АБ-4-19/2990 «О направлении Временного порядка проведения совместной сверки расчетов» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Письмо Минстроя России от 18 января 2023 г. № 1837-СМ/08 «О порядке согласования земляных работ» // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://sudact.ru/law/pismo-minstroia-rossii-ot-18012023-n-1837-sm08/> (дата обращения: 08.07.2024).

22. Постановление Правительства РФ от 20 июля 2021 г. № 1228 «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

24. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

25. Решение Верховного Суда РФ от 11 августа 2022 г. № АКПИ22-468 «О признании недействующим письма ФНС России от 09.03.2021 № АБ-4-19/2990 «О направлении временного порядка проведения совместной сверки расчетов» // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

26. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

27. Перечень видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления

сервитутов (утв. постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1300) // С3 РФ. 2014. № 50. Ст. 7089.

28. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // С3 РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

29. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // С3 РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

30. Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 16 июня 2023 г. № 35488-АЛ/08 «Об отзыве письма Минстроя России от 18.01.2023 № 1837-СМ/08 по вопросу согласования производства земляных работ» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 No. 1009 "On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies and Their State Registration". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1997, no. 33, art. 3895. (In Russ.)
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 14, 2019 No. 1200 "On Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Recognizing as Invalid Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 38, art. 5313. (In Russ.)
3. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 No. AKPI23-240. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
4. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2023 No. AKPI23-177. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
5. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of July 5, 2023 No. AKPI23-387. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of July 19, 2023 No. AKPI23-453. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
7. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of September 14, 2023 No. AKPI23-509. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
8. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of September 18, 2023 No. AKPI23-548. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
9. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2023 No. AKPI23-617. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
10. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2023 No. AKPI23-673. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
11. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2023 No. AKPI23-924. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
12. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of November 23, 2023 No. AKPI23-809. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)

13. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of January 16, 2025 No. AKPI24-965. URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 50 "On the Practice of Considering Cases by Courts Challenging Regulatory Legal Acts and Acts Containing Clarifications of Legislation and Possessing Normative Properties". *Rossiiskaia Gazeta*, January 15, 2019, no. 6. (In Russ.)
15. Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 No. 1009 (approved by Resolution of the Government of the Russian Federation of February 14, 2023 No. 218) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
16. Decree of the President of the Russian Federation of May 23, 1996 No. 763 "On the Procedure for Publication and Entry into Force of Acts of the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation and Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 22, art. 2663. (In Russ.)
17. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on January 7, 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
18. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015 No. 21-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 10, art. 1391. (In Russ.)
19. Methodology for Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts (approved by Resolution of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 No. 96 "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts"). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 10, art. 1084. (In Russ.)
20. Letter of the Federal Tax Service of Russia of March 9, 2021 No. AB-4-19/2990 "On Directing the Temporary Procedure for Conducting Joint Reconciliation of Settlements" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
21. Letter of the Ministry of Construction of Russia of January 18, 2023 No. 1837-SM/08 "On the Procedure for Coordinating Excavation Work". URL: <https://sudact.ru/law/pismo-minstroia-rossii-ot-18012023-n-1837-sm08/> (date of the application: 08.07.2024). (In Russ.)
22. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 20, 2021 No. 1228 "On Approval of the Rules for the Development and Approval of Administrative Regulations for the Provision of Public Services, on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation and on Recognizing as Invalid Certain Acts and Individual Provisions of Acts of the Government of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
23. Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 31, art. 4179. (In Russ.)
24. Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 31, art. 3824. (In Russ.)
25. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 11, 2022 No. AKPI22-468 "On Invalidating the Letter of the Federal Tax Service of Russia of March 9,

2021 No. AB-4-19/2990 'On Directing a Temporary Procedure for Conducting a Joint Reconciliation of Settlements". URL: <https://vsrf.ru/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)

26. Urban Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2005, no. 1 (part I), art. 16. (In Russ.)

27. List of Types of Objects That Can Be Placed on Lands or Land Plots Owned by the State or a Municipality, Without Providing Land Plots and Establishing Easements (approved by Resolution of the Government of the Russian Federation of December 3, 2014 No. 1300). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 50, art. 7089. (In Russ.)

28. Federal Law of October 6, 2003, No. 131-FZ "On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2003, no. 40, art. 3822. (In Russ.)

29. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 44, art. 4147. (In Russ.)

30. Letter of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation of June 16, 2023 No. 35488-AL/08 "On the Withdrawal of the Letter of the Ministry of Construction of Russia Dated January 18, 2023 No. 1837-SM/08 on Coordinating the Performance of Excavation Work" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. С. Приймак – начальник отдела регистрации актов в сферах противодействия коррупции и защиты прав граждан Департамента государственной регистрации ведомственных нормативных правовых актов Минюста России.

Information about the author:

A. S. Priymak – Head of the Department for Registration of Acts in the Areas of Anti-Corruption and Protection of Citizens' Rights of the Department for State Registration of Departmental Regulatory Legal Acts of the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.04.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.04.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-95-104>

ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК БЕЗУСЛОВНЫЙ ИМПЕРАТИВ НОВОГО РОССИЙСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Земфира Мухарбиевна Казачкова¹

Владимир Александрович Казачков²

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, 143007, Россия, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

¹ zem7900@yandex.ru

² kazachkov.stav@yandex.ru

Аннотация

Угрозы государственному суверенитету в современном мире многогранны, но существуют столпы национальной безопасности: сильная армия, правоохранительная система и финансовый суверенитет. ХХ в. вошел в историю как век многочисленных распадов некогда сильных государств и образования новых, не достигших стандартов суверенных государств. В современной юридической и политологической литературе такие государства получили обозначение «несостоятельные государства», в значительной степени зависящие от внешнего вмешательства. Цель статьи – обоснование новой архитектуры финансового суверенитета в контексте финансовой безопасности государства в условиях санкционного давления и цифровизации денежной системы. Предметом статьи являются право и экономика финансового суверенитета. Методология исследования включает синтез общенаучных и специальных методов, в том числе диалектического, сравнительно-исторического, сравнительно-правового, формально-догматического – для построения системы понятий и категорий, описывающих феномен финансового суверенитета, и системного – для синтеза полученных результатов.

Ключевые слова: суверенитет; финансовый суверенитет; денежный суверенитет; несостоительные государства; финансовая система; денежно-кредитная политика; национальная валюта; дедолларизация.

Для цитирования: Казачкова З. М., Казачков В. А. Финансовый суверенитет как безусловный императив нового российского правопорядка // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 95–104. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-95-104>

Research Article

FINANCIAL SOVEREIGNTY AS AN UNCONDITIONAL IMPERATIVE OF THE NEW RUSSIAN LEGAL ORDER

Zemfira M. Kazachkova¹

Vladimir A. Kazachkov²

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaya St., Moscow, 117638, Russia

² Odintsovsky Branch of MGIMO University, 3 Novosportivnaia St., Odintsovo, 143007, Russia

¹ zem7900@yandex.ru

² kazachkov.stav@yandex.ru

Abstract

The Russian Federation is the largest state in the world by territory, a powerful, sovereign state, the legal successor of the USSR, called upon to ensure the inviolability and integrity, the rule of law throughout the territory. Threats to state sovereignty in the modern world are multifaceted, but there are pillars of national security. This is a strong army, law enforcement system, financial sovereignty. The 20th century went down in history as a century of numerous collapses of once strong states, the formation of new ones that did not reach the standards of sovereign states. In modern legal and political science literature, such states have been designated as failed states or even fragile states. The purpose of the article is to substantiate a new architecture of financial sovereignty in the context of the financial security of the state in the face of sanctions pressure and an unfavorable environment of aggressive and failed states. The subject of the article is the law and economics of financial sovereignty. The research methodology includes a synthesis of general scientific and special methods, including dialectical, comparative-

historical, comparative-legal, formal-dogmatic for constructing a system of concepts and categories describing the phenomenon of financial sovereignty, synergistic – for the synthesis of the obtained results.

Keywords: financial sovereignty; monetary sovereignty; failed states; financial system; monetary policy; national currency; de-dollarization.

For citation: Kazachkova Z. M., Kazachkov V. A. Financial Sovereignty as an Unconditional Imperative of the New Russian Legal Order. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 95–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-95-104>

Введение

Финансовый суверенитет – подсистема государственного суверенитета, мировоззренческое, стратегическое устремление Российского государства быть независимым от внешнего вмешательства других государств, транснациональных корпораций, международных организаций, в том числе в финансовой подсистеме. В условиях современных реалий это категорический императив, особенно на фоне беспрецедентного санкционного давления на российскую финансовую систему, вплоть до заморозки золотовалютных резервов. Развитие идеи финансового суверенитета России происходит на общем фоне возрождения интереса к проблематике суверенного развития государств. Никогда еще со времен Вестфальского мира не было столь сильно выраженного стремления государств к возрождению принципов суверенного развития, включая необходимость укрепления законной власти государств осуществлять контроль над всей своей территорией и населением без какого-либо внешнего вмешательства. Самое сложное, с чем сталкиваются современные национальные государства, – это противоречие между формальной аккредитацией государства в качестве суверенного и реальной практической властью, осуществляющей государством. Нередко это противоречие становится критическим, особенно в условиях экономических и финансовых потрясений, глобальных и локальных затяжных торговых и тарифных войн, неэффективной долговой политики.

Существуют ли способы разрешения этих противоречий? В работах выдающегося государственного деятеля Евгения Максимовича Примакова, написанных после знаменитой «петли» над Атлантикой, прочитывается точный код определения и решения проблем суверенного развития российского государства. Это мощная экономическая и финансовая политика, непрерывное сражение за целостность России, за реализацию национальных целей [1, с. 52–62]. Президент РФ В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что суверенное развитие России следует рассматривать в неразрывном единстве с задачей укрепления традиционных ценностей [2].

1. Идеи финансового и денежного суверенитета в трудах российских и зарубежных исследователей

Краткий обзор современной специальной литературы демонстрирует полярность подходов различных научных школ и направлений [3; 4; 6]. С одной стороны,

можно констатировать усиление интереса к проблематике финансового суверенитета, признание реальности парадигмы финансового национализма, попытки определения места данного феномена в системе общественных отношений. В этой связи заслуживает внимания фундаментальная позиция Е. Ю. Грачевой, которая рассматривает финансовый суверенитет как подсистему государственного суверенитета, как систему мер и мероприятий, закрепленных законодательством и направленных на создание и развитие условий, обеспечивающих состояние стабильности, поступательного развития общества в целом, а также благополучия его граждан [3, с. 23–24].

Более заметной на фоне дедолларизации становится идея денежного суверенитета [4]. Международные финансовые организации не давали определения категории денежного суверенитета. В этом контексте именно решение бывшей Постоянной палаты международного правосудия (*PCIJ*) обычно цитируется как первое официальное признание денежного суверенитета в современном международном праве. Как было заявлено *PCIJ* в 1929 г. в деле о сербских займах, «действительно общепринятым принципом является то, что государство имеет право регулировать свою собственную валюту» [4, р. 798]. Защита денежного суверенитета является универсальной целью всех суверенных государств. Так, в ст. 75 Конституции РФ установлено, что денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком РФ. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка РФ, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти. Подвергаются ли коррозии нормативные установления, связанные с денежным суверенитетом, в цифровую эру? Разумеется, это отдельный, требующий глубоко-го осмысления вопрос. Однако кратко можно заключить: денежный суверенитет в эпоху цифровизации – это новый инструментарий правового регулирования цифровых денег, учитывающий необходимость сочетания двух подходов. Во-первых, собственно правовых средств регулирования цифровых денег. Во-вторых, конкуренции с частными эмитентами цифровой валюты посредством выпуска государственных цифровых денег, так называемых цифровых валют центральных банков, например цифрового рубля. Вместе с тем наиболее последовательные защитники государственного суверенитета твердо стоят на позициях производности финансового, денежного и даже технологического суверенитета от общих целей суверенного развития. Так, КНР уже продемонстрировала сосредоточенность на задаче обеспечения устойчивого экономического роста в глобальных и местных технологических секторах путем контроля гегемонии собственных и иностранных технологических гигантов. Эта стратегия подчеркивает строгий государственный надзор, обеспечение соответствия китайским ценностям и целям правящей партии, государственное регулирование рыночных структур [5].

Но существуют и полярные позиции. Среди зарубежных исследователей преобладающим мнением в последние годы стало мнение о том, что защита финансового национализма, финансового суверенитета способствует созданию глобальных системных рисков [6]. Такой подход исторически и логически вытекает из пред-

посылки о примате международного экономического и международного финансового права над национальным.

Но готовы ли мы принять эту позицию в условиях тотального кризиса международного права, беспомощности и конформизма международных финансовых организаций, проявленного нежелания защитить права доноров международных финансовых организаций, каковым является Российское государство, от санкционных притязаний, беспрецедентных «юридических» мероприятий по заморозке золотовалютных резервов России? Разумеется, нет!

Кристаллизация современной теории финансового суверенитета, на наш взгляд, должна учитывать эти противоборствующие тенденции и отталкиваться от обновленной модели финансовой системы Российского государства, нацеленной прежде всего на защиту национальных интересов. В качестве существенного изменения для мировых финансовых рынков тенденция дедолларизации набирает обороты по всей Азии, влияя на фондовые рынки и перестраивая экономические стратегии. Поскольку страны региона все больше отходят от зависимости от доллара США в торговых и финансовых операциях, последствия для инвесторов и политиков становятся серьезными. Это движение, вызванное geopolитической неопределенностью и изменениями в денежно-кредитной политике, в последние дни стало особенно заметным.

Дедолларизация относится к процессу, посредством которого страны снижают свою зависимость от доллара США в международной торговле, резервах и финансовых системах, часто заменяя его местными валютами или альтернативными активами. В Азии эта тенденция подпитывалась сочетанием факторов, включая геополитическую напряженность, рост стоимости хеджирования доллара и стремление к большему экономическому и финансовому суверенитету. Этот сдвиг ускоряется, поскольку страны стремятся смягчить риски, связанные с финансовыми системами, ориентированными на США, на фоне неопределенностей, таких как потенциальные торговые пошлины и санкции. Стремление к дедолларизации особенно заметно в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), где государства-члены наметили планы по увеличению использования местных валют для торговли и инвестиций. Стратегический план на 2026–2030 гг., как отмечено в последних обновлениях, направлен на снижение валютных рисков путем поощрения расчетов в региональных валютах. Это рассматривается как упреждающая мера по защите экономики от внешних потрясений, особенно тех, которые вызваны изменениями политики США. Дедолларизация наблюдалась и в остальных сегментах мировой торговли. Доля доллара в мировых валютных резервах снизилась до 57% в 2024 г. с 70% в 2000 г. Россия, Китай, Индия, страны группы БРИКС также с помощью своих платежных систем обходят систему SWIFT и уверенно добиваются снижения зависимости от доллара.

2. Управление финансовой системой в парадигме защиты и укрепления финансового суверенитета

Президент РФ В. В. Путин заявил, что страны Запада ввели против российских компаний и физлиц 28 595 санкций. В отношении России введено больше рестрикций, чем против всех стран мира [7].

В Основных направлениях бюджетной, налоговой, таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026–2027 годов установлены меры на основе оценки бюджетного импульса, влияющего на деловую активность и инфляцию посредством трех каналов: каналов кредита, доходов и ожиданий. На основе сценарного подхода прогнозируются структурные меры бюджетной политики и межбюджетные отношения. Укрепление финансовой обеспеченности субъектов Российской Федерации, создание механизмов ускоренного экономического развития, обеспечение сбалансированности региональных бюджетов остаются приоритетом бюджетной политики в сфере межбюджетных отношений. Существенно обновлены параметры налоговой политики, направленные на формирование стабильных и предсказуемых финансовых условий до 2030 г. При этом использованы аналитические подходы, основанные на сравнительном подходе прогрессивного налогообложения в мировой практике [8]. Ключевые решения по различным аспектам финансовой политики согласуются с национальными целями развития с ориентацией на национальные проекты, подлежащие приоритетному финансированию. Одним из важнейших приоритетов является достижение технологического лидерства, а в перспективе – технологического суверенитета. В этом контексте предполагается применение налоговых льгот и мер налогового стимулирования, реформирование системы ввозных пошлин при ввозе технологического оборудования, не имеющего аналогов в РФ, применение прогрессивных амортизационных инструментов, оказание поддержки предприятиям радиоэлектронной, электронной, станкостроительной и других приоритетных отраслей промышленности, субсидирование затрат на проведение НИОКР.

Приоритетными являются подходы к финансированию социальной сферы, включая развитие социальной инфраструктуры и оказание прямой социальной поддержки нуждающейся категории граждан.

Как видим, финансовый суверенитет России укрепляется за счет внутренних резервов всех подсистем публичных и частных финансов.

3. Финансовый суверенитет и информационная безопасность

Официальные статистические данные свидетельствуют о том, что растет число хакерских и кибератак, направленных на критически важную финансовую инфраструктуру государства. В 2024 г. российские финансовые организации столкнулись с ростом атак с использованием вредоносного ПО и компрометации учетных данных. Вместе с тем в 2024 г. число компьютерных атак и инцидентов в финансовом секторе удалось существенно снизить. Учитывая, что киберпреступность носит международный характер, в 2024 г. Банк России организовал первые трансграничные киберучения стран БРИКС по обмену информацией о выявленных компьютерных угрозах [9, с. 192].

Совершенствуются методы противодействия телефонному мошенничеству, усиливается взаимодействие Банка России с Генеральной прокуратурой РФ по вопросам борьбы с цифровым мошенничеством.

4. Финансовый суверенитет в контексте кризиса современного международного права

В доктрине международного права проблемы финансовой независимости государств все еще преимущественно обсуждаются на старой идеальной базе, вытекающей из форматов Вестфальского мира и Конвенции Монтевидео 1933 г. Об опасности воссоздания мифа Вестфала точно и лаконично написал А. Куприянов, отметивший, что «трансформация мировой системы, происходящая на наших глазах, куда больше напоминает не возврат в Средневековье, а новый XIX в., с его делением на «цивилизованные» и «нецивилизованные» нации, декларируемым правом первых на вмешательство во внутренние дела других во имя гуманности, колониализмом... времена изменились – на смену колониализму пришел неоколониализм, на смену мигрантам, бегущим из Европы в США, – мигранты, бегущие из Азии и Африки в Европу. Другие игроки, другие правила, но основа та же – великие державы снова делят мир между собой. Прощай, Вестфаль. Здравствуй, новое викторианство?» [10].

Конвенция Монтевидео 1933 г. называла общие признаки государства, однако она не содержала даже упоминаний об экономико-финансовых аспектах суверенитета.

Эволюцию мировой финансовой системы сложно представить без понимания противоречивого наследия Бреттон-Вудской системы, призванной создать рамки для фиксированных обменных курсов, в которых валюты были привязаны к доллару США. Однако трудности в постоянном поддержании заданной привязки доллара привели к увеличению числа девальваций и напряженности между основными валютами, что повлекло окончательный отказ от Бреттон-Вудской системы в 1971 г. Этот сдвиг ознаменовал переход к режиму плавающего обменного курса, который предопределил динамику мировых финансов. Созданные в рамках данного Соглашения Международный валютный фонд и Всемирный банк постепенно перестали играть ключевую роль в формировании международной финансовой политики.

Страны, подвергшиеся санкциям или опасающиеся потенциального воздействия, начали активно искать альтернативы для защиты своей экономики от рисков, связанных с долларом. В этой связи все сильнее стал звучать вопрос: где центры силы в мировой финансовой сфере? МВФ, Всемирный банк или, может быть, Бильдерберг? Где реальная сила? И все это на фоне чудовищного снижения интеллектуальной, профессиональной, дипломатической культуры, масштаба личности тех, кто решает мировые финансовые проблемы. Так, Алексей Можин, длительное время исполнявший обязанности исполнительного директора от России в Международном валютном фонде (МВФ), заявил: «Я покидаю фонд, когда он находится в наихудшем состоянии за все три с лишним десятилетия моей здесь службы. Все это является следствием политизации... политизация всегда существовала в МВФ из-за состава совета директоров, который представлен политическими деятелями стран-участниц, однако сейчас она достигла экстремальной степени» [11]. На заседаниях совета директоров, по словам российского экономиста, ему приходится сталкиваться с неуважительным отношением и оскорблениеми в адрес его стра-

ны и ее руководства. «Приходится огрызаться в ответ, но все это глубоко противно», – заявил А. Можин [11].

Министр финансов РФ Антон Силуанов призывал МВФ непредвзято оценить влияние санкций Запада на мировую валютную систему. При этом отмечалось, что Россия успешно противостоит санкциям, а ее экономика демонстрирует высокие темпы роста вопреки односторонним ограничениям [12].

Министр финансов РФ назвал финансовый суверенитет третьим союзником России после армии и флота. Он отметил, что финансовый суверенитет – это устойчивый, сбалансированный бюджет, предсказуемый, насколько возможно, финансовый рынок, предсказуемая для граждан и инвесторов финансовая политика государства, и государство имеет доверие со стороны участников рынка по проведению денежно-кредитной политики, устойчивость макроэкономической ситуации.

Заключение

Финансовый суверенитет России является важнейшей подсистемой государственного суверенитета. Парадокс, но события последних лет, связанные с усилением санкционного давления, не только не ослабили, но даже усилили самостоятельность и самодостаточность финансовой системы России, банковского сектора, укрепили национальную валюту, усилили международное сотрудничество по линии двусторонних и многосторонних связей с дружественными государствами.

Пристатейный библиографический список

1. *Примаков Е. М.* Восемь месяцев плюс... М. : Мысль, 2001.
2. Владимир Путин обсудил на Совбезе РФ защиту традиционных ценностей // Российская газета. 2025. 10 июня.
3. *Грачева Е. Ю.* Финансовый суверенитет – миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7.
4. *Zimmermann C. D.* The Concept of Monetary Sovereignty Revisited // European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. No. 3.
5. *Landau J.-P., Nicole S.* Monetary Sovereignty in a Digital World // Sciences Po : сайт. URL: <https://www.sciencespo.fr/public/chaire-numerique/en/2024/06/21/policy-brief-monetary-sovereignty-in-a-digital-world-by-jean-pierre-landau-and-sarah-nicole/> (дата обращения: 16.04.2025).
6. *Borlini L.* On Financial Nationalism and International Law Sovereignty, Cooperation and Hard/Soft Governance international Finance // European Journal of International Law. 2020. Vol. 31. No. 3.
7. *Путин В. В.* Запад ввел против России 28 595 санкций // Коммерсант : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7586203?ysclid=mbxfs18v33760906356> (дата обращения: 16.04.2025).
8. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Министерство финансов Российской Федерации : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhennno-tarifnoi_politiki_

rossiiskoi_federatsii_na_2025_god_i_na_planovyi_period_2026_i_2027_godov (дата обращения: 16.04.2025).

9. Годовой отчет Банка России за 2024 год // Центральный банк Российской Федерации : сайт. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 16.04.2025).

10. Куприянов А. Опасный миф Вестфала // Российский совет по международным делам : сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/?ysclid=mbt7m9tgle496755470> (дата обращения: 16.04.2025).

11. Исполнительный директор от России в МВФ указал на его запредельную политизацию // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1784206/2024-11-01/ispolnitelnyi-direktor-ot-rossii-v-mvf-ukazal-na-ego-zapredelnui-politizaciu> (дата обращения: 16.04.2025).

12. Главы Минфина и ЦБ назвали формулу финансового суверенитета России // Дзен : сайт. URL: <https://dzen.ru/a/YxnI7lzDbmbN80Ds?ysclid=mbxdp0098s916665976> (дата обращения: 16.04.2025).

References

1. Primakov E. M. Eight Months Plus... Moscow: Mysl, 2001. (In Russ.)
2. Vladimir Putin Discussed the Protection of Traditional Values at the Russian Security Council. *Rossiiskaia Gazeta*, June 10, 2025. (In Russ.)
3. Gracheva E. Iu. Financial Sovereignty – Myth or Reality? *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 7. (In Russ.)
4. Zimmermann C. D. The Concept of Monetary Sovereignty Revisited. *European Journal of International Law*, 2013, vol. 24, no. 3.
5. Landau J.-P., Nicole S. Monetary Sovereignty in a Digital World. URL: <https://www.sciencespo.fr/public/chaire-numerique/en/2024/06/21/policy-brief-monetary-sovereignty-in-a-digital-world-by-jean-pierre-landau-and-sarah-nicole/> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
6. Borlini L. On Financial Nationalism and International Law Sovereignty, Cooperation and Hard/Soft Governance international Finance. *European Journal of International Law*, 2020, vol. 31, no. 3. (In Russ.)
7. Putin V. V. The West Imposed 28,595 Sanctions Against Russia. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7586203?ysclid=mbxfs18v33760906356> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
8. Main Directions of Budget, Tax, and Customs Tariff Policy for 2025 and for the Planning Period of 2026 and 2027. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhennno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2025_god_i_na_planovyi_period_2026_i_2027_godov (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
9. Annual Report of the Bank of Russia for 2024. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)
10. Kupriianov A. Westphal's Dangerous Myth. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/?ysclid=mbt7m9tgle49675470> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)

11. Russia's Executive Director at the IMF Pointed Out its Extreme Politicization.
URL: <https://iz.ru/1784206/2024-11-01/ispolnitelnyi-direktor-ot-rossii-v-mvf-ukazal-na-ego-zapredelnuiu-politizacii> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)

12. The Heads of the Ministry of Finance and the Central Bank Named the Formula for Russia's Financial Sovereignty. URL: <https://dzen.ru/a/YxnI7lzbmbN80Ds?ysclid=mbxdp0098s916665976> (date of the application: 16.04.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах:

З. М. Казачкова – кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Казачков – кандидат экономических наук.

Information about the authors:

Z. M. Kazachkova – PhD in Economics, Doctor of Law, Professor.

V. A. Kazachkov – PhD in Economics.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.06.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 34: 338: 351

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-105-112>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ

Дмитрий Александрович Козырский

Волгоградский филиал Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова, 400078, Россия, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 94
volgograd.kaf-men@rea.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости проведения сравнительно-правового анализа, посвященного вопросам обеспечения экономической безопасности в зарубежных странах, в частности в Республике Беларусь как в союзном государстве. В рамках обеспечения экономической безопасности большое значение для практики имеет законодательство о несостоятельности (банкротстве). В условиях кризисов возрастает роль охранительных, защитных средств организационно-правового механизма обеспечения экономической безопасности. Обращается внимание на наличие в законодательстве Республики Беларусь средств, направленных на восстановление платежеспособности хозяйствующих субъектов в условиях кризиса, сохранение должника, обеспечение выпуска необходимой государству и обществу продукции и, следовательно, обеспечение экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность; экономический кризис; средства обеспечения экономической безопасности; несостоятельность и банкротство; законодательство Республики Беларусь о безопасности; законодательство Республики Беларусь об урегулировании неплатежеспособности.

Для цитирования: Козырский Д. А. Экономическая безопасность и законодательство Республики Беларусь об урегулировании неплатежеспособности // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 105–112. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-105-112>

Research Article

ECONOMIC SECURITY AND LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS ON INSOLVENCY SETTLEMENT

Dmitry A. Kozyrsky

Volgograd Branch of Plekhanov Russian University of Economics,
94 Lenin Ave., Volgograd, 400078, Russia
volgograd.kaf-men@rea.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need to conduct a comparative legal study devoted to the issues of ensuring economic security in foreign countries, in particular, in the Republic of Belarus as a Union State. Within the framework of ensuring economic security, the legislation on insolvency and bankruptcy is of great importance for practice. In times of crisis, the role of protective measures of the organizational and legal mechanism of ensuring economic security increases. Attention is drawn to the presence in the legislation of the Republic of Belarus of means aimed at restoring the solvency of business entities in times of crisis, preserving the debtor, ensuring the production of products necessary for the state and society, and, consequently, ensuring economic security.

Keywords: economic security; economic crisis; means of ensuring economic security; insolvency and bankruptcy; legislation of the Republic of Belarus on security; legislation of the Republic of Belarus on insolvency settlement.

For citation: Kozyrsky D. A. Economic Security and Legislation of the Republic of Belarus on Insolvency Settlement. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 105–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-105-112>

Введение

Экономическая безопасность – одна из основ для обеспечения различных видов безопасности, включая национальную безопасность в целом. Без обеспечения устойчивого функционирования предприятий и организаций оборонно-промышленного комплекса невозможно решать задачи обороноспособности. Устойчивость народно-хозяйственного комплекса страны в условиях геополитической турбулентности, при чрезвычайных ситуациях, ведении государством боевых действий и др. является основой общественной безопасности, правопорядка в стране в целом. Поэтому развитие стратегически значимых для страны отраслей и секторов

народного хозяйства, а также способность их стабильного функционирования и, следовательно, производства необходимых государству и обществу товаров, работ и услуг в периоды кризисов не может не представлять интереса для политиков, экономистов и юристов.

Приоритетность экономической безопасности в целом, а также отдельных правовых институтов, направленных на ее обеспечение, становится основной реализуемой государством политикой последних лет. Россия принимает комплекс мер по обеспечению экономической безопасности, а также осуществляет мониторинг лучших практик, способствующих эффективной реализации экономической политики в целом и, в частности, в отдельных отраслях и секторах национальной экономики, в особенности, когда речь идет о кризисных процессах, введении в действие экстраординарных правовых режимов.

Институт несостоятельности (банкротства), наличие в нем адекватных имеющимся угрозам эффективных средств защитного механизма имеют ключевое значение для региональной, отраслевой и национальной экономики в целом и, следовательно, для обеспечения экономической безопасности на всех уровнях [1, с. 11–16].

1. Общие положения об экономической безопасности и ее правовом обеспечении в Республике Беларусь

Регламентация процесса управления экономической безопасностью в Республике Беларусь осуществляется Концепцией национальной безопасности [2]. Эксперты считают ее основополагающим документом, вторым по значимости после Конституции государства [3, с. 2–5]. Именно на ее базе формируются иные документы в государстве, а также складывается практика их применения.

В современной Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утв. решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г., дается понятие экономической безопасности, закрепляются основные национальные интересы в экономической сфере, а также угрозы.

Экономическая безопасность рассматривается нашими коллегами как состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих социально-экономическому развитию. Среди внешних угроз в документе упоминается зависимость от поставок сырьевых и энергетических ресурсов. К внутренним источникам угроз отнесены следующие, представляющие для нас интерес, положения документа: большой удельный вес убыточных субъектов хозяйствования; недостаточная эффективность государственного контроля.

Вопросам управления в целом, в том числе государственного контроля (надзора), в белорусской литературе традиционно уделяется большое внимание. При этом все чаще ученые акцентируют внимание на управлении опережающим.

Так, Ф. И. Храмцова и О. П. Антоненко предлагают выделять ряд свойств опережающего государственного управления в контексте обеспечения национальной безопасности [4, с. 38–43]. Среди них: социальная детерминированность функций парламента, правительства, судов, т.е. всех ветвей власти, для решения конкретной задачи; опережающая реакция на конкурентную борьбу.

Правовое регулирование экономической безопасности основано на системе нормативных правовых актов, формирующих основу обеспечения национальной и иных видов безопасности. Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» [5] среди задач органов безопасности прямо указывает на обеспечение экономической безопасности. Помимо этого акта положения, направленные на обеспечение безопасности страны, имеются и во многих других законах. Перечислять все имеющиеся не представляется возможным.

Важно отметить, что Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [6] в свое время также стал актом системы обеспечения национальной, в том числе экономической, безопасности. Согласно документу в целях обеспечения национальной безопасности, политической и экономической стабильности Президент Республики Беларусь может устанавливать основания для приостановления любой процедуры экономической несостоятельности (банкротства), предусматривать изъятия, в том числе индивидуального характера, из сферы правового регулирования настоящего Закона.

На смену ему пришел Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» [7]. Несмотря на существенную новеллизацию отношений по несостоятельности и банкротству, в нем сохранены и получили дальнейшее развитие положительно зарекомендовавшие себя правовые средства механизма обеспечения экономической, а также национальной безопасности в целом. В связи с этим рассмотрим их подробнее.

2. Законодательство об урегулировании неплатежеспособности Республики Беларусь и правовые средства обеспечения экономической безопасности

В ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» воспроизведена прежняя формулировка, согласно которой Президент Республики Беларусь вправе устанавливать основания для приостановления любой процедуры, применяемой при рассмотрении дела о несостоятельности или банкротстве, предусматривать необходимые изъятия. Также в статье упоминаются особенности проведения процедур в отношении отдельных категорий должников.

Нельзя не обратить внимание на ст. 3 Закона, закрепившую иммунитет отдельных групп и категорий должников. По общему правилу не подпадают под действие данного акта следующие хозяйствующие субъекты: естественные монополии, юридические лица, обеспечивающие функционирование стратегически значимых отраслей экономики и (или) иные важные государственные потребности, поставщики (подрядчики, исполнители) гособоронзаказа. Перечень лиц, обеспечивающих важнейшие государственные потребности (в товарах, работах, услугах), определяется Советом Министров Республики Беларусь. Таким образом, законодатель, в сравнении с ранее действовавшим Законом, уточнил круг хозяйствующих субъектов, имеющих важнейшее значение для государства, усилил их защиту, способствуя решению публичных задач, в первую очередь обеспечению экономической безопасности.

Важное внимание в Законе удалено полномочиям государственных органов в сфере урегулирования неплатежеспособности. Основным регулятором высту-

пает Совет Министров Республики Беларусь. Именно на него возложено проведение единой государственной политики в рассматриваемой сфере.

Государственные органы (министерства и ведомства) также имеют довольно широкие полномочия в сфере несостоятельности и могут вмешиваться на различных стадиях и этапах в соответствующие процессы.

Например, в соответствии с ч. 2 ст. 12 Закона они вправе: принимать меры по предупреждению несостоятельности организаций (государственных, а также имеющих долю государства); обеспечивать согласование предварительного плана санации или ликвидации; ходатайствовать о продлении или завершении санации; представлять кандидатуру управляющего (в делах о несостоятельности или банкротстве государственных организаций либо имеющих долю государства); осуществлять иные полномочия.

Ведется постоянный мониторинг государственных организаций, требующих применения мер по предупреждению банкротства. Минэкономики Республики Беларусь занимается оценкой степени риска наступления банкротства организаций госсектора [8].

Местным исполнительным и распорядительным органам также предоставлен ряд полномочий в рассматриваемой сфере. Они, в частности, согласно ч. 3 ст. 12 Закона, разрабатывают и принимают на местах меры по предупреждению несостоятельности и банкротства в отношении находящихся на их территории организаций (не являющихся государственными, не имеющими доли государства), если это необходимо в интересах регионов и (или) государства.

В делах о несостоятельности или банкротстве активно используется такое средство, как засекречивание информации. В силу ч. 2 ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» по отдельным делам проводятся закрытые судебные заседания, участие в которых могут принимать лица, имеющие допуск к государственным секретам. К ним относятся: судьи, представители государственного органа, должника (собственник, учредитель и др.), управляющий по делу, а также другие лица (при наличии соответствующего интереса по делу и допуском).

Важно также акцентировать внимание на возможности производства по делу судебной экспертизы, а не предоставления иных документов (справок, расчетов, заключений несудебных экспертов и пр.). Согласно ч. 6 ст. 37 Закона суд вправе по ходатайству лиц, участвующих в деле, управляющего, а также по собственной инициативе назначить судебную экспертизу, в том числе в целях определения наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или препятствования проведению расчетов с кредиторами. Эта норма Закона также характеризует активность суда в делах такой категории.

Несмотря на упомянутую ранее ст. 3 Закона, в его разд. IV «Особенности несостоятельности и банкротства отдельных категорий должников – юридических лиц и должников – индивидуальных предпринимателей» находится место ряду хозяйствующих субъектов, обладающих значительной спецификой, в том числе и в аспекте обеспечения экономической безопасности. Дело в том, что круг субъектов, в отношении которых может возникнуть потребность в реализации защитных ме-

роприятий, применении специальных (особых) правовых средств, значительно шире указанных в анализируемой ст. 3 Закона.

Для нас основной интерес представляет ст. 150 Закона, выделяющая такую категорию должников, как юридические лица, имеющие мобилизационные задания. В соответствии с анализируемой статьей уполномоченные государственные органы, ответственные за обеспечение обороноспособности государства, должны принять меры по передаче мобилизационных заданий другим юридическим лицам. Кроме того, в отношении таких субъектов Президентом Республики Беларусь могут приниматься специальные меры, в том числе и отличные от тех, что закреплены в Законе Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности».

В силу новизны анализируемого документа практика его применения только начинает формироваться, следовательно, его сильные и слабые стороны, в том числе в контексте обеспечения им экономической безопасности в делах о несостоятельности, банкротстве, еще только предстоит выявить. Однако наличие ст. 3 Закона, на наш взгляд, позволяет довольно эффективно применять ее в условиях Республики Беларусь (как в условиях возникшего кризиса, так и превентивно, для его предотвращения и обеспечения экономической безопасности).

В Республике отмечается последовательное снижение нагрузки на суды в связи с более активным досудебным оздоровлением и предупреждением банкротства. Обращается внимание на значительную роль государственных органов, а также органов местного самоуправления, благодаря которым процент необоснованных обращений в суды сведен к минимуму [9].

Заключение

Подводя итоги исследования, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, законодатель Республики Беларусь традиционно уделяет повышенное внимание вопросам обеспечения экономической безопасности. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют как новая Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, так и текущее законодательство государства. В стране проводится последовательная политика, направленная на формирование и поддержание организационно-правового механизма, обеспечивающего экономическую и иные виды безопасности.

Во-вторых, законодательство о несостоятельности, банкротстве и урегулировании неплатежеспособности в Республике Беларусь органично встроено в систему обеспечения экономической и иных видов безопасности. В нем имеются правовые средства, позволяющие государству в лице компетентных органов вмешиваться в процессы несостоятельности или банкротства в целях решения публичных задач.

Пристатейный библиографический список

1. Мухов А. А., Козырский Д. А. Правовые средства механизма обеспечения экономической и иных видов безопасности в делах о несостоятельности (банкротстве) // Современное право. 2025. № 3.

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (утв. Решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5).
3. Бондарь Т. Е. Экономическая безопасность Республики Беларусь в контексте Концепции национальной безопасности государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2024. № 4.
4. Храмцова Ф. И., Антоненко О. П. Трансформационно-опережающее государственное управление как фактор национальной безопасности Республики Беларусь // International Journal Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 1-3.
5. Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь».
6. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)».
7. Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности».
8. В Минэкономики разъяснили правовые механизмы предупреждения банкротства // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 12 декабря 2024 г.
9. Закон об урегулировании неплатежеспособности – сбалансированный инструмент защиты прав и законных интересов: интервью судьи Верховного Суда Республики Беларусь Виктора Федоровича Шильченка порталу Pravo.by // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. 26 февраля 2025 г.

References

1. Mokhov A. A., Kozyrsky D. A. Legal Means of Ensuring Economic and Other Types of Security in Cases of Insolvency (Bankruptcy). *Modern Law*, 2025, no. 3. (In Russ.)
2. The National Security Concept of the Republic of Belarus (approved by the Decision of the All-Belarusian People's Assembly on April 25, 2024 No. 5). (In Russ.)
3. Bondar T. E. Economic Security of the Republic of Belarus in the Context of the National Security Concept of the State. *Bulletin of Polotsk State University. Series D*, 2024, no. 4. (In Russ.)
4. Khramtsova F. I., Antonenko O. P. Transformative-Advanced Public Administration as a Factor of National Security of the Republic of Belarus. *International Journal Humanities and Natural Sciences*, 2022, vol. 1-3. (In Russ.)
5. Law of the Republic of Belarus of July 10, 2012 No. 390-Z "On the State Security Agencies of the Republic of Belarus". (In Russ.)
6. Law of the Republic of Belarus of July 13, 2012 No. 415-Z "On Economic Insolvency (Bankruptcy)". (In Russ.)
7. Law of the Republic of Belarus of December 13, 2022 No. 227-Z "On the Resolution of Insolvency". (In Russ.)
8. The Ministry of Economy Has Explained the Legal Mechanisms for Preventing Bankruptcy (National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. December 12, 2024). (In Russ.)
9. The Law on Insolvency Resolution Is a Balanced Tool for Protecting Rights and Legal Interests: Interview with Viktor Fedorovich Shilchenok, Judge of the Supreme

Court of the Republic of Belarus, on the Pravo.by Portal (Internet Portal of the General Jurisdiction Courts of the Republic of Belarus. February 26, 2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. А. Козырский – старший преподаватель.

Information about the author:

D. A. Kozyrsky – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 20.06.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 347.963

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-113-122>

ПРОКУРОР В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ

Светлана Александровна Семикина^{1,2}

Алена Валерьевна Кружалова³

¹ Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 410003, Россия, г. Саратов, ул. им. А. Н. Радищева, д. 55

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

³ Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, стр. 3

^{1,2} svetlanamaxim84@mail.ru

³ a.kruzhalova@mail.ru

Аннотация

Прокурор реализует в административном судопроизводстве полномочия лица, участвующего в деле. Однако Кодекс административного судопроизводства РФ неоднозначно характеризует статус прокурора как административного истца, что способно привести к негативным последствиям. Авторы утверждают, что участие прокурора в административном судопроизводстве следует рассматривать не только как форму дачи заключения по делу, но и как возможность вступления в процесс на любой стадии. Обосновывается введение дополнительного основания для участия прокурора в инициативной форме по делам о защите прав несовершеннолетних и недееспособных, связанных с охраной жизни и здоровья. Предлагается разграничить понятия административного истца и прокурора.

Ключевые слова: прокурор; административное судопроизводство; статус; формы участия; суд.

Для цитирования: Семикина С. А., Кружалова А. В. Прокурор в административном судопроизводстве: проблемы реализации полномочий // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 113–122. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-113-122>

Research Article

THE STATUS OF THE PROSECUTOR IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: MAIN ISSUES

Svetlana A. Semikina^{1,2}

Alena V. Kruzhalova³

¹ Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
55 A. N. Radishchev St., Saratov, 410003, Russia

² Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
83 Astrakhanskaia St., Saratov, 410012, Russia

³ Saratov State Law Academy, 104, Bldg. 3 Chernyshevskii St., Saratov, 410056, Russia

^{1,2} svetlanamaxim84@mail.ru

³ a.kruzhalova@mail.ru

Abstract

The prosecutor exercises the powers of a person participating in the case in administrative proceedings. However, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation ambiguously characterizes the status of the prosecutor as an administrative plaintiff, which can lead to negative consequences. The authors argue that the participation of the prosecutor in administrative proceedings should be considered not just as a form of giving an opinion on the case, but also as an opportunity to enter the process at any stage. The introduction of an additional basis for the participation of the prosecutor in an initiative form in cases on the protection of the rights of minors and incapacitated persons to the protection of life and health is substantiated. It is proposed to distinguish between the concept of an administrative plaintiff and a prosecutor.

Keywords: prosecutor; administrative proceedings; status; forms of participation of the prosecutor; court.

For citation: Semikina S. A., Kruzhalova A. V. The Status of the Prosecutor in Administrative Proceedings: Main Issues. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 113–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-113-122>

Введение

Участие прокурора в административном судопроизводстве – один из действующих механизмов защиты прав, свобод и законных интересов как частных лиц, в том числе неопределенного круга лиц, так и публичных образований. На данный момент процессуальные нормы устанавливают разные способы участия прокурора в гражданском (ст. 34 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)), арбитражном (ст. 40 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)) и административном процессах (ст. 37 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ)), однако во всех случаях прокурор считается лицом, участвующим в деле. Надо заметить, что ни один из видов судопроизводства не обходится без критических замечаний по поводу участия прокурора в них.

В юридической доктрине содержится множество научных работ, исследующих предпосылки и цели участия прокуроров в цивилистическом процессе [1, с. 4]. Важно подчеркнуть, что заинтересованность прокурора, исходя из его полномочий, отличается от заинтересованности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан, представляющих интересы других лиц. Безусловно, в интересах этих органов присутствует элемент государственно-го характера, однако он в значительной мере определяется сферой их деятельности и функциональными обязанностями.

Задачи участия прокурора в административном судопроизводстве отражены, в частности, в приказе Генпрокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2 [2]. Их можно разделить на два основных блока: защита интересов соответствующих участников общественных отношений и обеспечение законности на различных стадиях судебного процесса. Реализация правомочий прокурора в КАС РФ зависит не только от формы участия, но и от субъекта, в интересах которого он вступает в процесс.

Проблемы реализации полномочий прокурора

По нашему мнению, стоит определить основные проблемы, с которыми прокурор сталкивается при участии в суде по административным делам:

1. Несмотря на то что прокурор, согласно ст. 37 КАС РФ, является отдельным субъектом административных процессуальных правоотношений, вразрез с данной нормой ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 39 КАС РФ относят прокурора исключительно к «административному истцу», что полностью нивелирует статус исследуемого лица – наделенного особыми, отличными полномочиями, установленными нормативно-правовыми актами о прокуратуре [3]. Хотя, следует отметить, часть авторов разделяют позицию, согласно которой статус прокурора в административном судопроизводстве зависит от интереса, который он защищает, и в случае защиты публичных интересов прокурор получает статус административного истца только при соблюдении этого условия [4, с. 37].

В связи с этим прокурор в карточке дела судов общей юрисдикции зачастую упоминается как «административный истец» [5; 6; 7], либо как ФИО без ссылки на органы прокуратуры [8] (при этом его идентифицировать возможно по указанному ОГРН, а также по тексту решения, опубликованному по итогам рассмотрения дела). В некоторых случаях прокурор вообще не указывается как лицо, участвую-

щее в деле, в случае дачи заключения по делу [9]. Это не означает, что в иных судебных процессах статус прокурора как участника не подвергается «изменениям». В частности, в арбитражных судах прокуратура в карточке дела нередко упоминается как «третье лицо» [10; 11], что полностью противоречит ст. 40 АПК РФ. По нашему мнению, прокурор – это отдельный субъект административных процессуальных правоотношений, который по статусу и правомочиям нельзя приравнивать к административному истцу. Это также подтверждается нормой ч. 1 ст. 149 КАС РФ, касающейся состава суда, где прокурор не приравнивается к административному истцу.

2. Норма ч. 6 ст. 39 КАС РФ не содержит оснований и порядка реализации возможности административного истца настаивать на продолжении рассмотрения дела в случае отказа прокурора от иска. Гражданин имеет право решать судьбу этого иска [12, с. 65]. Суд в свою очередь должен учитывать его мнение относительно вопроса продолжения процесса; фиксация факта отсутствия заявления об отказе от иска материального истца недостаточна. Хотя в большинстве судебных решений мы встречаем лишь упоминание в определении суда о прекращении производства по делу полностью или частично без указания о наличии уведомления в каком-либо виде [13; 14; 15]. В то же время практика обжалования определения о прекращении дела, связанная с отсутствием участия материального истца в принятии решения о прекращении и отсутствием уведомления прокурора, имеет место [16], что основывается на п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 [17].

Необходимо получить письменную позицию гражданина и указать последствия принятого решения. В случае защиты неопределенного круга лиц позиция законодателя может быть сохранена [18; 19]. Однако по отношению к интересам публично-правовых образований считаем, что суд должен уведомлять их о ходе дела по аналогии с уведомлением гражданина [20]. Вместе с тем, по мнению Т. И. Афанасьевой, не всегда возможно осуществить данный алгоритм во всех категориях дел, рассматриваемых по правилам КАС РФ [21].

3. Применяя позицию законодателя к прокурору, который обязан обосновать невозможность гражданина – материального истца самостоятельно представлять свои интересы в суде, согласно требованиям ч. 1 ст. 39 КАС РФ, уведомление прокурором лица, в защиту которого он вступил в процесс, об отказе от административного иска должно содержать причины такого решения, предусмотренные ч. 4 ст. 39 КАС РФ. Это необходимо для полноценной защиты прав граждан и публичных образований, а также для того, чтобы они могли принять соответствующие решения после получения уведомления. Порядок и сроки реализации указанной процедуры целесообразно закрепить в приказе Генерального прокурора РФ от 11 января 2021 г. № 2 [2].

4. Примечательно, что законодательная позиция не ограничивает участие прокурора исключительно обеспечением законности. Прокурор вправе вступить в процесс и в рамках дачи заключения по делу, перечень которых строго определен законом (ч. 7 ст. 39 КАС РФ), в том числе в порядке абстрактного нормоконтроля [22]. В отличие от указанного порядка реализации полномочий прокурором

ч. 5 ст. 52 АПК РФ, несмотря на некоторые недостатки формулировок, предоставляет возможность реализации функции защиты правопорядка. По разъяснениям [23], такое вступление в дело возможно по инициативе органов прокуратуры, по ходатайству лиц, участвующих в деле, а также по инициативе самого суда (п. 2).

С учетом позиции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 [17], прокурор может не только выступать в качестве инициатора дел, рассматриваемых по правилам КАС РФ, но и обеспечивать соблюдение законности в ходе их рассмотрения. Кроме того, право прокурора вступать в дело на любом этапе судебного разбирательства может основываться на п. 4 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [24], в соответствии с которым допускается обращение прокурора в суд с административным иском, если нарушение приобрело особое общественное значение. Другой возможный вариант реализации данного вида участия прокурора заключается в внесении изменений в ст. 39 КАС РФ, позволяющих суду по собственной инициативе привлекать прокурора к участию в деле.

5. Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 213-ФЗ [25] были внесены изменения в ч. 1 ст. 275 КАС РФ, которые позволили прокурору подавать административные исковые заявления о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке. Однако такое право отсутствует в гл. 31.1 КАС РФ, которая регулирует защиту прав несовершеннолетних и недееспособных на охрану жизни и здоровья. При осуществлении полномочий прокурором необходимо устраниТЬ противоречия: в понимании категории медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни; в определении перечня лиц, имеющих право обращаться с административным иском; в трактовке термина «обязательность» участия прокурора, а также в вопросах минимальной и необходимой доказательственной базы по делу и других аспектах [26, с. 41].

Согласно ст. 39 КАС РФ возможности прокурора по обращению с административным иском существенно ограничены по сравнению со ст. 45 ГПК РФ. Фактически в рамках КАС РФ прокурор может действовать только в пределах специально предусмотренных для него форм. Буквальное толкование ч. 3 ст. 285.3 КАС РФ указывает на то, что прокурор не уполномочен самостоятельно инициировать судебное разбирательство по вопросам медицинского вмешательства, а его участие в таких делах ограничивается предоставлением заключения.

Ученые предлагают несколько объяснений текущему положению. Некоторые считают, что прокурор не способен самостоятельно оценить необходимость медицинского вмешательства и собрать соответствующую доказательственную базу, поскольку ему недостает специальных медицинских знаний [27, с. 7]. Е. В. Буянова, поддерживая идею о необходимости расширения полномочий прокурора в подобных делах, полагает, что ограничение его прав связано с тем, что несовершеннолетний не является субъектом административных и иных публичных правоотношений [28, с. 95]. Также критикуется требование ст. 39 КАС РФ, согласно которому прокурор может подавать заявление в суд только в случае, если субъект административных процессуальных правоотношений не в состоянии самостоятельно защитить свои права [29, с. 61].

Заключение

Участие прокурора в административном судопроизводстве необходимо ясно отделять от подходов, применявшихся ранее в ГПК РФ. В рамках судов общей юрисдикции, рассматривающих дела по правилам КАС РФ, участие прокурора требует отдельного регулирования. Прокурор должен сохранять свое основное назначение – обеспечение соблюдения законности, включая участие в рассмотрении и разрешении административных дел. Статус прокурора, исходя из положений ч. 2 ст. 38 КАС РФ, необходимо конкретизировать и не путать с ролью административного истца. Это позволит: уточнить основания для инициативного участия прокурора; обеспечить его возможность участвовать в административном производстве не только для дачи заключения по делу; повысить эффективность защиты прав, свобод и интересов граждан, публично-правовых образований и неопределенного круга лиц, включая ситуации, когда прокурор отказывается от административного иска.

Приставейный библиографический список

1. *Казарина Т. Н.* Прокурор как субъект цивилистических процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации. Часть 1 // Российский судья. 2021. № 2.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2 (ред. от 19 октября 2022 г.) «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность. 2021. № 2; 2022. № 12.
3. *Потапенко Е. Г.* Оптимизация законодательства об административном судопроизводстве в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3.
4. Участие прокурора в административном судопроизводстве : коллективная монография / М. В. Маматов, Е. В. Кремнева, И. А. Маслов и др. М. : Городец, 2024.
5. Петровский районный суд Ставропольского края. Дело № 2а-226/2024 // Петровский районный суд Ставропольского края : сайт. URL: <https://petrovsky.stv.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
6. Усть-Калманский районный суд Алтайского края. Дело № 2а-33/2024 // Усть-Калманский районный суд Алтайского края : сайт. URL: <https://ukalmansky.alt.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Старожиловский районный суд Рязанской области. Дело № 2а-113/2024 // Старожиловский районный суд Рязанской области : сайт. URL: <https://starozhilovsky.riz.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
8. Волоконовский районный суд Белгородской области. Дело № 2а-125/2024 // Волоконовский районный суд Белгородской области : сайт. URL: <https://volokonovsky.blg.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
9. Шахтинский городской суд Ростовской области. Дело № 2а-1708/2024 // Шахтинский городской суд Ростовской области : сайт. URL: <https://shahtinsky.ros.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
10. Арбитражный суд Чувашской республики. Дело № А79-157/2025 // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 25.01.2025).

11. Арбитражный суд Томской области. Дело № А67-11936/2023 // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
12. Насонов Ю. Г., Выскуб В. С. О недостатках правового регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 5 (49).
13. Левобережный районный суд г. Липецка. Дело № 2а-785/2020 // Левобережный районный суд г. Липецка : сайт. URL: <https://levsud.lpk.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
14. Определение Стародубского районного суда Брянской области от 18 ноября 2024 г. «О прекращении дела в связи с отказом от иска». Дело № 2а-573/2024 (УИД 32RS0028-01-2024-001048-37) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Трубчевского районного суда Брянской области от 29 ноября 2024 г. «О прекращении дела в связи с отказом от иска». Дело № 2а-600/2024 (УИД 32RS0031-01-2024-000900-31) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 27 сентября 2023 г. «Об обжаловании определения о прекращении производства по делу». Дело № 33а-14044/2023 (УИД 52RS0058-01-2022-000627-51) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 (ред. от 17 декабря 2024 г.) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11; Российская газета. 2024. 28 дек. № 297.
18. Сергачский межрайонный суд Нижегородской области. Дело № 2а-57/2024 // Сергачский межрайонный суд Нижегородской области : сайт. URL: <https://sergachsky.nnov.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
19. Усть-Вымский районный суд Республики Коми. Дело № 2а-1361/2023 // Усть-Вымский районный суд Республики Коми : сайт. URL: <https://uwsud.komi.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
20. Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2016. № 2.
21. Афанасьева Т. И. О некоторых проблемах правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве // Российский судья. 2021. № 8.
22. Исмагилов Р. Р. Роль прокурора в абстрактном нормоконтроле, осуществляемом в порядке административного судопроизводства // Законность. 2018. № 3.
23. Информационное письмо Генпрокуратуры РФ от 22 августа 2002 г. № 38-15-02 «О некоторых вопросах участия прокуроров в арбитражном процессе, связанных с принятием и введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
24. Федеральный закон от 17 января 1992 г. (ред. от 30 сентября 2024 г.) № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 2024. № 41. Ст. 6059.
25. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 213-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4548.

26. Афанасьева Т.И. Прокурор в административных делах о медицинском вмешательстве, необходимом для спасения жизни: не решенные в законодательстве вопросы // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5.

27. Борисова В.Ф. Особенности рассмотрения судами административных дел о защите интересов несовершеннолетнего лица в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9.

28. Буянова Е.В. Некоторые аспекты судебной защиты интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // Мир науки и мысли. 2023. № 3.

29. Туманов Д.А. Участие в административном судопроизводстве прокурора, а также органов, организаций и граждан с целью защиты «чужих» интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5.

References

1. Kazaryna T.N. The Prosecutor as a Subject of Civil Procedural Legal Relations in the Context of the Unification of the Procedural Legislation of the Russian Federation. Part 1. *Russian Judge*, 2021, no. 2. (In Russ.)
2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia of January 11, 2021 No. 2 (as amended on October 19, 2022) "On Ensuring the Participation of Prosecutors in Civil and Administrative Proceedings". *Legality*, 2021, no. 2; 2022, no. 12. (In Russ.)
3. Potapenko E. G. Optimization of the Legislation on Administrative Proceedings Towards Ensuring a Balance of Specialization and Unification of Procedural Law. *Herald of Civil Procedure*, 2023, no. 3. (In Russ.)
4. Mamatov M. V., Kremneva E. V., Maslov I. A. et al. Participation of the Prosecutor in Administrative Proceedings: Collective Monograph. Moscow: Gorodets, 2024. (In Russ.)
5. Petrovsky District Court of Stavropol Krai. Case No. 2a-226/2024. URL: <https://petrovsky.stv.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
6. Ust-Kalmansky District Court of Altai Krai. Case No. 2a-33/2024. URL: <https://ukalmansky.alt.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
7. Starozhilovsky District Court of Ryazan Oblast. Case No. 2a-113/2024. URL: <https://starozhilovsky.riz.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
8. Volokonovsky District Court of Belgorod Region. Case No. 2a-125/2024. URL: <https://volokonovsky.blg.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
9. Shakhtinsky City Court of Rostov Region. Case No. 2a-1708/2024. URL: <https://shakhtinsky.ros.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
10. Arbitration Court of the Chuvash Republic. Case No. A79-157/2025. URL: <https://kad.arbitr.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
11. Arbitration Court of Tomsk Oblast. Case No. A67-11936/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
12. Nasonov Iu. G., Vyskub V. S. On the Shortcomings of Legal Regulation of the Prosecutor's Participation in Administrative Proceedings. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2015, no. 5 (49). (In Russ.)

13. Levoberezhny District Court of Lipetsk. Case No. 2a-785/2020. URL: <https://levsud.lpk.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
14. Determination of the Starodubsky District Court of the Bryansk Region of November 18, 2024 "On the Termination of the Case Due to the Withdrawal of the Claim". Case No. 2a-573/2024 (UID 32RS0028-01-2024-001048-37) (SPS "ConsultantPlus") (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
15. Determination of the Trubchevsky District Court of the Bryansk Region of November 29, 2024 "On the Termination of the Case Due to the Withdrawal of the Claim". Case No. 2a-600/2024 (UID 32RS0031-01-2024-000900-31) (SPS "ConsultantPlus") (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
16. Appellate Ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court of September 27, 2023 "On Appealing the Ruling to Terminate Proceedings in the Case". Case No. 33a-14044/2023 (UID 52RS0058-01-2022-000627-51) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2016 No. 36 (as amended on December 17, 2024) "On Certain Issues of the Application by Courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2016, no. 11; *Rossiiskaia Gazeta*, December 28, 2024, no. 297. (In Russ.)
18. Sergach Interdistrict Court of the Nizhny Novgorod Region. Case No. 2a-57/2024. URL: <https://sergachsky.nnov.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
19. Ust-Vymsky District Court of the Komi Republic. Case No. 2a-1361/2023. URL: <https://uwsud.komi.sudrf.ru> (date of the application: 25.01.2025). (In Russ.)
20. Vinokurov A. Iu. On Some Issues of Participation of the Prosecutor in Administrative Proceedings. *Administrative and Municipal Law*, 2016, no. 2. (In Russ.)
21. Afanasieva T. I. On Some Problems of Legal Support for the Participation of the Prosecutor in Administrative Proceedings. *Russian Judge*, 2021, no. 8. (In Russ.)
22. Ismagilov R. R. The Role of the Prosecutor in Abstract Normative Control Carried Out in the Order of Administrative Proceedings. *Legality*, 2018, no. 3. (In Russ.)
23. Information Letter of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of August 22, 2002 No. 38-15-02 "On Certain Issues of Participation of Prosecutors in Arbitration Proceedings Related to the Adoption and Implementation of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
24. Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-I (as amended on September 30, 2024) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 47, art. 4472; 2024, no. 41, art. 6059. (In Russ.)
25. Federal Law of July 19, 2018 No. 213-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 30, art. 4548. (In Russ.)
26. Afanasieva T. I. The Prosecutor in Administrative Cases on Medical Intervention Necessary to Save Life: Unresolved Issues in Legislation. *Actual Problems of Russian Law*, 2024, vol. 19, no. 5. (In Russ.)
27. Borisova V. F. Features of Consideration by Courts of Administrative Cases on the Protection of Interests of a Minor in Case of Refusal of a Legal Representative from

Medical Intervention Necessary to Save Life. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2017, no. 9. (In Russ.)

28. Buianova E. V. Some Aspects of Judicial Protection of the Interests of a Minor in the Event of a Legal Representative's Refusal of Medical Intervention Necessary to Save Life. *World of Science and Thought*, 2023, no. 3. (In Russ.)

29. Tumanov D. A. Participation in Administrative Proceedings of the Prosecutor, as Well as Bodies, Organizations and Citizens in Order to Protect "Other People's" Interests. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2016, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторах:

С. А. Семикина – кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Кружалова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

S. A. Semikina – PhD in Law, Associate Professor.

A. V. Kruzhalova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 04.02.2025; approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-123-132>

СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И УПЛАТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СБОРА

Юлия Георгиевна Шиповальникова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Julia-lartis@mail.ru

Аннотация

Одним из показателей эффективности исполнительного производства является уплаченный исполнительский сбор. Несмотря на наличие законодательной регламентации, вопросы его размера, сроков и условий выплаты остаются дискуссионными. Исполнительский сбор, с одной стороны, рассматривается как санкция штрафного характера, основанием для применения которой является правонарушение, а с другой – как один из способов стимулирования должника, а также носит фискальный характер, не являясь при этом ни налогом, ни сбором в смысле, придаваемом Конституцией РФ. При этом необходимо и далее стимулировать как должников к исполнению исполнительных документов, так и судебных приставов-исполнителей к организации правильного и своевременного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Предлагается рассмотреть возможность уменьшения размера исполнительского сбора, а также предусмотреть возможность установления увеличенного размера исполнительского сбора в случае осуществления противоправных действий должником, направленных на сокрытие имущества или злостное неисполнение неимущественных требований.

Ключевые слова: исполнительский сбор; принцип соразмерности; санкции; размер сбора.

Для цитирования: Шиповальникова Ю. Г. Соразмерность при рассмотрении вопросов определения и уплаты исполнительского сбора // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 123–132. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-123-132>

Research article

PROPORTIONALITY IN THE CONSIDERATION OF THE ISSUES OF DETERMINING AND PAYING THE PERFORMANCE FEE

Yulia G. Shipovalnikova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaya St.,
Moscow, 117638, Russia
Julia-lartis@mail.ru

Abstract

One of the indicators of the effectiveness of enforcement proceedings is the enforcement fee paid. Despite the existence of legislative regulation, the issues of payment of the performance fee, its amount, terms and conditions of payment remain controversial. The performance fee, on the one hand, is considered as a punitive sanction, the basis for which is an offense. On the other hand, the enforcement fee is considered as one of the ways to stimulate the debtor. On the third hand, the performance fee is of a fiscal nature, without being either a tax or a fee, in the sense given by the Constitution of the Russian Federation. At the same time, it is necessary to further encourage debtors to execute enforcement documents, and bailiffs to organize the correct and modern execution of judicial acts, acts of other bodies and officials. It is proposed to consider the possibility of reducing the amount of the enforcement fee, as well as to provide for the possibility of establishing an increased amount of enforcement fee in the event of unlawful actions by the debtor aimed at concealing property or maliciously failing to fulfill non-property claims.

Keywords: performance fee; principle of proportionality; sanctions; amount of the fee.

For citation: Shipovalnikova Yu. G. Proportionality in the Consideration of the Issues of Determining and Paying the Performance Fee. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 123–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-123-132>

Введение

Проблема соразмерности определения и уплаты исполнительского сбора занимает важное место в исполнительном производстве. Исполнительский сбор рассматривается как мера взыскания в денежном выражении, которая налагается на должника в случае истечения срока для добровольного исполнения судебного акта, а также в случае неисполнения судебного акта в течение суток, подлежащего немедленному исполнению.

Взыскание исполнительского сбора производится по постановлению судебного пристава-исполнителя, в производстве которого находится исполнительный документ и возбуждено исполнительное производство.

Размер исполнительского сбора составляет 7% от суммы взыскания и зависит от категории должника и размера суммы взыскания в исполнительном документе. Минимальный размер исполнительского сбора составляет: 1000 руб. для должника – гражданина или индивидуального предпринимателя (далее – ИП) и 10 000 руб. для должника – юридического лица в случае, если исполнительный документ имущественного взыскания не был исполнен. В том случае если по исполнительному документу необходимо совершить определенные действия, то размер исполнительского сбора составит: 5000 руб. для гражданина или ИП и 50 000 руб. для юридического лица.

В то же время если должник не исполнит требования исполнительного листа или судебного приказа в течение пяти дней с момента возбуждения исполнительного производства, то ему придется уплатить, помимо присужденного долга, 7% исполнительского сбора, причем эти 7% могут стать ощутимой суммой при миллионных взысканиях. В целом своевременная уплата исполнительского сбора свидетельствует о качестве и эффективности исполнительного производства.

2. Проблемы дискуссионного характера исполнительского сбора

Вопросы уплаты исполнительского сбора были и остаются дискуссионными, несмотря на наличие законодательной регламентации.

Исполнительский сбор, как определено в ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве):

- 1) является денежным взысканием;
- 2) налагается на должника с момента заверения срока для добровольного исполнения или по истечении суток для незамедлительного исполнения;
- 3) устанавливается судебным приставом-исполнителем;
- 4) имеет фиксированный размер (при этом определены минимальные и максимальные размеры для физических и юридических лиц, а также размеры по требованиям неимущественного характера);
- 5) зачисляется в федеральный бюджет [1].

Применение исполнительского сбора осуществляется при наличии совокупности следующих условий:

- надлежащее извещение должника о возбуждении исполнительного производства;
- истечение срока на добровольное исполнение требований исполнительного документа;
- невыполнение требований исполнительного документа полностью или в части;
- отсутствие обстоятельств, препятствующих исполнения решения юрисдикционного органа [2, с. 8].

Согласно положениям Закона об исполнительном производстве исполнительский сбор взыскивается на основании решения судебного пристава-исполнителя, утвержденного старшим судебным приставом, после удовлетворения требований взыскателя по исполнительному документу [3].

Несмотря на наличие определения, условий применения, порядка взыскания, возникают вопросы в правоприменении, в том числе с учетом реализации установленного Законом об исполнительном производстве такого принципа, как соотносимость объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

Вопросы взыскания исполнительского сбора являются дискуссионными, что подтверждается значительным количеством исследований, затрагивающих данную тему [4, с. 406–407; 5, с. 251–281]. Кроме того, они неоднократно являлись предметом рассмотрения высших судебных инстанций.

Текущий подход к определению правовой природы представлен в правовой позиции Конституционного Суда РФ в 2001 г., в постановлении которого закреплено, что «федеральный законодатель был вправе установить специальную норму, на основании которой на должника в случае виновного неисполнения им исполнительного документа имущественного характера в срок, установленный для его добровольного исполнения, налагается взыскание в виде штрафных санкций» [6].

Исполнительский сбор, как высказала высшая судебная инстанция, является санкцией штрафного характера, применяемой к должнику в качестве меры его публично-правовой ответственности. Основанием для применения которой является правонарушение, совершенное должником в процессе исполнительного производства: неисполнение исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также неисполнение им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства (ч. 1 ст. 112 Закона об исполнительном производстве) [1].

Сущность исполнительского сбора заключается в «воздложении на должника новой гражданско-правовой обязанности, являющейся гражданско-правовой санкцией, т.е. предусмотренной законом мерой воздействия, применяемой к участнику обязательственного правоотношения в случае невыполнения лежащих на нем обязанностей» [7].

Как отмечено М. Л. Гальпериным, «для взыскания исполнительского сбора важно не то, есть вина в неисполнении обязательства или нет. Это вопрос гражданско-гражданского права (или уголовного, если речь идет о недобросовестном исполнении). Важно лишь то, повлекли ли действия (бездействие) должника расходы государства на принудительное взыскание или нет, и готово ли государство в отношении определенной социальной категории должников оставить расходы на исполнение за собой. Вряд ли обоснованно взыскивать с должника исполнительский сбор, если после возбуждения исполнительного производства оно лежит на полке без движения, а пристав даже не попытался установить положение должника» [8, 4–11].

Здесь же необходимо отметить мнение В. А. Гуреева, указавшего на то, что «признавая фискальную и санкционную составляющие исполнительского сбора, современное законодательство и правоприменительная практика тем не менее необоснованно игнорируют стимулирующую функцию исполнительского сбора» [9, с. 68–74].

Наиболее острым является вопрос размера взыскиваемого исполнительского сбора, его соразмерности при исполнении исполнительных документов.

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ «взимание исполнительского сбора преследует публично-значимую цель повышения эффективности исполнительного производства, предполагая, что неисполнение и несвоевременное исполнение решений судов и иных уполномоченных органов создает угрозу гарантиям государственной защиты конституционных прав и свобод, законности и правопорядка в целом.

Вместе с тем, поскольку штрафное взыскание связано с ограничением конституционного права собственности, толкование и применение положений законодательства об исполнительном производстве, регулирующих взимание исполнительского сбора, должно осуществляться судами с учетом критерия соразмерности (пропорциональности), вытекающего из части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, и не должно приводить к подавлению экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерному ограничению свободы предпринимательства и права собственности, что в силу статей 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации недопустимо» [10].

Получается, что речь не идет о санкции за противоправное поведение, наличие вины не устанавливается, факт неисполнения решения в срок является основанием для взыскания.

3. Особенности применения исполнительского сбора как санкции

Как относиться к исполнительскому сбору, когда он, являясь не налогом или сбором, а санкцией, устанавливается не за личные виновные действия и должен быть взыскан вне зависимости от участия должника и его содействия в исполнении исполнительного документа?

В. А. Гуреев отмечает, что «все это свидетельствует о непоследовательности законодательных решений, которые в своей совокупности на современном этапе деятельности органов службы судебных приставов привели к выхолащиванию подлинного предназначения рассматриваемого платежа, о проявлении на первом плане не его стимулирующей функции, а репрессивной компоненты воздействия» [9].

И законодатель, и существующая судебная практика говорят нам, что исполнительский сбор не является ни налогом, ни сбором в смысле ст. 57 Конституции РФ. Данный платеж, отнесенный к санкции штрафного характера, является мерой ответственности с возможностью уменьшения его размера.

О том, что исполнительский сбор является санкцией, отмечено в многочисленных судебных актах. Так, в разъяснениях, данных в постановлении Конституционного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 29-П, отмечено, что «приведенные правовые позиции, высказанные Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 15 января 2002 года № 1-П, от 14 мая 2003 года № 8-П, от 14 июля 2005 года № 8-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 10 марта 2016 года № 7-П и др., распространяются и на введение в исполнительном производстве мер ответственности должника за не-

исполнение содержащегося в исполнительном документе требования... Осуществляя регулирование, направленное на обеспечение своевременного исполнения судебных и иных актов, законодатель вправе предусмотреть и санкции, в том числе штрафного характера, за нарушение установленных требований, что воплощает конституционно-значимый публично-правовой интерес государства и общества в эффективном правосудии в целях защиты и восстановления нарушенных прав» [11].

Учет степени вины происходит только при рассмотрении вопросов отсрочки или рассрочки взыскания исполнительского сбора, а также уменьшения его размера (ч. 7 ст. 112 Закон об исполнительном производстве) [1].

Исчерпывающий перечень обстоятельств, которые учитываются судом при рассмотрении заявления об уменьшении исполнительского сбора, не установлен, но законодателем отмечено, что рассматривается:

- 1) степень вины должника в неисполнении;
- 2) имущественное положение должника;
- 3) иные существенные обстоятельства.

То есть должны учитываться участие должника в исполнении исполнительного документа, наличие частичного исполнения, отсутствие скрытия имущества, наличие лиц, находящихся на иждивении должника, наличие обстоятельств, препятствующих исполнению обязательств. Автор полагает, что установление исчерпывающего перечня таких обстоятельств не является возможным и не обеспечит реализацию принципов соотносимости и соразмерности.

Е. Г. Стрельцова отмечает, что «возможность самостоятельного исполнения должником исполнительного документа сохраняется в любой момент принудительного исполнения, однако это исполнение уже нельзя назвать добровольным. В этом случае с должника должен быть взыскан исполнительский сбор. Стимулируя самостоятельное исполнение, законодатель может прямо установить усеченный размер исполнительского сбора для таких случаев» [12, с. 92].

При этом, как указано в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 (п. 74), «суд не связан основаниями и доводами требований об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя, он вправе установить обстоятельства, свидетельствующие о необходимости уменьшить размер исполнительского сбора, освободить должника от его взыскания на основании исследованных в судебном заседании доказательств, даже если стороны на данные обстоятельства не ссылались (ч. 6, 7, 9 ст. 112 Закона об исполнительном производстве, ч. 3 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ч. 4 ст. 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации)» [13].

Установление обстоятельств, свидетельствующих о наличии оснований для уменьшения размера исполнительского сбора, позволяет суду уменьшить размер исполнительского сбора, даже если стороны на данные обстоятельства не ссылались при оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя. Данные положения широко применяются в судебной практике [см: 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Здесь же необходимо отметить имеющийся случай уменьшения исполнительского сбора в два раза. Так, в определении Арбитражного суда г. Москвы от 5 дека-

бря 2022 г. по делу № А40-2269/20 при рассмотрении заявления ответчика (должника) об освобождении от исполнительского сбора судом отмечено, что «в данном случае заявитель не уклонялся от исполнения публично-правовой обязанности по исполнению исполнительных документов, не осуществлял действия по сокрытию имущества, не препятствовал действиям судебного пристава-исполнителя. В этой ситуации поведение должника не может расцениваться как нарушающее законодательство об исполнительном производстве» [20].

Вместе с тем автор полагает, что необходимо и далее стимулировать и должников к исполнению исполнительных документов, и судебных приставов-исполнителей к организации правильного и современного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

Согласно правовой позиции, содержащейся в определении Конституционного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 29-П, «нужно основываться на вытекающих из Конституции Российской Федерации принципах юридического равенства и соразмерности вводимых санкций конституционно значимым целям и ценностям, исключать произвольное истолкование и применение соответствующих нормативных предписаний, с тем чтобы гарантировать справедливость наказания, его индивидуализацию, учет характера правонарушения и степени вины правонарушителя» [11].

Заключение

С учетом имеющейся судебной практики, подходов к определению правовой природы исполнительского сбора и его назначения, принимая во внимание, что степень вины должника учитывается при рассмотрении вопросов уменьшения размера исполнительского сбора, предлагается рассмотреть возможность уменьшения исполнительского сбора до 50% при наличии условий, указанных в ч. 7 ст. 112 Закона об исполнительном производстве, а также установления увеличенного размера исполнительского сбора в случае осуществления противоправных действий должником, направленных на сокрытие имущества или злостное неисполнение неимущественных требований.

Учитывая, что размер исполнительского сбора установлен законом, возможность снижения размера исполнительского сбора также установлена законом и не предполагает дополнительного толкования, представляется верным внесение изменений в Закон об исполнительном производстве, предусматривающих установление исполнительского сбора в увеличенном размере при совершении должником противоправных действий. При этом увеличение должно устанавливаться судом, с учетом предусмотренного предельного увеличения, по заявлению судебного пристава-исполнителя.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
2. Иголкина К. Н. Взыскание исполнительского сбора: административно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11–12.

4. Шереметьева Н. В., Морозов А. И., Афанасьев А. А. Правовые аспекты взыскания исполнительского сбора с должников // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150).

5. Шараев С. Ю., Валеев Д. Х., Волкова Т. В. Актуальные вопросы правоприменительной практики по применению законодательства об исполнительном производстве: опыт Двенадцатого арбитражного апелляционного суда // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыксский»» // С3 РФ. 2021. № 32. Ст. 3412.

7. Белоусов Л. В. Спорные вопросы приостановления принудительного исполнения // СПС «КонсультантПлюс».

8. Гальперин М. Л. Зачем нужен исполнительский сбор? // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 10.

9. Гуреев В. А. Исполнительский сбор в современной модели исполнительного производства: штрафная санкция или плата за работу судебного пристава-исполнителя? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7.

10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 июля 2018 г. № 305-КГ17-23457 по делу № А40-56800/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части 12 статьи 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Руско Индастриал»» // С3 РФ. 2023. № 24. Ст. 4389.

12. Стрельцова Е. Г. Добровольное исполнение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3 (31).

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «Гарант».

14. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 июля 2016 г. № Ф07-5925/2016 по делу № А56-83553/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 августа 2020 г. № Ф06-64339/2020 по делу № А06-15363/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12 апреля 2022 г. № А10-885/2022 по делу № А83-5676/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 июля 2022 г. № Ф03-3229/2022 по делу № А04-1012/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12 апреля 2023 г. № Ф10-1296/2023 по делу № А64-7612/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30 января 2024 г. № Ф01-8968/2023 по делу № А29-2839/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 декабря 2022 г. по делу № А40-226/20 // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ff70149-dcar-4fc7-9b13-db78888e07a8/4f5ed274-a0d1-43ce-885c-20491-efc5e0d/A40-2269-2020_20221205_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.05.2025).

References

1. Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2007, no. 41, art. 4849. (In Russ.)
2. Igolkina K. N. Collection of Enforcement Fees: Administrative and Legal Aspects: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2013. (In Russ.)
3. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 13, 2016). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2016, no. 11–12. (In Russ.)
4. Sheremetieva N. V., Morozov A. I., Afanasiev A. A. Legal Aspects of Collecting Enforcement Fees from Debtors. *Eurasian Law Journal*, 2020, no. 11 (150). (In Russ.)
5. Sharaev S. Iu., Valeev D. Kh., Volkova T. V. Actual Issues of Law Enforcement Practice in the Application of Legislation on Enforcement Proceedings: The Experience of the Twelfth Arbitration Court of Appeal. *Herald of Civil Procedure*, 2021, no. 4. (In Russ.)
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 30, 2001 No. 13-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Subparagraph 7 of Paragraph 1 of Article 7, Paragraph 1 of Article 77 and Paragraph 1 of Article 81 of the Federal Law 'On Enforcement Proceedings' in Connection with Requests from the Arbitration Court of the Voronezh Region, the Arbitration Court of the Saratov Region and the Complaint of the Open Joint Stock Company Izykh Section of the Company". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 32, art. 3412. (In Russ.)
7. Belousov L. V. Controversial Issues of Suspension of Compulsory Enforcement (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Galperin M. L. Why Do We Need a Performance Collection? *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2018, no. 10. (In Russ.)
9. Gureev V. A. Enforcement Fee in the Modern Model of Enforcement Proceedings: Penalty or Payment for the Work of a Bailiff? *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2016, no. 7. (In Russ.)
10. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 25, 2018 No. 305-KG17-23457 in Case No. A40-56800/2017 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 1, 2023 No. 29-P "In the Case of Checking the Constitutionality of Part 12 of Article 30 of the Federal Law 'On Enforcement Proceedings' in Connection with the Complaint of the Limited Liability Company Russo Industrial". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 24, art. 4389. (In Russ.)

12. Streltsova E. G. Voluntary Execution. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 3 (31). (In Russ.)
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 17, 2015 No. 50 "On the Application of Legislation by Courts When Considering Certain Issues Arising During Enforcement Proceedings" (SPS "Garant"). (In Russ.)
14. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of July 25, 2016 No. F07-5925/2016 in Case No. A56-83553/2015 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region of August 18, 2020 No. F06-64339/2020 in Case No. A06-15363/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
16. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of April 12, 2022 No. A10-885/2022 in Case No. A83-5676/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of July 28, 2022 No. F03-3229/2022 in Case No. A04-1012/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
18. Resolution of the Arbitration Court of the Central District Court of April 12, 2023 No. F10-1296/2023 in Case No. A64-7612/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
19. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of January 30, 2024 No. F01-8968/2023 in Case No. A29-2839/2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
20. Ruling of the Arbitration Court of Moscow of December 5, 2022 in Case No. A40-226/20. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ff70149-dcar-4fc7-9b13-db7888e07a8/4f5ed274-a0d1-43ce-885c-20491efc5e0d/A40-2269-2020_20221205_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of the application: 02.05.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. Г. Шиповальникова – аспирант.

Information about the author:

Yu. G. Shipovalnikova – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 01.07.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-133-142>

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ, А ТАКЖЕ ЕГО ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

Александр Вадимович Воронов^{1,2}

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

² ПАО «ПИК-СЗ», 123242, Россия, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 19, стр. 1

^{1,2} voronovsany@yandex.ru

Аннотация

Актуальность данной работы обусловлена проблемой «потребительского экстремизма» – явления, возникающего из-за неравенства сторон в потребительских отношениях и законодательной защиты прав потребителей. Целью статьи является рассмотрение проблемы потребительского экстремизма, определение его терминологии, а также соотношение с злоупотреблением правом. Новизна исследования состоит в разработке авторского определения потребительского экстремизма и доказательстве его соотношения как формы злоупотребления правом. В результате исследования автор дает оригинальное определение понятия потребительского экстремизма и предлагает установить прогрессивный штраф за злоупотребление правом. В ходе исследования широко применяются как общенаучные методы исследования, так и специально-правовые методы, в том числе системный и телескопический.

Ключевые слова: потребитель; злоупотребление правом; потребительский экстремизм; судебная защита.

Для цитирования: Воронов А. В. Проблемы определения понятия потребительского экстремизма как злоупотребления правом, а также его правовой природы // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 133–142. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-133-142>

Research Article

PROBLEMS OF DEFINING THE CONCEPT OF CONSUMER EXTREMISM AS AN ABUSE OF RIGHT, AS WELL AS ITS LEGAL NATURE

Aleksandr V. Voronov^{1,2}

¹ Peoples' Friendship University of Russia, 6 Miklukho-Maklaia St.,
Moscow, 117198, Russia

² PAO "PIK-SZ", 19, Bldg. 1 Barrikadnaia St., Moscow, 123242, Russia

^{1,2} voronovsany@yandex.ru

Abstract

The relevance of this paper is due to the problem of "consumer extremism" – a phenomenon arising from the inequality of parties in consumer relations and legislative protection of consumer rights. The purpose of the work is to consider the problem of consumer extremism, the definition of its terminology, as well as the correlation with the abuse of right. The novelty of the research consists in the development of the author's definition of consumer extremism and proof of its correlation as a form of abuse of right. As a result of the study, the author gives an original definition of the concept of consumer extremism, proposes to establish a progressive fine for the abuse of right. In the course of the research both general scientific methods of research and special legal methods, including system method, teleological method are widely used.

Keywords: consumer; abuse of right; consumer extremism; judicial protection.

For citation: Voronov A. V. Problems of Defining the Concept of Consumer Extremism as an Abuse of Right, as Well as its Legal Nature. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 133–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-133-142>

Введение

Проблема потребительского экстремизма в российской правовой системе имеет длительную историю. Очевидно, что любое субъективное право неразрывно связано с риском возникновения злоупотребления правом. Таким образом, принятие в 1992 г. Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей», наделяющего потребителя рядом субъективных прав, привело к неизбежным проблемам, связанным со злоупотреблением этим правом.

Как отмечает В. В. Погарцев, проблема потребительского экстремизма существует во многих юрисдикциях, где достаточно сильно развито законодательство о защи-

те прав потребителей [1]. Так, например, в США вдова курильщика отсудила у одной из табачных компаний сумму в размере более 20 млн долл. США, указав на недостаточное информирование курильщика о вреде табачной продукции, что рассматривается исследователями в качестве примера «потребительского рекета» [2].

К. Р. Моисеева указывает, что проблема потребительского экстремизма во многом пришла в Россию и другие государства СНГ из американского общества [3], где потребительский экстремизм, по сути, стал частью американской культуры. Очевидно, что не только наличие лояльного к потребителям законодательства в России, но и межкультурное влияние и взаимодействие привело к развитию данного явления в российском обществе.

Проблема потребительского экстремизма является одной из наиболее хорошо исследованных проблем в современной правовой доктрине. При этом существуют как исследования, которые концентрируются на общей характеристике потребительского экстремизма [4], так и исследования, которые изучают потребительский экстремизм в отдельных сферах потребительских отношений (медицина [5], стоматология [6], страховой рынок [7] и т.д.). Несмотря на значительное внимание научной доктрины к проблемам потребительского экстремизма, данная проблема остается актуальной. На сегодняшний день в научной доктрине не выработан единый подход к понятию потребительского экстремизма, соотношению потребительского экстремизма и гражданско-правового института злоупотребления правом, а также к мерам противодействия потребительскому экстремизму. Исходя из наличия вышеуказанных нерешенных проблем в действующем правовом регулировании, правоприменительной практике и научной доктрине избранная тема исследования имеет высокую актуальность.

Таким образом, целью данного исследования является определение оригинального понятия потребительского экстремизма, анализ вопроса соотношения злоупотребления правом и потребительского экстремизма, а также разработка мер, направленных на противодействие явлению потребительского экстремизма в Российской Федерации.

Исследование

Понятие потребительского экстремизма является научно-доктринальным. Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что действующее правовое регулирование не содержит каких-либо упоминаний о таком понятии, как потребительский экстремизм. Также следует отметить, что международно-правовое регулирование, являясь субсидиарным в системе правового регулирования прав потребителей, не регламентирует вопросы, связанные с правовым регулированием потребительского экстремизма. Из этого следует, что международные договоры пусть и являются частью иерархии национального законодательства, однако в случае с «потребительским экстремизмом» не существует единого международного договора, который бы давал официальное толкование данного термина.

Данная ситуация прежде всего связана с тем, что экстремизм, в своем первом значении, представляет собой деятельность, направленную на изменение конституционного строя РФ, возбуждение социальной, религиозной и иной розни,

нарушение прав и законных интересов граждан. Таким образом, по нашему мнению, законодатель правомерно отказался от правового регламентирования вышеуказанных понятий, учитывая, что такое регламентирование может привести к необоснованному смешению различных по своей сути явлений. Такой подход поддерживают некоторые исследователи, отмечая, что явление, называемое «потребительским экстремизмом», не имеет признаков настоящего экстремизма и такой термин не должен применяться в гражданском праве. Исходя из вышеизложенного, законодатель правомерно воздержался от ложной аналогии потребительского экстремизма и экстремизму, регулируемого публичным правом.

Тем не менее можно сделать вывод, что понятие потребительского экстремизма широко применяется в правоприменительной практике. Так, например Темрюкский районный суд Краснодарского края указывает, что обращение лица не за восстановлением своих прав, а с целью необоснованного обогащения является потребительским экстремизмом [8].

Кармаскалинский районный суд Республики Башкортостан дает, в свою очередь, следующее определение потребительскому экстремизму, рассматривая данное понятие как разновидность злоупотребления правом, умышленные действия потребителя с целью получить незаконную выгоду от реализации прав, которые предусмотрены законодательством о защите прав потребителя [9].

Интересный взгляд на природу понятия потребительского экстремизма представлен Краснофлотским районным судом г. Хабаровска. Так, суд констатирует, что законодательное понятие потребительского экстремизма отсутствует. Кроме того, суд считает, что ограничить это понятие от защиты прав потребителя можно, разделив цели, которые преследуются потребителями в каждом из случаев. Так для защиты прав потребителя характерной целью будет восстановление нарушенного права и компенсация реально понесенных убытков. А для потребительского экстремизма целью обращения в суд является обогащение [10]. Вместе с тем вышеуказанный подход представляется спорным: очевидно, что в ряде случаев, потребитель злоупотребляет своим правом не только исходя из цели личного обогащения, но и по другим противоправным целям (например, мстит субъекту предпринимательской деятельности, занимается сутяжничеством с целью развлечения и т.д.).

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что суды рассматривают потребительский экстремизм как неурегулированное законодательством понятие, имеющее признаки злоупотребления правом со стороны потребителя.

Неоднозначным в научной доктрине представляется также вопрос соотношения потребительского экстремизма и злоупотребления правом. А. С. Шевякова рассматривает потребительский экстремизм как некоторый комплекс действий, обладающих противоправным характером, которые включают в себя:

– действия потребителей, которые совершаются не с целью добросовестной защиты собственных интересов, а с целью нанесения ущерба субъекту предпринимательской деятельности;

– злоупотребление потребителями своей исключительной ролью, которая выражается в существовании целой системы защиты их прав и интересов, на рынке товаров и услуг;

- злонамеренное поведение потребителей;
- преднамеренные, противозаконные действия потребителей, посредством лжи или злоупотребления своими правами и возможностями, с целью обращения имущества предпринимателя в свое личное [11].

Таким образом, вышеуказанный автор считает, что потребительским экстремизмом является как комплекс действий, направленных на злоупотребление правом, так и незаконные действия потребителя. При этом в понимании А. С. Шевяховой потребительский экстремизм не всегда должен преследовать цель неосновательного обогащения потребителя и может быть направлен на достижение иных целей. Данная позиция, по нашему мнению, представляется спорной. Очевидно, противоправные действия потребителя представляют собой состав соответствующих гражданско-правовых и административно-правовых деликтов, в то время как эффективность потребительского экстремизма, очевидно, достигается там, где потребитель реализует реально имеющееся субъективное право с противоправными целями.

3. З. Маздогова, в свою очередь, не дает понятия потребительскому экстремизму, отмечая, что потребительский экстремизм осуществляется под лозунгом «покупатель всегда прав!» [12]. По ее мнению, отличительной особенностью потребительского экстремизма является злоупотребления потребительскими права в корыстных целях.

С точки зрения О. С. Филипповой, понятие «злоупотреблением правом» и понятие «потребительский экстремизм» в контексте гражданско-правовых отношений, связанных с участием потребителя, являются тождественными [13]. Данный подход разделяет и В. В. Подгарцев, определяя потребительский экстремизм как действия недобросовестного потребителя, который манипулирует юридическими нормами в собственных интересах, главная цель которого не защита собственных прав, а получение выгоды и материального дохода.

Признавая тот факт, что потребительский экстремизм всегда связан со злоупотреблением правом, автор также не может согласиться с тем, что потребительский экстремизм осуществляется исключительно в корыстных целях и связан с желанием получить определенную выгоду и доход. В определенных случаях потребительский экстремизм осуществляется прежде всего с целью сутяжничества, личной мести потребителя предпринимателю за действительное либо мнимое нарушение его прав. Таким образом, считаем, что критерий корыстной цели в действиях потребителя, осуществляющего потребительский экстремизм, не является обязательным.

Исходя из вышеизложенного под потребительским экстремизмом, по нашему мнению, следует понимать форму злоупотребления правом со стороны потребителя, а также организации, действующей от имени потребителя (потребителей) в рамках гражданско-правовых отношений между потребителем и предпринимателем, при которой реализация права потребителя (потребителей) осуществляется исключительно либо преимущественно с противоправными целями.

На сегодняшний день действующее правовое регулирование не содержит действенных мер борьбы с потребительским экстремизмом. В соответствии с п. 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ в случае установления факта злоупотребления правом,

суд может отказать лицу в защите его права. Вместе с тем и в этом случае потребитель фактически не несет каких-либо негативных материально-правовых последствий за акт потребительского экстремизма.

Как отмечает З. А. Ахмедова, для борьбы с потребительским экстремизмом можно принять следующие меры:

- отменить сверхкомпенсационный характер штрафа за нарушение прав потребителей для субъекта предпринимательской деятельности, учитывая, что именно данная сверхкомпенсация является предусловием для осуществления потребительского экстремизма;
- создать механизм ответственности потребителей за злоупотребление своим правом [14].

По нашему мнению, отмена сверхкомпенсационного характера штрафа приведет к неоправданному уменьшению возможностей потребителей защищать свои права. Более того, если речь идет о приобретении товаров с небольшой стоимостью, именно штраф выступает единственным механизмом защиты добросовестных потребителей, вследствие чего, мы не можем согласиться с данной мерой.

Создание механизма ответственности потребителей за злоупотребление своим правом также несет определенные риски для добросовестных потребителей, однако, по нашему мнению, такие риски можно существенным образом сократить. В частности, предлагается установить штраф за злоупотребление своими правами в отношении потребителя (организации потребителей), которые второй раз в течение календарного года злоупотребили своими правами, что установлено вступившими в законную силу решениями судов. В случае развития данной концепции также можно предложить прогрессивную шкалу ответственности за акты злоупотребления правами, например, планомерное повышение штрафа за каждый последующий случай такого злоупотребления.

Сильной стороной такого решения будет снижение факторов потребительского экстремизма за счет установления ответственности за такое действие. При этом необходимо понимать, что такое решение само по себе не может полностью преодолеть явление потребительского экстремизма, однако направлено на снижение его распространения.

Таким образом, реализуемой возможностью в данном случае является сокращение вреда от потребительского экстремизма, который наносится субъектам предпринимательской деятельности. При этом определенной угрозой можно считать необоснованное привлечение потребителей к гражданско-правовой ответственности, однако данная угроза нивелируется ограничением такой ответственности, которая наступает только в случае повторного в течение календарного года злоупотребления правом.

Указанная норма позволит, с одной стороны, выявить и привлечь к ответственности системных потребительских экстремистов, а с другой стороны, гарантировать невозможность привлечения к ответственности лиц, добросовестно ошибающихся относительно наличия у них определенных субъективных прав.

Также необходимо отметить тот факт, что в настоящее время ведется разработка законопроекта о потребительском экстремизме в строительной сфере. В данном

случае цель данного законопроекта защитить застройщиков от недобросовестных покупателей недвижимого имущества и так называемых дольщиков, участников правоотношения в сфере долевого строительства недвижимости, которые своими действиями, основываясь на нормах Закона РФ «О защите прав потребителей», хотят взыскать с застройщиков деньги за недостатки или неустойку в ситуациях, в которых застройщик не является виновным. Например, в результате проведенной судебной экспертизы выясняется, что недостатков, указанных в искомом заявлении, попросту не существует и в данном случае истец просто хотел получить некоторую финансовую выгоду с застройщика, пользуясь тем, что он является потребителем, более «слабой стороной» договорных отношений.

К сожалению, на текущий момент данный законопроект затрагивает лишь вопросы, связанные с покупкой недвижимого имущества, что является лишь малой частью тех сфер, в которых существует проблема потребительского экстремизма. Однако разработка данного законопроекта говорит о том, что данная проблема действительно существует и ее пытаются решить, правда на данный момент только в виде проектов закона.

Также потребители часто пользуются некоторым упрощением в вопросе защиты своих законных прав. Одним из примеров, с которыми автор данной работы сталкивается очень часто, является оплата госпошлины за подачу искового заявления. Так, например, в соответствии с ч. 3 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» истцы, чьи требования основываются на нарушенных потребительских правах, не оплачивают государственную пошлину при подаче своего искового заявления, за исключением случаев, когда сумма иска превышает 1 000 000 руб. В данном случае на практике очень часто возникают ситуации «дробления» исков, с целью довести их сумму до значения не превышающих 1 000 000 руб., с целью того, чтобы госпошлину оплачивал именно ответчик, на основании решения суда.

Безусловно, это не означает, что любой потребитель, который желает защитить свои права в суде, является «экстремистом». Однако, к сожалению, именно термин «потребитель» все чаще фигурирует в вопросах, связанных со злоупотреблением правом.

Заключение

Вопросы потребительского экстремизма остаются актуальными в потребительских отношениях. Несмотря на отсутствие законодательного регулирования данного понятия, как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике, это понятие широко используется. При этом отсутствие единого нормативного определения приводит к тому, что под понятием потребительского экстремизма понимаются разные вещи.

Исходя из сути потребительского экстремизма нами было предложено определение данного понятия. При определении понятия потребительского экстремизма особое место занимает соотношение потребительского экстремизма и злоупотребления правом. При этом, данные понятия следует рассматривать как частное и общее, определяя потребительский экстремизм как форму злоупотребления правом. Несмотря на необходимость доктринального определения понятия потребительского экстремизма, существуют обоснованные сомнения в возможности

и необходимости нормативного закрепления данного понятия в связи с его негативно окрашенной эмоциональной коннотацией.

При этом необходимо осторожно подходить к вопросу установления ответственности за потребительский экстремизм в отношении потребителей, учитывая, что данная норма может существенно снизить эффективность законодательства о защите прав потребителей, так как ряд потребителей будут отказываться от защиты своих законных прав под воздействием санкций. Исходя из вышеизложенного в исследовании предложен оригинальный способ борьбы с потребительским экстремизмом, в минимальной мере ограничивающий права добросовестного потребителя.

Пристатейный библиографический список

1. Погарцев В. В. Феномен потребительского экстремизма в России: история возникновения, правовая природа и способы противодействия // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-potrebiteletskogo-ekstremizma-v-rossii-istoriya-vozniknoveniya-pravovaya-priroda-i-sposoby-protivodeystviya> (дата обращения: 05.04.2025).
2. Нилов И. Л. Возникновение потребительского экстремизма // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-potrebiteletskogo-ekstremizma> (дата обращения: 05.04.2025).
3. Мусеева К. Р. Проблемы злоупотребления правом гражданами-потребителями // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zloupotrebleniya-pravom-grazhdanami-potrebityami> (дата обращения: 05.04.2025).
4. Одинцов С. В., Магомедова Р. А. Проблема злоупотребления правом // Евразийское научное объединение. 2020. № 1–2.
5. Бурмистров А. И., Кислицина В. С. Потребительский экстремизм в медицине // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteletskiy-ekstremizm-v-meditsine> (дата обращения: 05.04.2025).
6. Цхурбаева Ф. Х., Кудзаев Б. А., Кудзаева Т. К. Потребительский экстремизм в стоматологической практике // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteletskiy-ekstremizm-v-stomatologicheskoy-praktike> (дата обращения: 05.04.2025).
7. Степанова М. Н. Потребительский экстремизм на страховом рынке: постановка проблемы // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteletskiy-ekstremizm-na-strahovom-rynke-postanovka-problemy> (дата обращения: 05.04.2025).
8. Решение Темрюкского районного суда Краснодарского края от 29 августа 2019 г. по делу № 2-1895/2019 // СудАкт : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/salhFg2mJgVx> (дата обращения: 05.04.2025).
9. Решение Кармаскалинского районного суда Республики Башкортостан от 28 ноября 2019 г. по делу № 2-1250/2019 // СудАкт : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GIITFtxXi1Ju> (дата обращения: 05.04.2025).

10. Решение Краснофлотского районного суда г. Хабаровска от 30 ноября 2017 г. по делу № 2-1815/2017 // СудАкт : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m6CHyAWedcHZ> (дата обращения: 05.04.2025).
11. Шевяхова А.С. Потребительский экстремизм // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteleskiy-ekstremizm> (дата обращения: 05.04.2025).
12. Филиппова О. С. Злоупотребление правом потребителями: понятие и способы // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-potrebiteleyami-ponyatie-i-sposoby> (дата обращения: 05.04.2025).
13. Маздогова З. З., Балаева С. И. Экстремизм в сфере потребления как фактор влияния на экономическую безопасность торговой сферы // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-sfere-potrebleniya-kak-faktor-vliyaniya-na-ekonomiceskuyu-bezopasnost-torgovoy-sfery> (дата обращения: 05.04.2025).
14. Ахмедова З.А., Тажудинова К.А. Потребительский экстремизм в современной России // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteleskiy-ekstremizm-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 05.04.2025).

References

1. Pogartsev V. V. The Phenomenon of Consumer Extremism in Russia: History of Emergence, Legal Nature and Counteraction Methods. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-potrebiteleskogo-ekstremizma-v-rossii-istoriya-vozniknoveniya-pravovaya-priroda-i-sposoby-protivodeystviya> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)
2. Nilov I. L. Emergence of Consumer Extremism. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-potrebiteleskogo-ekstremizma> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)
3. Moiseeva K. R. Problems of Abuse of Rights by Consumer Citizens. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zloupotrebleniya-pravom-grazhdanami-potrebiteleyami> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)
4. Odintsov S. V., Magomedova R. A. The Problem of Abuse of Rights. *Eurasian Scientific Association*, 2020, no. 1–2. (In Russ.)
5. Burmistrov A. I., Kislitsina V. S. Consumer Extremism in Medicine. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteleskiy-ekstremizm-v-meditsine> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)
6. Tskhurbaeva F. Kh., Kudzaev B. A., Kudzaeva T. K. Consumer Extremism in Dental Practice. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteleskiy-ekstremizm-v-stomatologicheskoy-praktike> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)
7. Stepanova M. N. Consumer Extremism in the Insurance Market: Problem Statement. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebiteleskiy-ekstremizm-na-strahovom-rynke-postanovka-problemy> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)
8. Decision of the Temryuk District Court of Krasnodar Krai of August 29, 2019 in Case No. 2-1895/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/salhFg2mJgVx> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

9. Decision of the Karmaskalinsky District Court of the Republic of Bashkortostan of November 28, 2019 in Case No. 2-1250/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GIITFtxXi1Ju> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

10. Decision of the Krasnolotovsky District Court of Khabarovsk of November 30, 2017 in Case No. 2-1815/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m6CHyAWedcHZ> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

11. *Sheviakhova A. S.* Consumer Extremism. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebitelskiy-ekstremizm> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

12. *Filippova O. S.* Abuse of Rights by Consumers: Concept and Methods. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-potrebityami-ponyatie-i-sposoby> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

13. *Mazdogova Z.Z., Balaeva S.I.* Consumer Extremism as a Factor Affecting Economic Security in the Trade Sector. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-sfere-potrebleniya-kak-faktor-vliyaniya-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-torgovoy-sfery> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

14. *Akhmedova Z. A., Tazhudinova K. A.* Consumer Extremism in Modern Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebitelskiy-ekstremizm-v-sovremennoy-rossii> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. В. Воронов – аспирант, юрисконсульт.

Information about the author:

A. V. Voronov – Postgraduate Student, Legal Adviser.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 08.04.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 347.45/.47

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-143-150>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КАПИТАЛЬНОГО ГРАНТА В КОНЦЕССИОННОМ СОГЛАШЕНИИ

Вадим Александрович Катышевцев

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ylai1980_81@mail.ru

Аннотация

Представленная работа посвящена формализации межотраслевых и доктринальных представлений о капитальном гранте как форме финансового участия концедента. Основными используемыми методами являются формально-юридический и сравнительно-правовой. Обзор актуальных положений судебной практики, действующих нормативных правовых актов, а также сопоставление их с ранее действовавшим правовым регулированием обусловили вывод о чрезмерном применении инструментов бюджетного обеспечения концессионной деятельности. Кроме того, автор отмечает, что использование средств бюджета как формы встречного гражданско-правового предоставления для обеспечения минимального уровня дохода концессионера является коррупциогенным риском.

Ключевые слова: бюджетная инвестиция; встречное предоставление; капитальный грант; концессионное соглашение.

Для цитирования: Катышевцев В. А. Актуальные вопросы теории и практики капитального гранта в концессионном соглашении // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 143–150. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-143-150>

Research Article

CURRENT ISSUES OF THEORY AND PRACTICE OF CAPITAL GRANT IN THE CONCESSION AGREEMENT

Vadim A. Katyshevts

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaya St., Moscow,
117638, Russia
ylai1980_81@mail.ru

Abstract

The presented work is devoted to the formalization of intersectoral and doctrinal ideas about the capital grant as a form of financial participation of the concession. The main methods used are formal legal and comparative legal. A review of current provisions of judicial practice, current regulatory legal acts, and a comparison of their provisions with previously existing legal regulations led to the conclusion that budgetary instruments for concessionary activities were overused. In addition, the author noted that the use of budget funds as a form of counter-civil provision to ensure a minimum level of income for the concessionaire is a corruption risk.

Keywords: budget investment; counter-provision; capital grant; concession agreement.

For citation: Katyshevts V. A. Current Issues of Theory and Practice of Capital Grant in the Concession Agreement. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 143–150. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-143-150>

Введение

Любая форма публично-частного партнерства имманентно связана с использованием бюджетных средств на различных этапах реализации инвестиционного проекта. Соотношение частно- и публично-правовых категорий «исполнение договора», «встречное предоставление», «публичные обязательства» (в смысле, придаваемом Бюджетным кодексом РФ), «бюджетная субсидия» и категорий законодательства о концессионных соглашениях «капитальный грант», «плата концедента» имеют теоретическое значение для развития и определения пределов финансового права и гражданского права, в том числе учитывая эффект «размытия границ» между институтами, правовое регулирование которых имеет известные изъятия из общих принципов организации «чистых» отраслевых правоотношений [1, с. 199].

Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [2] (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ) в редакции Федерального закона от

10 июля 2023 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон № 296-ФЗ) содержит три формы финансового участия концедента (ст. 10.1 Федерального закона № 115-ФЗ): 1) капитальный грант; 2) плата концедента; 3) возмещение недополученных концессионером доходов от использования (эксплуатации) объекта концессионного соглашения в целях обеспечения минимального гарантированного дохода концессионера от использования (эксплуатации) объекта концессионного соглашения.

1. Правовая сущность капитального гранта

Капитальным грантом признается финансирование на этапе создания и (или) реконструкции объекта концессионного соглашения части расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения. Категория «капитальный грант», несмотря на отсутствие законодательно закрепленного универсального для каждого объекта концессионного соглашения содержания, являлась общеупотребимой до вступления в силу поправок, закрепленных Федеральным законом № 296-ФЗ. В частности, судебная практика, базирующаяся на положениях концессионных соглашений, в связи с которыми возник рассматриваемый спор, подтверждает «догоняющий» характер положений Федерального закона № 296-ФЗ, описывающих уже сложившуюся практику (например, решения Арбитражного суда Республики Башкортостан от 12 октября 2021 г. по делу № А07-26327/2020, Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 2 июля 2021 г. по делу № А75-984/2021).

С позиции бюджетного права капитальный грант является субсидией (п. 6 ст. 78 Бюджетного кодекса РФ [4]). Более того, принимая во внимание сущность концессионных отношений, следуя которым объект концессионного соглашения находится либо поступит в публичную собственность при реализации концессионного соглашения, признаки капитального гранта позволяют атрибутировать его в качестве бюджетной инвестиции.

Стоит обозначить, что проблема соотношения категорий «бюджетные инвестиции» и «капитальные вложения в объекты государственной (муниципальной) собственности» ранее уже была поднята в отечественной доктрине. Т. Р. Евдокимова, исходя из положений Бюджетного кодекса РФ, указывает на поглощение содержанием категории «имущество» содержания категории «собственность» [5, с. 1177]. Однако допустимость соотношения рассматриваемых категорий вызывает оправданные сомнения. Имущество как совокупность вещей и имущественных прав не имеет общего основания с экономической категорией «собственность», позволяющего произвести их сопоставление.

Размер капитального гранта не может превышать 80% расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения (п. 1 ч. 1 ст. 10.1 Федерального закона № 115-ФЗ). До изменений 2023 г. ч. 13 ст. 3 Федерального закона № 115-ФЗ содержала следующую более абстрактную формулировку: «Концедент вправе принимать на себя часть расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения, использование (эксплуатацию) объекта концессионного соглашения...». Юридико-техническая витиеватость при указании на пре-

делы использования бюджета обусловила следующий вывод Арбитражного суда г. Москвы: «Расходы концессионера, не покрытые капитальным грантом, возмещаются ему концедентом в составе входящего в плату концедента инвестиционного платежа... Следовательно, все расходы на создание (реконструкцию) и эксплуатацию объекта концессионного соглашения будет нести бюджет субъекта Российской Федерации, что прямо противоречит части 13 статьи 3 Закона о концессиях. При таком варианте финансирования строительства объекта концессионного соглашения фактически стирается грань между концессионным соглашением и государственным контрактом... Следовательно, в случаях заключения концессионных соглашений, при которых концедент в полном объеме оплачивает затраты на строительство и (или) реконструкцию, эксплуатацию объекта концессионного соглашения, должна осуществляться закупка в соответствии с законодательством о контрактной системе» (решение Арбитражного суда г. Москвы от 8 июня 2017 г. по делу № А40-23141/2017 (отменено постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2017 г. № 09АП-34801/2017)). Безусловно, в соответствии с утратившей силу редакцией Федерального закона № 115-ФЗ концеденту не запрещено производить в пользу концессионера выплаты в размере, равном расходам на создание объекта концессионного соглашения. Однако при этом должны использоваться разные инструменты финансирования (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2017 г. № 09АП-34801/2017).

Действующее концессионное законодательство не допускает бюджетное обеспечение концессионной деятельности в полном объеме. Согласно ч. 2 ст. 10.1 Федерального закона № 115-ФЗ предельный размер финансового участия концедента должен быть меньше общего размера расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения, а также на использование (эксплуатацию) объекта концессионного соглашения и иного передаваемого концедентом концессионеру по концессионному соглашению имущества. Тем не менее приведенная формулировка при использовании частноправового диспозитивного толкования, следование гражданско-правовому принципу «разрешено все, что не запрещено» позволяет допустить возможность установления платы концедента и иных форм финансового участия концедента, которые обеспечивают совокупное практически полное покрытие расходов концессионера, соответствующее законно установленному ограничению.

2. Проблема диспропорции частных и бюджетных инвестиций

Проблема отечественного концессионного законодательства кроется не в чрезмерно располагающем правовом и финансовом положении концессионера. Ключевые вопросы состоят в следующем: 1) Какие издержки несет бюджет? 2) При возможном практически полном бюджетном обеспечении расходов концессионера как соотносится концессионное соглашение и государственная (муниципальная) закупка? 3) Стимулируется ли эффективность реализации концессионного соглашения при применении гарантии минимального дохода концессионера?

Одновременно с этим возникает неоднозначное восприятие концептуального подхода отечественного законодателя по поводу исключительно гражданско-пра-

вой природы концессионного соглашения. В условиях догматичности правового равенства субъектов гражданского права обозначенная открытость просторов бюджетного финансирования для концессионера (в пределах положений концессионного соглашения) может быть обусловлена лишь аномальным публично-правовым значением концессионной деятельности и концессионера.

Диспропорцию в правовом статусе сторон концессионного соглашения признают некоторые исследователи, однако, в иной парадигме. Т. Ш. Кулиев указывает: «...как правило, концессионные соглашения заключаются на длительный срок и при заключении данного соглашения концессионер по сравнению с концедентом является слабой стороной. Более того, концессионер не может никак повлиять на издание нормативного правового акта о предоставлении ему субсидий в целях компенсации его убытков в силу того, что не является участником бюджетного процесса. Концессионер при заключении концессионного соглашения может только убедиться о наличии нормативного акта о предоставлении субсидии только на текущий финансовый год, а предоставление субсидий в последующие годы остается на усмотрение концедента» [6, с. 98]. Данные заключения представляются неактуальными на момент их опубликования и не отвечающими критерию точности в связи с положениями Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 181-ФЗ «О внесении изменений в статьи 78 и 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в части предоставления грантов» [7], Правил принятия решений о заключении от имени Российской Федерации государственных контрактов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения федеральных нужд, соглашений о государственно-частном партнерстве и концессионных соглашений на срок, превышающий срок действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств, утв. постановлением Правительства РФ от 26 ноября 2013 г. № 1071. Вышеуказанный действующий нормативный правовой акт необходимо рассматривать в совокупности с постановлением Правительства РФ от 25 октября 2023 г. № 1782. Уровень бюджета определяет правовой акт соответствующего публично-правового образования, который позволит предоставить бюджетные субсидии концессионному проекту с сроком действия за пределами срока бюджетного планирования – три года. В данном случае краткосрочность действия лимитов бюджетных обязательств курируется включением в решение публично-правового образования о заключении концессионного соглашения предельного объема средств на исполнение обязательств концедентом, с разбивкой по годам.

Заключение

Стремление законодателя к гармонизации договорных и бюджетно-правовых отношений, которые обусловлены концессионным партнерством, имеет положительный эффект, в частности, на этапе исполнения концессионного соглашения. Унификация содержания нормативных правовых актов субъектов России и правовых актов муниципальных образований способствует единобразию бюджетной политики и практики применения концессионного законодательства.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие теоретические и практико-ориентированные выводы.

1. Систематизированный широкий инструментарий бюджетного обеспечения концессии выделяет данное соглашение из ряда других гражданско-правовых договоров.

Конечно, создание и (или) реконструкция объектов коммунальной, образовательной, транспортной и иной инфраструктуры имеет важное социальное значение для их собственника, в том числе будущего собственника – публично-правового образования.

Особое положение субъекта гражданского права в рамках гражданско-правовых имущественных отношений может дестимулировать концессионера к оптимальному осуществлению предпринимательской деятельности, поскольку минимальный уровень дохода концессионера гарантирован бюджетом, что в свою очередь является коррупционным риском.

Тем не менее копирование всех экономических рисков частного партнера и всеми возможными способами бюджетного финансирования представляется требующим пересмотра ввиду обеспечения экономической конкуренции и правового равенства субъектов гражданского права, учитывая необходимость обеспечения баланса публичных и частных интересов.

2. Пределы финансового участия концедента, доведенные практически до объемов общего размера расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения, а также на использование (эксплуатацию) объекта концессионного соглашения и иного передаваемого концедентом концессионеру имущества, представляются чрезмерно широкими. Это связано с тем, что стирается грань между концессией и закупкой для государственных (муниципальных) нужд, а возмещение недополученных концессионером доходов и вовсе может снижать заинтересованность концессионера в повышении эффективности концессионной деятельности.

В этой связи решение названной проблемы кроется во внесении изменений в ч. 2 ст. 10.1 Федерального закона № 115-ФЗ, уполномочивающих Правительство РФ издать нормативный акт, регулирующий предельные размеры совокупного объема финансового участия концедента, либо порядок расчета предельного размера финансового участия концедента.

Предложенное решение станет действенным механизмом сдерживания сложившейся дискреции должностных лиц публично-правовых образований в части определения совокупного финансового участия концедента при заключении и исполнении концессионных соглашений.

Пристатейный библиографический список

1. Матюнин М. Ф. Дискуссионные вопросы критериев дифференциации отраслей законодательства и предмета их регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 3.

2. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «О концессионных соглашениях» // С3 РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

3. Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5314.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

5. Евдокимова Т. Р. Субсидии юридическим лицам и бюджетные инвестиции: понятия, особенности их предоставления в Российской Федерации // Форум молодых ученых. 2019. № 1-1 (29).

6. Кулиев Т. Ш. Субсидии как инструмент стимулирования концессионера // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика : сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции / редкол.: А. К. Халифаева, Д. П. Геворкьян. Махачкала, 2016.

7. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 181-ФЗ (с изм. на 18 июля 2017 г.) «О внесении изменений в статьи 78 и 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в части предоставления грантов» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3473.

References

1. Matiunin M. F. Controversial Issues of Criteria for Differentiating Branches of Legislation and the Subject of Their Regulation. *Current Issues in Economics and Law*, 2012, no. 3. (In Russ.)
2. Federal Law of July 21, 2005 No. 115-FZ (as amended on August 4, 2023) "On Concession Agreements". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2005, no. 30 (part II), art. 3126. (In Russ.)
3. Federal Law of July 10, 2023 No. 296-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 29, art. 5314. (In Russ.)
4. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ (as amended on February 26, 2024). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 31, art. 3823. (In Russ.)
5. Evdokimova T. R. Subsidies to Legal Entities and Budget Investments: Concepts and Peculiarities of Their Provision in the Russian Federation. *Young Scientists' Forum*, 2019, no. 1-1 (29). (In Russ.)
6. Kuliev T. Sh. Subsidies as a Tool for Incentives for the Concessionaire. In Khalifaeva A. K., Gevorkian D. P. (eds.). Actual Problems of Legal Science: Theory and Practice: Collection of Materials from the XVII International Scientific and Practical Conference. Makhachkala, 2016. (In Russ.)
7. Federal Law of July 2, 2013 No. 181-FZ (as amended on July 18, 2017) "On Amendments to Articles 78 and 78.1 of the Budget Code of the Russian Federation Regarding the Provision of Grants". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 27, art. 3473. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. А. Катышевцев – аспирант.

Information about the author:

V. A. Katyshevtssev – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 17.04.2025; approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-151-160>

УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ, И ЕГО ВОЗМЕЩЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Сергей Сергеевич Шишкин

Ижевский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 426006, Россия,
г. Ижевск, Заречное шоссе, д. 23

ShishkinSergey@mail.ru

Аннотация

Преступные посягательства на юридических лиц причиняют им значительный материальный ущерб, что подтверждается статистическими данными. Цель статьи – разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регламентации возмещения ущерба юридическому лицу при производстве по уголовному делу. Применялись общенаучные методы (теоретический и практический анализ), а также обобщение научных данных. Предлагаются конкретные рекомендации законодателю в части регламентации процесса возмещения ущерба.

Ключевые слова: юридическое лицо; предприятие; учреждение; организация; уголовный процесс; ущерб; вред; материальный вред; вред деловой репутации; возмещение ущерба; потерпевший; гражданский истец; судебно-следственные органы; практика.

Для цитирования: Шишкин С. С. Ущерб, причиненный преступлением юридическому лицу, и его возмещение в уголовном судопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 151-160. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-151-160>

Research Article

DAMAGE CAUSED BY A CRIME TO A LEGAL ENTITY AND ITS COMPENSATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey S. Shishkin

Izhevsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,

23 Zarechnoye Hwy., 426006, Russia

ShishkinSergey@mail.ru

Abstract

Criminal attacks on legal entities cause significant material damage, as evidenced by statistical data. The purpose of this article is to develop proposals for improving the criminal procedure legislation in terms of regulating the compensation of damage to a legal entity during the criminal proceedings. General scientific methods (theoretical and practical analysis) were used, as well as the generalization of scientific data. The article provides specific recommendations for the legislator to improve the process of compensating damage.

Keywords: legal entity; enterprise; institution; organization; criminal proceedings; damage; harm; material damage; damage to business reputation; compensation for damage; victim; civil claimant; judicial and investigative bodies; practice.

For citation: Shishkin S. S. Damage Caused by a Crime to a Legal Entity and its Compensation in Criminal Proceedings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 151–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-151-160>

Введение

Проблема возмещения ущерба, причиненного преступлением, и сегодня остается не разрешенной до конца. В частности, среди ученых нет однозначной позиции об отраслевой принадлежности института возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Понятие «материальный ущерб» уголовно-процессуальный законодатель использует лишь единожды. Так, в п. 3 ч. 1 ст. 389.26 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) указано, что при изменении приговора и иного судебного решения в апелляционном порядке суд вправе уменьшить либо увеличить размер возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда. Понятие же «ущерб» используется как в названиях статей УПК РФ, так и по тек-

ту статей УПК РФ всего 20 раз. Также уголовно-процессуальный законодатель использует понятие «вред».

В связи с тем, что законодатель наряду с термином «материальный ущерб» употребляет термин «имущественный вред», а применительно к юридическому лицу, еще и «вред деловой репутации», то возникает вопрос о соотношении между ними, на что будет обращено внимание ниже. Проанализировав положения УПК РФ, можно прийти к выводу о том, что отсутствует четкая система в использовании указанных понятий. При указанных обстоятельствах отсутствует однозначное понимание и использование их в практической деятельности.

Особо остро стоит проблема возмещения материального ущерба преступлением юридическому лицу. Юридическое лицо в уголовном судопроизводстве является сложной конструкцией, внимание которой уделяли профессора Н. Г. Муратова [1], А. И. Бастрыкин [2, с. 6–10; 3, с. 6–12; 4], В. А. Азаров [5], А. П. Гуськова [6, с. 146], З. З. Зинатуллин [7], в том числе рассматривая вопросы возмещения материального ущерба.

О значительных суммах ущерба юридическим лицам различных организационно-правовых форм свидетельствуют данные, размещенные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ [8]. Например, за 12 месяцев 2024 г. сумма ущерба государственным юридическим лицам составляет 20 076 308 438 руб., муниципальным юридическим лицам – 2 050 478 122 руб., общественным организациям (объединениям) – 2 150 338 150 руб., частным юридическим лицам – 10 570 602 193 руб. Сумма ущерба юридическому лицу от преступления из года в год не уменьшается.

Изложенное свидетельствует об актуальности темы исследования.

1. Причинение преступлением ущерба (вреда) юридическому лицу

УПК РФ использует термины «вред», «ущерб», «возмещение имущественного вреда», «возмещение ущерба», «возмещение материального ущерба», однако не раскрывает их, не дает определений. Это приводит к неоднозначному пониманию указанных терминов с точки зрения как теории, так и практики.

Верховному Суду РФ регулярно приходится сталкиваться с интересующей нас терминологией [9; 10]. Например, в ряде случаев, рассматривая иски о возмещении материального ущерба, Верховный Суд РФ использует понятие «вред» и формулирует правовую позицию относительно вреда, а не ущерба, что не может не вызывать интереса к исследуемой проблеме.

В литературе встречаются разные суждения на сей счет. При этом надо обратить внимание на то, что термины «вред» и «ущерб» используются не только в уголовно-процессуальном праве, но и в уголовном праве (п. «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ч. 1 ст. 91, ст. 104.3 и другие статьи Уголовного кодекса РФ), в гражданском праве (п. 6 ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 10, ст. 151 и другие статьи Гражданского кодекса РФ), в трудовом праве (ст. 21, 22 и другие статьи Трудового кодекса РФ), в административном праве (п. 2 ч. 1 ст. 4.2, ч. 1 ст. 4.7 и другие статьи Кодекса РФ об административных правонарушениях) и т.д. Отсюда споры и суждения специалистов различных отраслей права, с высказыванием различных позиций.

Обратим внимание на уголовно-процессуальный аспект проблемы. Одно из назначений УПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 6) – это защита прав и законных интересов организаций (здесь законодатель не использует термин «юридическое лицо»), потерпевших от преступлений. Положения и правила возмещения ущерба, а также имущественного вреда юридическому лицу, как реализация указанного назначения, закреплены, в частности в ч. 3 ст. 42, ст. 44 УПК РФ (в этих статьях законодатель использует термин «юридическое лицо»).

По нашему мнению, не стоит забывать о том, что в рамках уголовного судопроизводства у потерпевшего есть право на возмещение причиненного ущерба, как морального, так и материального и физического. Но применительно к юридическому лицу такой ущерб может быть причинен как материальный, так и вред деловой репутации, т.е. моральный и физический вред исключены.

В УПК РФ нет четкого закрепления видов вреда, но анализ положений ст. 42 дает нам основание утверждать о том, что преступлением может быть причинен физический, имущественный, моральный вред, а также вред деловой репутации.

В литературе можно встретить мнение о том, что понятие «ущерб» применительно к имущественному вреду является его составной частью и предполагает некие имущественные потери [11]. Однако с таким утверждением нельзя согласиться, так как вред может быть не только имущественный, но и физический, моральный, а также вред деловой репутации. И соответственно, ущерб может быть от любого из указанных видов вреда. В связи с этим можно согласиться с мнением О. В. Волынской, которая считает, что ущерб и вред – хотя понятия и близкие, но не тождественные [12].

В советское время профессором В. З. Лукашевичем была высказана позиция о том, что «имущественный вред» является необходимым условием для признания потерпевшим от преступления; «материальный ущерб» является необходимым условием для признания гражданским истцом в уголовном деле. И как следствие, по мнению ученого, указанные термины в уголовном деле являются тождественными понятиями [13]. По мнению профессора, и в том и в другом случае подразумевается имущественный ущерб, который может быть выражен в стоимостном (денежном) выражении и причинен преступлением.

На наш взгляд, авторы, которые отождествляют термины «имущественный вред» и «материальный ущерб», не принимают во внимание конструкцию юридического лица. Юридическое лицо материальные лишения испытывает не только при причинении имущественного вреда преступлением, но и ущерб деловой репутации юридического лица порой влечет за собой такие же лишения в виде денежных расходов на восстановление репутации (доброго имени), опровержение недостоверных и порочащих сведений о хозяйствующем субъекте и т.д.

Р. М. Дочия считает, что под ущербом следует понимать материальный ущерб, т.е. имущественный ущерб и физический вред. Далее автор замечает, что устранение материальных вредных последствий преступления охватывается понятием «возмещение причиненного ущерба» [14]. Но в данном случае автор не учитывает особенности юридического лица, которому физический вред никак не может быть причинен. Юридическое лицо может испытать имущественный ущерб и вред

деловой репутации, как об этом сказано в ст. 42 УПК РФ. В таком случае можно согласиться с тем, что применительно к юридическому лицу материальный ущерб – это и имущественный вред, и вред деловой репутации.

В целом в рассмотренном нами вопросе мы согласны с профессором З. Зинатуллиным, который считает, что понятие материального ущерба шире понятия имущественного вреда [7].

2. Реализация права юридического лица на возмещение ущерба в рамках уголовного судопроизводства как деятельность, направленная на восстановление существовавшего до преступления объема материальных благ

Законодатель предусматривает возмещение в уголовном судопроизводстве ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации (ч. 2 ст. 28.1 УПК РФ). Более того, в УПК РФ есть ст. 135, именуемая «Возмещение имущественного вреда», которая помещена в гл. 18 (реабилитация) и посвящена вреду, причиненному физическому лицу в результате уголовного преследования. Статья 139 УПК РФ, хоть и называется «Возмещение вреда юридическим лицам», фактически посвящена возмещению вреда, причиненного государственными органами. Однако иных статей, в частности регламентирующих вопросы возмещения материального ущерба в уголовном судопроизводстве, в частности при реализации потерпевшим юридическим лицом своих прав, УПК РФ не содержит.

Что собой представляет возмещение причиненного преступлением материального ущерба и как же юридическому лицу реализовать право на возмещение ущерба в уголовном процессе?

С этимологической точки зрения возмещать материальный ущерб – значит предпринимать какие-то конкретные действия, направленные на восстановление материального положения потерпевшего юридического лица. По мнению Л. М. Володиной, потерпевший ожидает со стороны государства обеспечения справедливости, поэтому первоочередное значение должен иметь вопрос восстановления его прав и законных интересов, поскольку именно государственные органы не смогли защитить потерпевшего от преступного посягательства [15]. Это утверждение является верным, так как судебно-следственные органы должны предпринять все возможное, дабы пресечь преступление и восстановить справедливость.

По мнению профессора З. Зинатуллина, возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, можно определить как официальную деятельность уполномоченных на то должностных лиц и органов, направленную на восстановление существовавшего до преступления объема материальных благ потерпевшего [7]. Но к этому стоит лишь добавить, что это деятельность не только государственных органов, но и деятельность самого юридического лица, потерпевшего от преступления. Юридическое лицо здесь принимает активное участие, если, конечно, оно реализует предоставленные ему процессуальные права.

Вообще, если говорить о деятельности государственных органов, то такие действия могут быть как процессуальными, так и носящими оперативно-разыскной и исполнительно-распорядительный характер.

Процессуальные действия по общему правилу могут производиться в любой стадии уголовного процесса. В стадии возбуждения уголовного дела таковыми являются: принятие сообщения от юридического лица о совершенном преступлении, в котором могут содержаться сведения о причиненном материальном ущербе и просьба о его возмещении; сбор материалов, носящих проверочный характер в целях выяснения наличия оснований для возбуждения уголовного дела; вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. Все следственные действия, проводимые в стадии предварительного расследования, могут иметь непосредственное отношение и к возмещению материального ущерба. В стадии исполнения приговора компетентные органы и лица предпринимают действия, направленные на фактическое исполнение вступившего в законную силу судебного приговора в части возмещения ущерба. Все процессуальные действия проводятся специально уполномоченными на то органами и лицами при активном участии юридических лиц, потерпевших от преступления, юридических лиц, гражданских истцов, и иных лиц, непосредственно заинтересованных в решении вопросов, связанных с возмещением причиненного преступлением юридическому лицу материального ущерба.

Оперативно-разыскные действия проводятся большей частью в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Они представляют собой основанную на законе систему мероприятий, связанных с использованием специальных тактических и технических методов и средств с целью предупреждения, раскрытия преступления и розыска лиц, его совершивших. Эти меры имеют своим назначением выявление ответчиков, похищенного и иного имущества и ценностей, могущих служить средством возмещения причиненного преступлением юридическому лицу материального ущерба.

Исполнительно-распорядительные действия представляют собой мероприятия, непосредственно направленные на практическое осуществление принятых судебно-следственными органами решений по взысканию материального ущерба. ФССП России принимает меры по реализации имущества, являющегося источником возмещения ущерба, и вырученную сумму передает юридическому лицу – взыскателю.

Обратим внимание на способы возмещения материального ущерба в рамках уголовного судопроизводства: 1) гражданский иск в уголовном процессе; 2) возложение судом обязанности загладить причиненный вред (заметим, что в УПК РФ названный способ возмещения ущерба не закреплен – он закреплен в Уголовном кодексе РФ); 3) фактическое возвращение похищенного имущества его владельцу; 4) добровольное возмещение материального (морального) вреда или иным образом заглаживание вреда преступником либо его родственниками (часто применяется на практике, тогда как в законе не определено). Анализ изученных практических материалов показал, что исковая форма возмещения причиненного преступлением юридическому лицу ущерба является наиболее распространенной.

Юридическое лицо в рамках уголовного дела наделяется широким кругом прав и обязанностей, осуществление которых предполагает совершение соответствующих процессуальных действий. Одним из важных прав является право на подачу

гражданского иска. Если бы подача искового заявления означала лишь одноактное действие, т.е. предъявление его, то ни о каких процессуальных правах и обязанностях представителя гражданского истца в тех или иных стадиях уголовного процесса невозможно было бы говорить. Представитель юридического лица, выступающего в качестве гражданского истца, не только требует от обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за действия последнего, возмещения материального ущерба, но и принимает активное участие в раскрытии самого преступного деяния. При этом он имеет права, которым корреспондируют соответствующие обязанности не обвиняемого или лица, несущего материальную ответственность за его действия, а лиц, ведущих уголовный процесс. Так, представитель юридического лица, выступающего в качестве гражданского истца, вправе заявить ряд ходатайств, рассмотреть и разрешить которые обязаны правоохранительные и судебные органы.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в УПК РФ должно быть регламентировано участие юридического лица, должны быть даны ответы на вопросы об ущербе юридического лица, о его возмещении в уголовном судопроизводстве, о способах возмещения юридическому лицу вреда.

Сказанное дает нам основание утверждать о том, что необходимо внести изменения в ст. 42 УПК РФ, дополнив ее п. 1.1 и изложив его в следующей редакции: «Под ущербом юридическому лицу следует понимать не только имущественный вред, который может быть возмещен в натуре либо в денежной форме, но и неимущественный вред (вред деловой репутации)».

Организации, в отличие от физических лиц, не могут претендовать на возмещение им морального вреда при распространении сведений, порочащих их деловую репутацию. Однако это не исключает возможности требовать возмещения ущерба, причиненного такими действиями, в частности, в денежной форме. Тем более что в бухгалтерском учете юридического лица подлежит отражению как положительная, так и отрицательная деловая репутация организации, и именно в денежном выражении [16].

При указанных обстоятельствах в п. 1.1 ст. 42 УПК РФ необходимо включить следующие положения: «Деловая репутация юридического лица в уголовном процессе – это нематериальное благо, подлежащее отражению в бухгалтерском учете, представляющее собой оценку обществом качеств, достоинств, недостатков данного юридического лица, вследствие совершенного в отношении него преступления, которое отражается на достижении целей, для которых данное юридическое лицо было создано».

Считаем вполне оправданным в ст. 44 УПК РФ включить п. 1.1, где закрепить определение следующей правовой конструкции: «Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, – это официальная деятельность уполномоченных на то должностных лиц, органов, а также гражданского истца (потерпевшего), их представителей, направленная на восстановление существовавшего до преступления объема материальных благ гражданского истца (потерпевшего)».

Пристатейныи библиографический список

1. *Муратова Н. Г.* Проблемы защиты прав юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 3.
2. *Бастрыкин А. И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Российская газета. 2011. 22 мар.
3. *Бастрыкин А. И.* Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. 2017. № 24.
4. *Бастрыкин А. И.* Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1.
5. *Азаров В. А., Абдрахманов М. Х., Сафаралеев М. Р.* Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика : монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010.
6. *Гуськова А. П., Муратова Н. Г.* Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография. М.: ИГ «Юрист», 2005.
7. *Зинатуллин З. З.* Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1974.
8. Отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз за 2024 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 25.03.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
10. Определение Верховного Суда РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19 // СПС «КонсультантПлюс».
11. *Дегтярева Н. С.* Понятие ущерба, его отличия от вреда и убытков. Виды ущерба и порядок возмещения // СПС «КонсультантПлюс». 2025.
12. *Волынская О. В.* Возмещение ущерба и заглаживание вреда, причиненного преступлением, как условия прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Российский следователь. 2006. № 8.
13. *Лукашевич В. З.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 г. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1962.
14. *Дочия Р. М.* Современные проблемы института прекращения уголовного дела (уголовного преследования): теоретические, правовые и прикладные вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003.
15. *Володина Л. М.* Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42).

16. Приказ Минфина России от 29 июля 1998 г. № 34н (ред. от 11 апреля 2018 г.) «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 27 августа 1998 г. № 1598) // Российская газета («Ведомственное приложение»). 1998. 31 окт. № 208.

References

1. *Muratova N. G. Problems of Protecting the Rights of Legal Entities in Criminal Proceedings. Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2008, no. 3. (In Russ.)
2. *Bastrykin A. I. On Introducing Criminal Liability of Legal Entities in Russia. Rossiiskaia Gazeta*, March 22, 2011. (In Russ.)
3. *Bastrykin A. I. Legal Problems of Fighting Corruption. Russian Investigator*, 2017, no. 24. (In Russ.)
4. *Bastrykin A. I. Criminal Liability of Legal Entities as a Measure to Combat Corruption. Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2014, no. 1. (In Russ.)
5. *Azarov V. A., Abdurakhmanov M. Kh., Safaraleev M. R. Legal Entities in Criminal Procedure in Russia: Theoretical Foundations, Legislation and Practice: Monograph*. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2010. (In Russ.)
6. *Guskova A. P., Muratova N. G. Judicial Law: History and Modernity of the Judicial Authority in Criminal Proceedings: Monograph*. Moscow: Iurist, 2005. (In Russ.)
7. *Zinatlullin Z. Z. Compensation for Material Damages in Criminal Proceedings*. Kazan: Kazan University Publishing House, 1974. (In Russ.)
8. Report on the Amounts of Damages from Crimes, the Amounts of Material Penalties to the State, the Number of Orders on Payment of Procedural Costs from the Federal Budget and the Appointment of Expertise for 2024. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (date of the application: 25.03.2025). (In Russ.)
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 19 (as amended on November 29, 2016) "On the Application by Courts of Legislation Governing the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2013, no. 8. (In Russ.)
10. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 2015 No. 81-KG14-19 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. *Degtiareva N. S. The Concept of Damage and Its Differences from Harm and Losses. Types of Damage and Compensation Procedure (SPS "ConsultantPlus" 2005)*. (In Russ.)
12. *Volynskaya O. V. Compensation for Damage and Reparation of Harm Caused by a Crime as Conditions for Terminating a Criminal Case (Criminal Prosecution)*. *Russian Investigator*, 2006, no. 8. (In Russ.)
13. *Lukashevich V. Z. Commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960*. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1962. (In Russ.)
14. *Dochia R. M. Current Problems of the Institute of Termination of Criminal Cases (Criminal Prosecution): Theoretical, Legal, and Applied Issues: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences*. Omsk, 2003. (In Russ.)

15. Volodina L. M. Purpose and Principles of Criminal Procedure – the Basis of the Moral Principles of Criminal Procedural Activity. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 2 (42). (In Russ.)

16. Order of the Ministry of Finance of Russia of July 29, 1998 No. 34n (as amended on April 11, 2018) "On Approval of the Regulation on Accounting and Financial Reporting in the Russian Federation" (registered in the Ministry of Justice of Russia on August 27, 1998 No. 1598). *Rossiiskaia Gazeta ("Departmental Supplement")*, October 31, 1998, no. 208. (In Russ.)

Сведения об авторе:

С. С. Шишкин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

S. S. Shishkin – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 28.04.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Оказание бесплатной юридической помощи
и правовое просвещение населения. Юридическое образование.
Рекомендации практикующих юристов

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-161-172>

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Игорь Владиславович Войтов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

vig2000@mail.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в активном применении искусственного интеллекта в образовательных организациях высшего образования. Цель работы – выявить направления развития образовательного законодательства, регулирующего общественные отношения по использованию искусственного интеллекта в сфере высшего образования. Методологическая основа исследования базируется на совокупности всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов. В качестве основных методов исследования применялись диалектический, анализ, дедукция, индукция и формально-юридический. Научная новизна исследования заключается в переосмыслинении образовательных правовых институтов под влиянием искусственного интеллекта на краткосрочной и долгосрочной перспективе. По итогам исследования сделан вывод о необходимости изменения подходов к образовательным принципам, образовательному процессу, форме оценки результатов обучения и закреплении дополнительных гарантий для соблюдения прав участников образовательных отношений при использовании искусственного интеллекта.

Ключевые слова: законодательство об образовании; высшее образование; искусственный интеллект; цифровые технологии.

Для цитирования: Войтов И. В. Перспективы правового регулирования искусственного интеллекта в высшем образовании в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 161–172. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-161-172>

Research Article

PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Igor V. Voytov

Peoples' Friendship University of Russia, 6 Miklukho-Maklaia St.,
Moscow, 117198, Russia
vig2000@mail.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the active use of artificial intelligence in higher education institutions. The purpose of the work is to identify the directions of development of educational legislation regulating public relations on the use of artificial intelligence in higher education. The methodological basis of the study is based on a set of general, general scientific and specific scientific methods. The main research techniques were dialectical analysis, deduction, induction and formal legal. The scientific novelty of the study lies in rethinking educational legal institutions under the influence of artificial intelligence in the short and long term. Based on the results of the study, it was concluded that it is necessary to change approaches to educational principles, the educational process, the form of assessment of learning outcomes and to secure additional guarantees for compliance with the rights of participants in educational relations when using artificial intelligence.

Keywords: education legislation; higher education; artificial intelligence; digital technologies.

For citation: Voytov I. V. Prospects for Legal Regulation of Artificial Intelligence in Higher Education in the Russian Federation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 161–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-161-172>

Введение

В настоящее время наблюдается активное развитие и использование искусственного интеллекта (далее – ИИ), что ставит вопрос о перспективах его регулирования в сфере высшего образования в России.

Текущая государственная политика в области развития ИИ в высшем образовании России направлена в первую очередь на создание новых образовательных программ. Согласно статистике, приведенной в «Национальной стратегии разви-

тия искусственного интеллекта на период до 2030 года» [1], к IV кварталу 2023 г. в сфере развития компетенций и подготовки кадров образовательными организациями высшего образования разработано более 100 образовательных программ высшего образования по профилю «искусственный интеллект». В 2022–2023 гг. более 30 тыс. педагогических работников повысили квалификацию в области искусственного интеллекта.

Яндекс и Сбер совместно с рядом российских образовательных организаций высшего образования при содействии Минэкономразвития России и Минобрнауки России разработали образовательную программу по изучению искусственного интеллекта. Набор студентов на данную программу осуществляется с 2024/2025 учебного года [2].

Уже сейчас ИИ используется в сфере образования для написания научных статей, выпускных квалификационных работ, письменных заданий, подготовки учебных материалов, при оценке поведения студентов на экзаменах.

1. Долгосрочные перспективы правового регулирования искусственного интеллекта в высшем образовании

В связи с этим учеными предлагаются различные правовые модели применения ИИ в образовании. Так, В. В. Чеха предлагает перевести образовательные программы полностью в цифровую форму (цифровая программа), так как она является двигателем цифровизации образования и является «центральным элементом цифровой среды образовательной организации» [3, с. 35–52]. Однако реализовывать цифровую программу будут не только преподаватели, но и цифровая платформа на основе ИИ. Она может формировать учебный план, готовить оценочные материалы, проводить аттестации и в целом будет отвечать за весь образовательный процесс. Тем самым цифровая платформа на основе ИИ будет являться, по мнению В. В. Чехи, новым «гибридным субъектом в сфере образования» [4, с. 187–210].

Предложенная В. В. Чехой правовая модель использования ИИ в сфере высшего образования вызывает несколько дискуссионных вопросов.

Во-первых, кто будет являться субъектом ответственности за неправомерные действия ИИ. Если предполагается, что ИИ способен сам отвечать за свои действия, то тогда необходимо разработать специальные меры ответственности для него (бессрочное или временное отключение, изменение алгоритмов работы ИИ, запрет использования его в образовательной деятельности). В соответствии с иным подходом, который находит поддержку у большинства ученых в настоящее время субъектами ответственности за действия ИИ признаются разработчики ИИ, поставщики данных для ИИ, должностное лицо или государственный орган, допустившие ИИ в сферу высшего образования [5, с. 101–103]. Не исключается ситуация, когда ответственность за действия ИИ будет нести пользователь данной сквозной цифровой технологии. Для них необходимо предусмотреть новые составы административных правонарушений и возможно даже преступлений.

Во-вторых, правовой статус ИИ должен отличаться от статуса педагога, так как на ИИ не могут распространяться требования об аттестации и квалификации, трудовые права, социальные гарантии и иные элементы статуса педагога, предусмотренные

ренные в гл. 6 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [6]. Необходимо предусмотреть особые элементы правового статуса ИИ, позволяющие допускать его к работе в сфере высшего образования. Целесообразно сосредоточиться на правовых нормах, регламентирующих, в первую очередь, подтверждение его технического состояния с помощью административных процедур лицензирования или сертификации, которые будут представлять допуск к работе в сфере высшего образования.

В-третьих, если ИИ сможет сам полностью разрабатывать образовательные программы, то должны быть предусмотрены новые методы аккредитации соответствующих образовательных программ. Однако возможность разработки огромного количества индивидуальных образовательных программ вызовет существенное увеличение нагрузки на орган исполнительной власти в лице Рособрнадзора. Это приведет к их формальной проверке, и, следовательно, к рискам уменьшения качества подготовки обучающихся и потенциальному нарушению их образовательных прав. Возможно, стоит допускать использование ИИ в качестве одного из инструментов, которым пользуется специалист в процессе подготовки образовательных программ, и сохранить требование последующей их оценки педагогическим обществом и должностными лицами.

Таким образом, предложенная В. В. Чехой модель, на наш взгляд, основывается на правовой конструкции признания правосубъектности ИИ на основе статуса физического лица или приближенного к нему (квазисубъекта права). Возможно, такой подход оправдан в долгосрочной перспективе, но пока он не осуществим даже с технологической точки зрения.

2. Текущие задачи правового регулирования искусственного интеллекта в сфере высшего образования

В настоящее время целесообразно сосредоточиться на следующих правовых вызовах, стоящих перед образовательным законодательством при использовании ИИ в сфере высшего образования.

Требуется новый подход к принципам образовательного права, закрепленным в ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», учитывающий внедрение ИИ.

Принцип недопустимости дискриминации в сфере образования следует трактовать, с одной стороны, как равный доступ всех обучающихся к освоению новых цифровых компетенций, единых требований к использованию ИИ в рамках образовательного процесса, а с другой – как принятие самим ИИ недискриминационных решений в отношении субъектов образовательного права. Неравный доступ к возможностям использования ИИ может усугубить расслоение в обществе и привести к новой форме дискриминации – к «цифровому разрыву» [7, с. 180–211]. Так, В. Э. Волков отмечает, что самые современные системы искусственного интеллекта распознают лица женщин с темным оттенком кожи почти на 25% хуже, чем лица светлокожих мужчин [8, с. 71].

В связи с возможностью ошибок при принятии решений и несовершенством алгоритмов ИИ невозможно гарантировать соблюдение прав человека со сторо-

ны ИИ. При обсуждении сложных, спорных и острых тем, которые может сгладить преподаватель, ИИ будет руководствоваться только заложенными алгоритмами, а не нравственными подходами. Это может привести не только к передаче неправильной образовательной информации и знаний, но и к ущемлению прав субъектов образовательных отношений.

Целесообразно разработать новые образовательные гарантии при работе с ИИ: формирование компенсационных фондов разработчиками ИИ вместе с государственными органами в случае ущерба, причиненного ИИ; закрепление права на административное и судебное обжалование действий ИИ; предоставление права на бесплатные консультации (разъяснения) со стороны разработчиков, поставщиков данных для ИИ или независимых специалистов по работе алгоритмов ИИ и обеспечение права на доступ заинтересованных лиц к базам информации, на основе которой ИИ принимает решение.

Одним из более реальных новых субъектов образовательных отношений должен быть не сам ИИ, а разработчик и поставщик данных, формирующий банк данных для ИИ, т.е. физическое или юридическое лицо. Они и смогут в случае нарушений нести ответственность за неправомерные действия ИИ.

Реализуя принцип гуманизма образования, должностные лица государства, разработчики ИИ, педагоги, студенты и иные субъекты образовательных отношений должны получить определенные права по контролю за деятельностью ИИ. При этом окончательное решение всегда должно оставаться за человеком, тем самым сохраняя его автономию воли и независимость от ИИ. Принцип гуманизма предполагает, что алгоритмы ИИ не должны быть направлены на нарушение образовательных прав человека, должны использоваться в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и гуманистическими идеалами, закрепленными в ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

ИИ может дополнительном помочь реализовать образовательный принцип индивидуализации обучения, в соответствии с которым следует учитывать особенности развития обучающихся, способности и интересы человека. Это подтверждается рядом исследований о возможностях ИИ по созданию персональных траекторий обучения для студентов [9, с. 108–112].

Однако для этого необходимо полностью перевести в электронную форму базу данных об активностях и посещаемости обучающихся во время образовательного процесса, тем самым формируя цифровой профиль студента на основе обработки и систематизации его цифровых следов, оставленных в цифровой среде образовательной организации высшего образования.

Цифровой след студента начинает формироваться с момента поступления в университет и содержит персональные данные, информацию о поступлении, направлении подготовки, образовательной программе, успеваемости в течение всего периода обучения, а также данные учебной аналитики, собираемые автоматически при работе студентов в системах дистанционного обучения и на платформах открытого образования при прохождении студентами онлайн-курсов [10, с. 417–418].

В настоящее время реализация персональных индивидуальных траекторий на основе ИИ представляется крайне сложным процессом по нескольким причинам. Во-первых, перенос полностью всех данных обучающихся в цифровую форму потребует от образовательных организаций высшего образования как колossalных финансовых затрат на создание базы хранения и сбора данных о студентах, так и обеспеченияенной информационной безопасности. Есть риски утечки, неправомерного доступа к конфиденциальной информации субъекта образовательных отношений и использования цифрового следа не только в образовательных, но и в других целях [11, с. 7].

Во-вторых, во время обучения могут применяться цифровые средства обучения, не входящие в цифровую образовательную среду и не принадлежащие образовательной организации, например различные цифровые дистанционные технологии (*Zoom*, Яндекс Телемост, МТС Линк), образовательные платформы, мобильные приложения и социальные сети.

В-третьих, полноценно реализовать персональные траектории можно только при дистанционных формах обучения, так как при очных занятиях многие данные (оценки, посещаемость, выполнение домашнего задания) не попадают в электронную базу данных или представляются в искаженном виде, что влияет на релевантность выданного результата ИИ. Переносом данной информации придется заниматься вручную, что приведет к увеличению нагрузки на преподавателя и отвлечению его от основной образовательной деятельности – обучение и воспитание обучающегося.

В-четвертых, необходимо коррелировать разного рода информацию о студенте, связанную со ступенями образования, для полноценного выстраивания его персональных траекторий.

В-пятых, следует учитывать индивидуальные особенности обучающегося: психологические, когнитивные, социально-демографические и медицинские характеристики [12, с. 40–42].

Указанные причины и организационные барьеры не позволяют в настоящее время полностью интегрировать ИИ в процесс выстраивания персональных траекторий обучающегося без помощи педагога. ИИ можно использовать как вспомогательный инструмент при выборе обучающимся элективных учебных дисциплин, дополнительных образовательных программ, при ориентации на сайте образовательной организации высшего образования и для ознакомления с ее образовательной деятельностью и образовательными программами.

Так, в чат-бот Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) был интегрирован *YandexGPT* для помощи абитуриентам в выборе профессии. Абитуриенты рассказывают боту о себе и своих интересах, а он рекомендует им подходящие образовательные программы. В дальнейшем ВШЭ планирует расширить использование *YandexGPT* для получения дополнительных рекомендаций по курсам или стажировкам для студентов [13].

Среди иных рисков отмечается рост зависимости студентов от использования ИИ, потеря когнитивных и творческих способностей, в том числе аналитических, и ухудшение памяти среди обучающихся [9, с. 107–108].

Возможность студентов с помощью ИИ выполнять множество задач, по мнению С. Даггэна, может привести к депрессии и эмоциональному выгоранию, а также снизить эффективность работы в связи со снижением внимания и невозможности долго концентрироваться на одном [14].

Использование ИИ может снизить качество обучения в образовательных организациях высшего образования, так как согласно научным исследованиям важной частью усвоения информации является невербальная сторона взаимодействия обучающегося и педагога. По мнению некоторых авторов, слова составляют только 7% от акта коммуникации, интонация и другие звуки – 38%, а 55% занимает невербальный аспект в общении. По мнению других, 65% разговора осуществляется через невербальные компоненты [15, с. 72].

При использовании ИИ уменьшается взаимодействие не только с преподавателем, но и с другими студентами, что снижает возможности социализации обучающихся, развития коммуникативных навыков и межкультурного общения. Также страдает и эмоциональный интеллект обучающегося, который не сможет полноценно развиваться при использовании ИИ, что может привести к деградации личности и потери человеческих чувств (сострадания, сочувствия, поддержки). Поэтому некоторые ученые говорят о том, что образование, основанное на взаимодействии преподавателя (наставника) и обучающегося, может стать элитарным [16, с. 38–39].

Для минимизации данных рисков и в противовес цифровой образовательной среде целесообразно создавать в университетах образовательную среду без цифровых технологий, где обучающиеся могут творчески развивать невербальные способы общения. Это потребует пересмотреть формат образовательного процесса и вводить новые формы обучения, связанные с работой в коллективе и поддержанием эмоционального интеллекта. Например, в образовательных организациях высшего образования стоит предусмотреть такие нестандартные методы обучения как «библиометод», «вечер молчания», «зона тишины», «поле бездействия», «чего я не умею» [17].

Для формирования у обучающихся правильных представлений о возможностях ИИ и нужных компетенций для работы с ним, уменьшения негативного его влияния на аналитическое и критическое мышление, Минобрнауки совместно с педагогами, техническими специалистами по ИИ, образовательными организациями высшего образования стоит создать соответствующий образовательный курс (дисциплину). В России уже есть курс «Системы искусственного интеллекта» [18], разработанный Минобрнауки России совместно с Альянсом в сфере искусственного интеллекта в рамках федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» [19], но он направлен прежде всего на освоение навыков программирования и не касается иных аспектов использования ИИ.

В данном курсе целесообразно предусмотреть во вводной части подходы к понятию и видам ИИ, в основной части – правила и принципы работы с ИИ (правила поиска и запросов ИИ, верификации полученного результата и достоверность источника информации, изменение запроса), выявление «галлюцинаций» ИИ, обработку и высказывание своей позиции на основе генерированной информации от

ИИ, в заключительной части – оформление полученного результата в зависимости от цели и задачи (например, перевод информации, полученный от ИИ на научный язык или юридическую лексику).

В зависимости от направления подготовки можно варьировать содержание курса, добавляя в него профессиональные аспекты. Например, для обучающихся по направлению подготовки «юриспруденция» можно также включить разделы, связанные с подходами к правосубъектности ИИ, государственной политикой и правовыми актами России в области ИИ, международными правовыми актами, с концепциями и практикой регулирования в других правовых системах.

В практике есть и частные случаи сотрудничества образовательных организаций высшего образования и разработчиков ИИ по созданию практического руководства применения GPT-моделей в образовании. Например, НИУ ВШЭ и компания Яндекс разработали инструкции для студентов и преподавателей вузов по применению нейросетей в образовательном процессе [20].

Для преподавателей также можно разработать курс повышения квалификации, направленный как на возможности использования ИИ в своих учебных целях, так и на способы распознания ИИ в работах обучающихся. Данный курс будет стимулировать преподавателей применять не только традиционные и формальные методы оценки результатов обучения студентов (письменные работы, тесты), но и новые методы оценивания, связанные в большинстве своем с человеческими качествами, именуемые также «soft skills», и с жизненными ситуациями при обучении профессиональным навыкам («hard skills»).

Подобный подход применяется, в частности, в Технологическом университете Сингапура. Взяв за основу таксономию навыков Блума, преподаватели дают студентам вместо заданий первого («запоминать») и второго уровня («понимать») задания, которые в значительной степени приближены к практической ситуации в будущей профессиональной деятельности, и/или предполагают для его выполнения взаимодействие студентов с другими людьми либо объектами в физическом мире [21].

Оксфордский университет рассматривает ИИ-грамотность как один из ключевых навыков, которым должен овладеть каждый, поэтому проводит обучающие сессии для студентов, тьюторов и преподавателей. Кроме того, в Оксфорде предлагают перейти к оцениванию, которое требует от студентов синтезировать знания из разных дисциплин и частей образовательной программы и связаны с применением их в реальных условиях, на рабочем месте [21].

Заключение

Таким образом, текущие задачи правового регулирования ИИ в высшем образовании в России связаны в первую очередь с расширением образовательных программ, направленных на подготовку кадров и овладение компетенциями по работе с ИИ.

В настоящее время целесообразно пересмотреть толкование образовательных принципов, закрепленных в ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», под влиянием ИИ, в особенности принципов недопусти-

ности «цифровой дискриминации», гуманизма образования и индивидуализации обучения.

Принцип недопустимости «цифровой дискриминации» следует понимать как предоставление равного доступа всем категориям обучающихся к получению навыков по работе с ИИ, как унификацию правил его использования в рамках образовательного процесса и отсутствие недискриминационных результатов, выдаваемых ИИ.

Принцип гуманизма можно трактовать как сохранение автономии воли субъектов образовательных отношений и возможность несогласия с решением ИИ.

В рамках принципа индивидуализации обучения стоит рассмотреть вопрос использования ИИ как помощника в навигации обучающихся при выборе дополнительных образовательных программ и учебных дисциплин.

Гарантиями реализации данных принципов может выступать выделение новых участников образовательных отношений – разработчиков ИИ и поставщиков данных для ИИ, которые будут нести ответственность за деятельность ИИ в виде обязанности участвовать в формировании компенсационных фондов и предоставлении доступа заинтересованным лицам к базам информации о работе алгоритма ИИ. Участников образовательных отношений необходимо наделить правом на административное и судебное обжалование действий ИИ.

Для снижения рисков качества обучения и причинения вреда развитию личности обучающихся назрела необходимость создания образовательных курсов или практического руководства по работе с ИИ, новых форматов образовательного процесса, методов обучения и оценки их результатов. Это позволит поддерживать психологически устойчивое состояние обучающихся и развитие у них социальных и аналитических навыков.

В долгосрочной перспективе правового регулирования ИИ стоит учитывать увеличение использования ИИ в обществе и его технологических возможностей, поэтому в будущем возможна разработка специального правового статуса ИИ – как нового субъекта (квазисубъекта) образовательных отношений отличного от педагога, специальных мер ответственности для ИИ и методов оценки аккредитации образовательных программ, разработанных ИИ.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. «Яндекс» и Сбер совместно с вузами РФ запускают программу бакалавриата по ИИ // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21139991?ysclid=lxlofkff6x756166056> (дата обращения: 03.04.2025).
3. Чеха В. В. Образовательная программа как цифровая платформа: вопросы регулирования // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2020. Т. 15. № 20.

4. Чеха В. В. Цифровые платформы как субъекты образовательных отношений // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2021. Т. 16. № 21.
5. Талапина Э. В., Черешнева И. А. Правовые проблемы ответственности за государственные управлеченческие решения с использованием искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 6.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // С3 РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.
7. Волкова Н. С., Емельянов А. С., Ефремов А. А. и др. Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации : научно-практическое пособие. М. : Инфотропик Медиа, 2023.
8. Волков В. Э. Публично-правовое регулирование цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность. Самара : Самар. нац. исслед. ун-т им. академика С. П. Королева, 2023.
9. Коровникова Н. А. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2 (4).
10. Баранова Е. В., Швецов Г. В. Методы и инструменты для анализа цифрового следа студента при освоении образовательного маршрута // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50).
11. Неборский Е. В. Цифровой университет как интегративный методологический конструкт // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 3.
12. Живетьев А. В., Белов М. А. Проблемы управления индивидуальной образовательной траекторией студента на основе цифрового профиля и цифрового следа // Системный анализ в науке и образовании. 2024. № 4.
13. ВШЭ поможет выбрать, кем стать, с помощью YandexGPT // НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/926172683.html> (дата обращения: 05.04.2025).
14. Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО. М. : Ин-т ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020.
15. Колева Н. Л. Исследование невербальной коммуникации и поведения студентов-педагогов // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 42.
16. Давыдов С. Г., Матвеева Н. Н., Адемукова Н. В., Вичканова А. А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. № 3.
17. Обучение как приключение: нестандартные образовательные форматы // СберУниверситет : сайт. URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/kognitivnye-nauki-kak-pomoch-mozgu-vlyubitsya-v-obuchenie9992/?ysclid=m7krx2mqsr903389715> (дата обращения: 03.04.2025).
18. Минобрнауки просит включить интеллект: Подготовлен единый курс по ИИ для российских вузов // Коммерсант : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6055344?ysclid=lo5r795y6z305971265> (дата обращения: 02.04.2025).
19. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // Минцифры : сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1085/> (дата обращения: 02.04.2025).

20. GPT в образовании: Гайд по промтингу для тех, кто учит и учится // Яндекс образование : сайт. URL: <https://education.yandex.ru/prompting> (дата обращения: 01.04.2025).
21. Искусственный интеллект и высшее образование: возможности, практики и будущее // Яндекс Образование : сайт. URL: <https://education.yandex.ru/aihighreport> (дата обращения: 01.04.2025).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended on February 15, 2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030"). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 41, art. 5700. (In Russ.)
2. Yandex and Sber, together with Russian Universities, Are Launching a Bachelor's Degree Program in AI. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21139991?ysclid=lxlofkff6x756166056> (date of the application: 03.04.2025). (In Russ.)
3. Chekha V. V. Educational Program as a Digital Platform: Issues of Regulation. *Yearbook of Russian Educational Legislation*, 2020, vol. 15, no. 20. (In Russ.)
4. Chekha V. V. Digital Platforms as Subjects of Educational Relations. *Yearbook of Russian Educational Legislation*, 2021, vol. 16, no. 21. (In Russ.)
5. Talapina E. V., Chereshneva I. A. Legal Issues of Responsibility for State Management Decisions Using Artificial Intelligence. *Information Society*, 2024, no. 6. (In Russ.)
6. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part I), art. 7598. (In Russ.)
7. Volkova N. S., Emelyanov A. S., Efremov A. A. et al. Human Rights in the Information Sphere in the Context of Digitalization. Scientific and Practical Manual. Moscow: Infotropic Media, 2023. (In Russ.)
8. Volkov V. E. Public-Legal Regulation of Digital Technologies: Blockchain, Artificial Intelligence, Virtual Reality. Samara: Samara National Research University Named after Academician S. P. Korolev, 2023. (In Russ.)
9. Korovnikova N. A. Artificial Intelligence in the Modern Educational Space: Problems and Prospects. *Social Innovations and Social Sciences*, 2021, no. 2 (4). (In Russ.)
10. Baranova E. V., Shvetsov G. V. Methods and Tools for Analyzing a Student's Digital Footprint When Mastering an Educational Route. *Prospects of Science and Education*, 2021, no. 2 (50). (In Russ.)
11. Neborskii E. V. Digital University as an Integrative Methodological Construct. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2021, vol. 9, no. 3. (In Russ.)
12. Zhivetiev A. V., Belov M. A. Problems of Managing a Student's Individual Educational Trajectory Based on a Digital Profile and Digital Footprint. *Systems Analysis in Science and Education*, 2024, no. 4. (In Russ.)
13. HSE will Help You Choose Who to Become with the Help of YandexGPT. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/926172683.html> (date of the application: 05.04.2025). (In Russ.)

14. Duggan S. Artificial Intelligence in Education: Changing the Pace of Learning. UNESCO IITE Policy Brief. Moscow: UNESCO Institute for Information Technologies in Education, 2020. (In Russ.)
15. Koleva N. L. Research of Non-Verbal Communication and Behavior of Student Teachers. *Actual Issues of Modern Science*, 2015, no. 42. (In Russ.)
16. Davydov S. G, Matveeva N. N., Ademukova N. V., Vichkanova A. A. Artificial Intelligence in Russian Higher Education: Current State and Development Prospects. *University Management: Practice and Analysis*, 2024, vol. 28, no. 3. (In Russ.)
17. Learning as an Adventure: Non-Standard Educational Formats. URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/kognitivnye-nauki-kak-pomoch-mozgu-vlyubitsya-v-obuchenie9992/?ysclid=m7kx2mqsr903389715> (date of the application: 03.04.2025). (In Russ.)
18. The Ministry of Education and Science Asks to Turn on Intelligence: A Unified Course on AI for Russian Universities Has Been Prepared. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6055344?ysclid=lo5r795y6z305971265> (date of the application: 02.04.2025). (In Russ.)
19. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1085/> (date of the application: 02.04.2025). (In Russ.)
20. GPT in Education: A Guide to Promting for Those Who Teach and Learn. URL: <https://education.yandex.ru/prompting> (date of the application: 01.04.2025). (In Russ.)
21. Artificial Intelligence and Higher Education: Possibilities, Practices and the Future. URL: <https://education.yandex.ru/aihighreport> (date of the application: 01.04.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

И. В. Войтов – аспирант.

Information about the author:

I. V. Voytov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 21.04.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-173-184>

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (1917–1991 гг.)

Екатерина Викторовна Корнилова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

kafgposs@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется эволюция принципа состязательности в гражданском процессе советского периода (1917–1991 гг.). На основе метода историко-правового сравнения анализируется трансформация понимания состязательности под влиянием политico-идеологических установок, рассматривается соотношение состязательности и принципа объективной истины. Выявляются особенности реализации состязательности в отдельных процессуальных институтах, включая доказывание и рассмотрение дела, посредством методов обобщения научных точек зрения на дефиницию состязательности и синтезного сравнения мнений ученых. Обосновывается вывод о формальном характере состязательности в значительной части советского периода, обусловленном приоритетом государственных интересов над интересами личности. Исследуются тенденции к расширению состязательности в период перестройки и гласности, определившие современные принципы гражданского процесса.

Ключевые слова: состязательность; советский суд; реформа; гражданский процесс; демократизация.

Для цитирования: Корнилова Е. В. Состязательность в советском гражданском судопроизводстве (1917–1991 гг.) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 173–184. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-173-184>

Research Article

ADVERSARIAL PROCEEDINGS IN THE SOVIET COURT (1917–1991)

Ekaterina V. Kornilova

All-Russian State University of Justice, 2 Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
kafgpossp@mail.ru

Abstract

The article examines the evolution of the principle of competition in the civil procedure of the Soviet period (1917–1991). Based on the method of historical and legal comparison, the transformation of the understanding of competition under the influence of political and ideological attitudes is analyzed, the relationship between competition and the principle of objective truth is considered. The article reveals the specifics of the implementation of competition in individual procedural institutions, including evidence and consideration of the case, through methods of generalizing scientific points of view on the definition of competition and a synthesis comparison of the opinions of scientists. The author substantiates the conclusion about the formal nature of competition in a significant part of the Soviet period, due to the priority of state interests over the interests of the individual. The article examines the trends towards the expansion of competition during the period of perestroika and glasnost, which determined the modern principles of civil procedure.

Keywords: competitiveness; Soviet court; reform; civil procedure; democratization.

For citation: Kornilova E. V. Adversarial Proceedings in the Soviet Court (1917–1991). *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 173–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-173-184>

Введение

История развития государства и права знает два типа судебного гражданского процесса: состязательный и следственный. Более древним, пришедшим из обычая родовой общины, является состязательный процесс, которому уже в судебной практике России насчитывается более тысячи лет. Эта форма процесса безраздельно господствовала до XVIII в., однако во времена Петра I и Екатерины II ее потеснил следственный процесс.

Судебная реформа 1964 г. объявила состязательный процесс в гражданском судопроизводстве основной формой. В этом направлении гражданский суд пореформенной России добился определенных успехов. Однако в 1917 г. к власти пришли большевики, которые руководствовались в своей деятельности идеологическими установками классиков марксизма-ленинизма. Эти указания были направлены на уничтожение старого буржуазного государства и старой судебной системы. Три Декрета о суде с этой задачей справились, и вскоре состязательность была объявлена буржуазным явлением, выгодной лишь зажиточным слоям населения.

Тем не менее в первых постановлениях советского правительства, а также в ГПК РСФСР 1923 г., несмотря на резкий рост активности нового суда, состязательность сторон была сохранена, хотя и значительно урезана. Состязательная форма не могла не сохраниться, поскольку, как отмечали дореволюционные ученые, она предопределялась содержанием частных правоотношений, лежащих в основе рассматриваемых дел. Постепенно основой деятельности гражданского судопроизводства стал поиск объективной истины, а состязательность должна была исполнять вспомогательную роль в этом деле.

В 1936 г. в Конституции СССР были закреплены основные принципы судопроизводства. Прямо принцип состязательности здесь не был назван, но целый ряд других принципов влиял на состязательность в гражданском процессе.

Первый ГПК РСФСР 1923 г. с некоторыми дополнениями функционировал 40 лет, до 1964 г., и выполнил свою роль. В новом ГПК РСФСР состязательность была закреплена законодательно. Иных кардинальных изменений норм, относящихся к состязательности в целом, не произошло, и ГПК РСФСР 1964 г. действовал до 1991 г.

1. Довоенный период

23 ноября 1917 г. был утвержден первый акт Советской власти на заседании Совнаркома под названием Декрет о суде № 1. Важность положений документа, неоднозначная позиция левых эсеров, а также стремление выполнить указания В. И. Ленина затормозили его появление. Следует сказать, что на местах, в некоторых отдаленных районах документ появился еще позже, спустя несколько месяцев. Продолжалась работа старых судов. Вновь созданные суды, как правило, избирались на непродолжительный срок Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В правилах одного из таких судов (Кузнецкий уезд, Томская губерния) отмечалось, что новый суд должен пользоваться доверием поселения, судить по совести, рассматривать дела без проволочек и относиться ко всем равно. Гражданские иски можно рассматривать до 3000 руб. [1, с. 57]. Сомнительно, что малограмотные жители уезда смогли организовать во время заседания суда состязательность сторон. Главное в это время было добиться справедливых решений, к которым крестьянство привыкло в работе волостных судов. За лето и осень 1917 г. при Временном правительстве в судах накопилось много как гражданских, так и уголовных дел, и их срочно следовало рассматривать, чтобы не вызывать недовольство населения, причем сделать это надо было на основе принципа справедливости.

Фактически разрешалось привлекать «старых» дореволюционных специалистов-юристов для разрешения споров. Разрешалось руководствоваться новым судам

законами свергнутых правительств, так как они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию (п. 5) [2].

Декрет о суде № 1 в 1920-е гг. всячески критиковался различными специалистами [3; 4]. Почти все участники полемики о сути первого декрета придерживались сходного мнения, что цель документа была – создание новых судебных органов. Однако автор данного Декрета № 1 П. И. Стучка считал, что суть декрета заключается в двух положениях: а) разогнать старый суд и б) отменить все старые законы [5, с. 155].

Многие исследователи в 1930-е гг. считали, что местное правотворчество резко сократилось после Декрета № 1, и на местах происходило строительство новых судов [6]. Однако некоторые ученые в 70-е гг. ХХ в. доказали, что Декрет № 1 не значительно поменял ситуацию, и старые суды вовсе не исчезли [7]. Причин этому выявлено множество, и они подробно проанализированы в диссертации Э. Н. Алешкиной [8]. Надо согласиться с мнением, что упорное противодействие левых эсеров Декрету № 1 о суде не являлось главным фактором торможения создания новых судов.

В марте 1918 г. был принят Декрет о суде № 2 [9]. Он не устанавливал какого-либо конкретного типа гражданского судопроизводства. В ст. 14 Декрета № 2 говорилось о том, что касательно доказательств суд не ограничен «никакими формальными соображениями, от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства». Здесь мы уже хорошо видим явное ограничение состязательных начал и повышение активности суда.

После октября 1917 г. за минувшие полгода, исходя из двух декретов о суде, наблюдается уменьшение состязательности в угоду усиления позиций суда в гражданском процессе. За эти месяцы явно берут верх классовые и идеологические позиции господства диктатуры пролетариата, выходит на первый план активная функция суда в процессе, и в то же время состязательность начинает сдавать свои позиции и начинает играть вспомогательную роль.

Состязательная форма судебного разбирательства была регламентирована 23 июля 1918 г. В Инструкции НКЮ РСФСР устанавливается порядок, при котором после доклада народным судьей дела слово для краткого объяснения предоставлялось жалобщику (истцу) и потом ответчику [10; 11, с. 52].

Состязательность в этот период характеризовалась: возможностью отвода судей и народных заседателей по основаниям «конфликта интересов»; правом истца изложить требования самостоятельно при личном участии в процессе; назначением проверки доказательств при отрицании ответчиком требований иска.

Гражданский кодекс РСФСР был принят и вступил в силу с 1 января 1922 г., а принятие ГПК РСФСР отставало. Для того чтобы заполнить этот пробел, Народным комиссариатом юстиции РСФСР 4 января 1923 г. была издана временная инструкция «Об основных нормах гражданского процесса», подписанная Ф. Курским [12]. Данный документ сочетал в себе как элементы состязательности, так и положения следственного процесса с преобладанием последнего. Важный момент в том, что документ фактически содержал основы состязательного процесса исследуемого времени. На председателя судебного заседания возлагается функция всячески

стараться установить действительные права и взаимоотношения тяжущихся сторон, не ограничиваясь заслушиванием тех разъяснений и того фактического материала, который предоставлен ими.

Кроме перечисленного, суд имел право при наличии жалобы одного из участников о явном подлоге документа определенным лицом, затормозить разбирательство дела и возбудить обвинение в уголовном порядке, если данный документ содержал важное значение (п. 12).

Принятый 7 июля 1923 г. ГПК РСФСР сохранил и конкретизировал основные положения гражданского процесса, которые ранее были представлены в Постановлении Народного комиссариата юстиции РСФСР от 4 января 1923 г. Создатели ГПК 1923 г. осуществляли реконструкцию основ гражданского производства, расширив полномочия и функции суда, который превратился в орган, активно вмешивающийся в регулирование правоотношений. Усиление процессуальной роли суда свидетельствовало об укреплении позиций советского государства и снижении функции всего частного во всех сферах социальной жизни.

Но в ГПК 1923 г. имелись и положения о сохранении состязательности. По общему правилу разрешалось только устное судебное разбирательство. Неявка сторон по повестке суда без уважительной причины не приводила к каким-либо санкциям, и суд в такой ситуации имел право принять решение на базе имеющихся материалов (ст. 90 и 100). Из этого правила следовало, что объяснения истца и ответчика являлись чрезвычайно существенными доказательствами, и их удельный вес был не менее ценен, чем выводы экспертов, письменные документы и данные свидетелей. Отметим также, что если у сторон были уважительные причины неявки на заседание, то суд переносит разбирательство дела на другой срок. Не изменилась и состязательная форма рассмотрения дел на суде (ст. 105). Истец и ответчик доказывают те факты, на которые они ссылались как на основание своих требований и возражений (ст. 118). Доказательства в суд доставлялись сторонами, но, как отмечалось выше, суд также мог вмешаться в сбор материала (ст. 140, 152).

Тяжущиеся получили право вести свои дела в суде либо лично, либо при помощи представителей. В категорию представителей создатели ГПК включили не только членов коллегий защитников, но и руководителей и сотрудников коллективов, членов профсоюзов, а также лиц, допущенных судом к этому делу.

Таким образом, ГПК РСФСР 1923 г. подвел итог постепенного ограничения состязательных начал и усиления роли суда в гражданском судопроизводстве после революции 1917 г. Положения ГПК 1923 г. сохранили состязательность, но она изменилась и стала осуществляться под контролем и руководством суда. Советский суд за шагом в течение шести лет приобрел обязанность и в то же время фактическую возможность разрешать дела не только на базе того, что предоставили суду тяжущиеся в виде доказательств, но и на основе всей совокупности обстоятельств дела, используя в своем производстве все материалы, которые оказались вне поля зрения истца и ответчика.

В первые годы после принятия ГПК РСФСР Верховный суд РСФСР систематически тщательно контролировал местные суды и в то же время помогал им в приведении в жизнь положений этого закона. В инструктивном письме Гражданской касса-

ционной коллегии (ГКК) Верховного суда РСФСР от 1928 г. обращалось внимание судов на их обязанности оказывать тяжущимся гражданам активное содействие в защите их прав на основе ч. 2 ст. 5 ГПК в связи с рядом обстоятельств, а именно: отсутствие юридического опыта и малограмотность [13, с. 166]. Местным судам напоминали, что если участники процесса не могут сами предъявить нужные для рассмотрения дела доказательства, то в этом случае суд проявляет почин и должен сам проверить все имеющиеся доводы сторон и без ненужной волокиты собрать недостающие факты. Судам запрещалось в случае, если истец не сможет доказать при пассивном поведении со стороны суда свои претензии, отказать ему в удовлетворении иска. При возможности советского суда собирать требуемые документы, недоказанность иска не должна приводить к автоматическому отказу в иске [14, с. 67].

В дополнение к этим установкам Пленум Верховного Суда СССР в октябре 1935 г. еще раз указал судам на то, что они должны помогать истцу собирать нужные доказательства. Однако в случае, если подобного рода доказательств реально не окажется, тогда суд может отказать в иске, но не по причине того, что истец не смог подтвердить его, а потому что иск оказался не обоснован [15].

В 1928 г. в стране шло бурное обсуждение проекта нового ГПК, в ходе которого высказывались мнения об упразднении состязательности. Через некоторое время полемика вокруг этой проблемы превратилась в самостоятельную дискуссию о том, нужна ли вообще состязательность советскому суду. Инициатива спора исходила от Наркома юстиции Н. В. Крыленко и члена коллегии Верховного Суда РСФСР А. А. Сольца. Они считали, что советский суд надо избавить от тех элементов процесса, которые являются наследием прошлого, буржуазными по своему происхождению и по своей сути. Наиболее рьяно из них выступал А. А. Сольц, который объявил состязательность воплощением буржуазного права. Основным их оппонентом являлся П. И. Стучка (Председатель Верховного Суда РСФСР), который в январе 1928 г. опубликовал в юридическом журнале статью, где ярко и убедительно доказывал, что состязательность надо сохранить, так как она, наряду с гласностью, устностью и неприкосновенностью личности и правом на защиту, является культурным завоеванием [16, с. 121]. Постепенно дискуссия затронула и гражданский процесс, где противники состязательности не желали усиления следственного начала в цивилистическом судопроизводстве. В редакцию журнала «Рабочий суд» приходило некоторое количество писем, авторы которых были солидарны с теми, кто считает, что советский суд легко справится с разрешением тяжб и без состязательности, что она только приводит к затягиванию процесса (особенно гражданского) и вообще является основной причиной волокиты и бюрократизма [17, с. 75].

Однако принятие в 1936 г. Конституции СССР, гл. IX «Суд и прокуратура», дало возможность закрепить здесь важнейшие принципы судопроизводства. Прямо принцип состязательности здесь не назван, но надо учитывать, что иные указанные принципы так или иначе способствовали поддержанию состязательности. В судебном процессе обязательно участие как прокурора в роли обвинителя, так и адвоката в роли защитника. Участие этих сторон предполагает в судебном процессе их соперничество.

Дальнейшее развитие эти принципы получили в Законе «О судопроизводстве Союза ССР, союзных и автономных республик», принятом 16 августа 1938 г. [18]. Здесь указывалось, что дела во всех судах рассматриваются в коллегиальном составе, однако ряд гражданских дел разрешаются судьей единолично. Гражданам предоставляется право подавать по гражданским делам в суд кассационной или надзорной инстанции новые (дополнительные) материалы, которые ранее не были предъявлены суду первой инстанции. Все указанные нормы Конституции СССР 1936 г. и дополнения из названного Закона 1938 г. в определенной степени влияли и на состязательность в гражданском процессе.

2. Послевоенный период

Развитие института состязательности в советском гражданском процессе в период с 60-х по 90-е гг. ХХ в. представляло собой многомерный и достаточно противоречивый процесс, обусловленный идеологическими установками, политической системой и спецификой советского правового мышления. Для комплексного подхода к пониманию всей полноты содержания состязательности в поздней советской действительности необходимо проследить развитие данного процесса на фоне динамики исторических этапов советского государства.

Отправной точкой в указанном хронологическом отрезке справедливо можно считать последние годы периода «оттепели», характеризовавшимся некоторой либерализацией общественной жизни, что в свою очередь не могло не отразиться и на гражданском процессе. Основополагающим документом, регулировавшим гражданский процесс в этот период, являлись Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик [19] (далее – Основы), принятые в 1961 г. Статья 12 Основ провозглашала, что судопроизводство по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равенства сторон перед законом и судом, статья же 16 Основ закрепила принцип объективной истины, выражавшийся в том, что суд, используя всю полноту врученных ему полномочий процессуального характера, был обязан при рассмотрении каждого конкретного дела установить объективную истину и выяснить реальные права и обязанности тяжущихся сторон. Однако, наряду с декларативным провозглашением принципа состязательности, законодательство содержало положения, ограничивавшие его реализацию. В частности, ст. 166 ГПК РСФСР предусматривала право суда по своей инициативе собирать доказательства, что нивелировало состязательный характер процесса [20].

В советской юридической науке в этот период преобладала точка зрения о руководящей роли суда в процессе доказывания. Считалось, что суд, как орган, осуществляющий правосудие от имени государства, не может занимать пассивную позицию и обязан активно содействовать установлению истины по делу [21]. Состязательность рассматривалась, скорее, как средство для установления объективной истины, а не как способ защиты частных интересов сторон [22, с. 56–57]. При этом, приоритет отдавался публичным интересам, а интересы личности рассматривались как подчиненные интересам общества и государства. Некоторые ученые критиковали чрезмерное вмешательство суда в процесс доказывания и подчер-

кивали необходимость расширения прав сторон в представлении доказательств [23]. Однако, их взгляды не получили широкой поддержки в советской юридической науке и практике.

В период 1970-х–1980-х гг. в советском гражданском процессе обозначились некоторые попытки совершенствования института состязательности, обусловленные развитием юридической науки и осознанием необходимости повышения эффективности гражданского судопроизводства. Новая Конституция СССР, принятая 7 октября 1977 г., в продолжение развития идей «сталинской» Конституции 1936 г., закрепила обширный перечень основополагающих принципов, в том числе упомянуто было и про состязательность в контексте того, что ст. 161 определяла бесплатность оказания юридической помощи в гражданских делах через коллегии адвокатов. Свое дальнейшее развитие указанная норма нашла в Законе СССР об адвокатуре СССР. Основным нормативным актом по-прежнему оставался ГПК РСФСР 1964 г. и аналогичные кодексы других союзных республик. Однако, были уточнены положения о праве сторон представлять доказательства, участвовать в их исследовании и давать объяснения суду. Постановления Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР также играли важную роль в развитии гражданского процессуального права, разъясняя порядок применения норм ГПК и обращая внимание судов на необходимость соблюдения принципа состязательности [24].

В целом в 1970-е–1980-е гг. наблюдалась тенденция к некоторому расширению возможностей реализации состязательности в советском гражданском процессе, однако, его реальное воплощение оставалось по прежнему ограниченным идеологическими установками.

Период перестройки и последующего распада Советского Союза ознаменовался кардинальными изменениями в политической, экономической и социальной сферах, что не могло не отразиться и на гражданском процессуальном праве. В этот период были предприняты первые шаги по реформированию гражданского процессуального законодательства, направленные на укрепление принципа состязательности и расширение прав сторон в процессе доказывания. В частности, были внесены изменения в ГПК РСФСР, ограничивающие право суда по своей инициативе собирать доказательства и усиливающие роль сторон в процессе доказывания.

Ключевым же фактором, повлиявшим на развитие института состязательности в этот период, стал идеологический перелом, заключавшийся в отказе от приоритета публичных интересов над частными и признании ценности прав и свобод личности. Состязательность стала рассматриваться не только как средство для установления объективной истины, но и как способ защиты частных интересов сторон в гражданском процессе, что нашло отражение в Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г. через коренное изменение судоустройства и его принципов, полученных в наследство от советского государства.

В период с оттепели 1960-х гг. до начала постсоветского времени 1990-х гг. в советском гражданском процессе произошла трансформация института состязательности, ознаменованная существенными изменениями в понимании и реализации принципов правосудия. Отход от догматических идеологических установок, свойс-

твенных предшествующему периоду, открыл путь к признанию примата прав и свобод личности как основополагающей ценности. Важным этапом стало расширение диспозитивных начал, что выразилось в усилении активности сторон в доказывании обстоятельств, имеющих юридическое значение для рассмотрения дела. Усиление состязательных начал влекло за собой пересмотр роли суда, который постепенно переходил от активного участника процесса, самостоятельно собиравшего доказательства, к роли арбитра, обеспечивающего справедливое и беспристрастное рассмотрение дела на основе представленных сторонами доказательств.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования мы выяснили, что начиная с первого ГПК РСФСР 1923 г. (ст. 4) роль гражданского суда значительно увеличилась, а именно: суд получил возможность сам по своей инициативе собирать и истребовать доказательства, а также по ним производить необходимые проверочные действия. Состязательный процесс как важное достижение реформы 1864 г. уступил место следственной форме, хотя не исчез и продолжал действовать. Сторонам суд предлагал в начале разбирательства дать объяснения со ссылкой на все предложенные ими по делу доказательства. Несмотря на то что среди советских теоретиков гражданского процесса в 50-е–60-е гг. шли горячие споры о необходимости расширить роль состязательности в гражданском суде, законодатели ничего не меняли до 1991 г.

Только в Концепции судебной реформы РСФСР, утв. Верховным Советом РСФСР в октябре 1991 г., было определено, что действующее в России советское законодательство о гражданском суде грешит идеологизированностью, постоянно сужающей состязательность и даже игнорирует ее. В итоге все это приводило к неэффективной защите прав и свобод человека [25]. Поэтому необходимо было превратить судопроизводство из орудия защиты социалистического строя в важную услугу, которую государство оказывает гражданам.

В ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г. выдвигалась идея оказания квалифицированной юридической помощи тяжущимся для защиты их прав, если уровень их правовых познаний и имущественное положение явно различались. Интересно, что в течение всего советского периода эта проблема осталась нерешенной.

Исследование истории развития состязательной формы в гражданском производстве показало, что в СССР данная форма процесса сочеталась с разыскной (следственной) формой, при достаточном господстве последней. Отметим, что даже в период очень активной роли суда (1930-е гг.) элементы состязательности в том или ином виде сохранялись всегда.

Эволюция принципа состязательности представляет собой неравномерное и с разной амплитудой движение маятника, как в сторону увеличения активной роли суда, так и в сторону уменьшения этой роли. Правильное направление его развития – разумный и отражающий внутренние потребности государства в данный момент его исторического развития уровень процессуальной активности суда.

Пристатейный библиографический список

1. Курский Д. И. Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции. М. : НКЮ, 1918. № 1.
2. Декрет СНК от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
3. Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР: лекции по теории и истории судоустройства. М. : Юрид. изд-во, 1924.
4. Берман Я. Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1923.
5. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сборник статей. М. : Госюриздан, 1931.
6. Малькевич Т. Ф. Создание первых революционных судов // Советское государство и право. 1940. № 7, 8, 9.
7. Токарев Ю. С. Роль Советов в судебном строительстве (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Проблемы государственного строительства в первые годы советской власти. Л., 1973.
8. Алешкина Э. Н. Местное правотворчество в период создания советского государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.
9. Декрет СНК от 15 февраля 1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
10. Инструкция НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов» // СУ РСФСР. 1918. № 52.
11. Клейман Л. Ф. Демократические принципы советского гражданского процесса // Советское государство и право. 1948.
12. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1923. № 8. Ст. 107.
13. Сборник действующих разъяснений Верховного Суда РСФСР. 1930.
14. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 октября 1935 г. № 52 «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе».
15. Революция права. М., 1928. № 1.
16. Рабочий суд. Л., 1928. № 1.
17. Конституция СССР 1936 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283.
18. Закон Союза ССР, союзных и автономных республик «О судопроизводстве» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 1.
19. Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 526.
20. Гуревич М. А. Принципы советского гражданского процессуального права // Всесоюзный юридический заочный институт. Труды. Т. 3 : Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. М., 1965.
21. Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград, 1962.
22. Илюхина В. А. Принципы гражданского процессуального законодательства РСФСР (историко-правовой анализ ГПК РСФСР 1923 года и ГПК РСФСР 1964 года) // Новый ракурс. 2019. № 2.

23. Семенов В. М. Принципы советского гражданского процессуального права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск. 1965.
24. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 октября 1965 г. № 8 «О практике применения судами процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел».
25. Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2004.

References

1. *Kurskii D. I. Fundamentals of the Revolutionary Court*. In Materials of the People's Commissariat of Justice. Moscow: People's Commissariat of Justice, 1918. No. 1. (In Russ.)
2. Decree of the Council of People's Commissars of November 24, 1917 No. 1 "On the Court". *Collection of Laws of the RSFSR*, 1917, no. 4, art. 50. (In Russ.)
3. Krylenko N. V. The Judicial System of the RSFSR: Lectures on the Theory and History of the Judicial System. Moscow: Legal Publishing House, 1924. (In Russ.)
4. Berman Ia. L. Essays on the History of the Judicial System of the RSFSR. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1923. (In Russ.)
5. Stuchka P. I. 13 Years of Struggle for the Revolutionary Marxist Theory of Law. Moscow: Gosizdat, 1931. (In Russ.)
6. Malkevich T. F. Creation of the First Revolutionary Courts. *Soviet State and Law*, 1940, nos. 7, 8, 9. (In Russ.)
7. Tokarev Iu. S. The Role of Soviets in Judicial Construction (October 1917 – June 1918). In Problems of State Building in the First Years of Soviet Power. Leningrad, 1973. (In Russ.)
8. Aleshkina E. N. Local Lawmaking in the Period of the Creation of the Soviet State: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1977. (In Russ.)
9. Decree of the Council of People's Commissars of February 15, 1918 No. 2. "On the Court". *Collection of Laws of the RSFSR*, 1918, no. 26, art. 420. (In Russ.)
10. Instruction of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of July 23, 1918 "On the Organization and Operation of Local People's Courts". *Collection of Laws of the RSFSR*, 1918, no. 52. (In Russ.)
11. Kleiman L. F. Democratic Principles of Soviet Civil Procedure. *Soviet State and Law*, 1948. (In Russ.)
12. *Collection of Enactments and Decrees of the Workers' and Peasants' Government*, 1923, no. 8, art. 107. (In Russ.)
13. *Collection of Current Explanations of the Supreme Court of the RSFSR*, 1930. (In Russ.)
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of October 28, 1935 No. 52 "On the Strict Observance of Procedural Norms in Civil Procedure". (In Russ.)
15. Revolution of Law. Moscow, 1928. No. 1. (In Russ.)
16. Workers' Court. Leningrad, 1928. No. 1. (In Russ.)
17. Constitution of the USSR of 1936. *Izvestiya of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee*, 1936, no. 283. (In Russ.)

18. Law of the USSR, Union and Autonomous Republics "On Court Proceedings". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1938, no. 1. (In Russ.)
19. Law of the USSR of December 8, 1961 "Fundamentals of Civil Procedure of the USSR and Union Republics". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1961, no. 50, art. 526. (In Russ.)
20. *Gurevich M. A. Principles of Soviet Civil Procedural Law*. In All-Union Correspondence Law Institute. Proceedings. Vol. 3: Issues of Civil Procedural, Civil and Labor Law. Moscow, 1965. (In Russ.)
21. *Chechina N. A. Civil Procedural Relations*. Leningrad, 1962. (In Russ.)
22. *Iliukhina V. A. Principles of Civil Procedural Legislation of the RSFSR (Historical and Legal Analysis of the Civil Procedure Code of the RSFSR of 1923 and the Civil Procedure Code of the RSFSR of 1964). New Perspective*, 2019, no. 2. (In Russ.)
23. *Semenov V. M. Principles of Soviet Civil Procedural Law: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences*. Sverdlovsk, 1965. (In Russ.)
24. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of October 11, 1965 No. 8 "On the Practice of Courts Applying Procedural Legislation when Hearing Civil Cases". (In Russ.)
25. *Treushnikov M. K. (ed.). The Path to the Law (Initial Documents, Explanatory Notes, Conference Materials, Draft Civil Procedure Code Versions, New Civil Procedure Code of the Russian Federation)*. Moscow: Gorodets, 2004. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. В. Корнилова – соискатель.

Information about the author:

E. V. Kornilova – Candidate.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 01.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-185-197>

МЕСТО ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ВЕРХOVНОГО СУДА РФ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ирина Викторовна Костюк¹

Олег Георгиевич Захария²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ irinakostyuk11164@yandex.ru

² olegzaharia44@gmail.com

Аннотация

В настоящее время судами общей юрисдикции и арбитражными судами широко применяются правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ для разрешения тех или иных вопросов. Данная научная работа ставит своей целью определение места судебной практики в российской правовой системе через призму правовой позиции в современном гражданском праве. Методология исследования объединяет общенаучные и частнонаучные методы, способствующие анализу положений законодательства и доктрины. В результате исследования авторы приходят к выводу о том, что содержание правовой позиции приближено к реальности гражданского оборота и направлено на регулирование быстро развивающихся отношений, в силу чего правовая позиция заслуживает признания в качестве источника гражданского права.

Ключевые слова: правовая позиция; Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации; источник гражданского права; правотворчество; система права; постановление; определение.

Для цитирования: Костюк И. В., Захария О. Г. Место правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в системе гражданского права // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 185–197. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-185-197>

Research Article

THE PLACE OF THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW

Irina V. Kostyuk¹

Oleg G. Zakhariya²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2 Bldg. 1 Azovskaya St., Moscow,
117638, Russia

¹ irinakostyuk11164@yandex.ru

² olegzaharia44@gmail.com

Abstract

Currently, courts of general jurisdiction and arbitration courts are widely applying the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation to resolve a particular issue. This scientific work aims to determine the place of judicial practice in the Russian legal system through the prism of the legal position in modern civil law. The research methodology combines general scientific and private scientific methods that contribute to the analysis of the provisions of legislation and doctrine. As a result of the study, the authors conclude that the content of the legal position is close to the reality of civil turnover and is aimed at regulating rapidly developing relations, which is why the legal position deserves recognition as a source of civil law.

Keywords: legal position; Constitutional Court of the Russian Federation; Supreme Court of the Russian Federation; source of civil law; law-making; legal system; resolution; definition.

For citation: Kostyuk I. V., Zakhariya O. G. The Place of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation in the System of Civil Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 185–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-185-197>

Введение

Считаем, что необходимо изучать акты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ именно в рамках гражданского права. Для обоснования этого можно привести следующие суждения. Первое – это динамичное развитие общественных

отношений и появление новых объектов гражданского оборота, действия в отношении которых требуют детального регулирования. Второе – правовая позиция выступает механизмом, позволяющим регулировать быстрое развитие гражданского оборота и его составляющих с целью устранения пробелов в праве, а также несовершенства действующего законодательного регулирования.

Разберем подробнее первое суждение: динамичное развитие общественных отношений в плоскости практики, которое обуславливает изменения в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) и иных специализированных к нему актах. Если обратиться к данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», отметим, что на 2023 г., начиная с 1 января, в ГК РФ было введено 12 поправок, направленных на совершенствование правового регулирования ввиду развития различных сфер общественных отношений: наследование, представительство, общая долевая собственность и т. д. На 2024 г. число поправок снизилось до восьми [1; 2].

Принятые изменения ставят в качестве цели устранение пробелов в гражданском праве и несовершенство законодательства, однако количество принятых изменений не способно в полной мере охватить развитие общественных отношений, в силу чего возникает риск правовой неопределенности в виде частичного или полного отсутствия регулирования.

Второе суждение решает проблему, отраженную в первом суждении. Правовая позиция – механизм, позволяющий закрывать пробелы и несовершенство настоящего правового регулирования. А. Г. Карапетов и С. В. Сарбаш полагают, что формирование в гражданском праве практики создания и применения правовой позиции является неизбежным следствием динамики социально-экономических отношений. Законодатель пытается делегировать правотворческие функции органам ветви исполнительной власти, однако те не обеспечивают нужную динамику, способную восполнить пробел. Отсюда делегирование высшим судам правомочий по формированию правовых позиций выступает одним из ключевых элементов развития национального гражданского права [3, с. 370].

1. Содержание термина «правовая позиция»

Термин «правовая позиция» понимается по-разному. В. И. Анишина относит этот термин исключительно к актам Конституционного Суда РФ и полагает, что правовая позиция Конституционного Суда РФ представляет собой результат анализа аргументов и выводов, направленных на толкование конституционных норм и норм отраслевого законодательства [4, с. 1].

В теории термин «правовая позиция», как правило, относится исключительно к актам Конституционного Суда РФ, при этом некоторые исследователи относят разъяснения Верховного Суда РФ к правовым позициям. Так, И. В. Шульга говорит о том, что правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ вполне сопоставимые явления, вследствие чего можно использовать достижения науки конституционного права для описания правовой позиции Верховного Суда РФ. Отсюда, правовая позиция – это общая идея системы суждений о должном правовом регулировании или правоприменении, основанная на знаниях правовой действительности и ее индивидуальной оценке [5, с. 31].

С точки зрения формы правовая позиция выражается в форме постановлений и определений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ [6, ч. 2, ст. 71; 7, ч. 5 ст. 5]. Содержание каждой из форм будет раскрываться при дальнейшем изучении вопроса.

2. Влияние исторического опыта на формирование источника права

Отсутствие правовой позиции в системе источников не только гражданского права, но и иных отраслей исходит из исторической предпосылки, которая заключается в принадлежности Российской Федерации к системе романо-германского права. Среди основных признаков романо-германской правовой системы, относящихся к исследуемой теме, следует отнести формирование норм исключительно законодательным органом. В дополнение к этому признаку основополагающим источником в данной правовой системе выступает закон. Закон может проявляться в качестве писаной конституции, множества кодифицированных и некодифицированных актов. Верховенство такого источника, как закон, обусловливается тем, что законодательные органы имеют больше возможности для регулирования различных секторов общества и определения единого интереса [8, с. 109].

В ангlosаксонской правовой семье статус источника принадлежит судебному прецеденту. Закон как источник права аналогично присутствует в данной правовой семье, однако, в отличие от континентальной семьи, занимает второе место после судебного прецедента. Содержание закона в ангlosаксонской семье носит казуистичный характер. Дополнительным отличительным признаком является момент его становления общепризнанным, который привязывается к применению и осмысливанию судебной практики.

Главенствующее положение того или иного источника права в системе права обусловливается историческим ракурсом. Если рассматривать ангlosаксонскую семью, то большее внимание уделяется сложению системы судебных прецедентов, которая на протяжении с XIII в. и до настоящего времени продолжает развиваться, формируя доверие и эффективность в применении, отчего закон и его юридическая техника для общества и системы права остаются весьма в слабом состоянии.

Если рассматривать нормотворчество в Российской Федерации, то на протяжении с первой половины XII в. и до настоящего момента Россия была приверженцем закона как писаного кодифицированного акта. Это подтверждается такими историческими источниками права, как Русская Правда в трех ее редакциях: Краткая правда 1072 г., Пространная правда XII в., Сокращенная правда XIII–XIV вв., Стоглав 1551 г., Псковская судная грамота XIV в. и Новгородская судная грамота XV в. и т.д. [9; 10; 11; 12; 13; 14]. Точка зрения подтверждается и положением некоторых актов. В качестве примера возьмем Основной государственный закон 1906 г., в котором глава девятая «О законах» ст. 84 гласит: «Империя Российская управляет на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке» [15]. Данная норма свидетельствует о том, что основным источником права в Российской империи выступал закон. Расширительное толкование позволяет прийти к умозаключению, что любые иные акты могут признаваться источниками и применяться постольку, поскольку это провозглашается самим законом.

3. Современные подходы к правовым позициям Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ

Коснемся вопроса места в системе источников правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Изучив специфику компетенции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, можно определить место правовой позиции в системе источников гражданского права.

В диспозиции ч. 1 ст. 125 Конституции РФ указано, что Конституционный Суд РФ является высшим судебным органом конституционного контроля, осуществляющим его посредством конституционного судопроизводства [16].

При использовании расширительного метода толкования по отношению к функции конституционного контроля следует сказать, что ее основное предназначение выражается в проверке соответствия или несоответствия действующих норм права Конституции РФ. В случае если норма не соответствует Конституции РФ, то постановление Конституционного Суда влечет за собой утрату силы данной нормы; в свою очередь, это влечет определенное воздействие на субъектов, выражающееся в изменении характера прав и обязанностей. С позиции изменения правоотношений можно сказать, что Конституционный Суд РФ, вынося постановление, осуществляет правотворчество. Подобную идею поддерживают М. В. Кучин и М. Ю. Осипов [17, с. 179–184; 18, с. 37].

Обратимся к судебным актам Конституционного Суда РФ. Среди всего массива актов Конституционного Суда РФ наиболее применимым к исследуемому вопросу является постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» (далее – Постановление Конституционного Суда РФ № 19-П) [19]. В п. 4 позиции проводится сравнение между судебными решениями Конституционного Суда РФ и нормативными актами правотворческого органа. Параллель заключается в том, что решения Конституционного Суда РФ обладают той же сферой действия во времени, пространстве, по кругу лиц, что и нормативно-правовой акт. Прежде чем перейти к следующему тезису, стоит вновь упомянуть, что разъяснения Конституционного Суда РФ не входят в систему источников права. При этом данное постановление заявляет об официальных решениях как об актах, которые наряду с иными законодательными актами имеют «общеобязательное значение», и подмечает обязанность правоприменителя, в том числе иных судов, действовать в соответствии с позициями Конституционного Суда РФ.

Прежде чем обратиться к дальнейшему изучению действующих правовых позиций Конституционного Суда РФ, проанализируем форму актов, которые правомочен издавать Конституционный Суд РФ. В соответствии со ст. 71 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») в их перечень входят: постановление, заключение, определение. Применительно к рассматриваемому вопросу интерес представляют постановление и определение.

Постановление представляет собой итоговое решение Конституционного Суда РФ по существу любого из вопросов, перечисленных в ст. 71 ФКЗ «О Консти-

туционном Суде Российской Федерации». В постановлении при осуществлении конституционного контроля за соответствием или несоответствием того или иного нормативно-правового акта суд выносит решение о признании положения данного акта соответствующим либо не соответствующим Конституции РФ. Постановление является актом итогового решения, в силу которого завершается судебный процесс со всеми вытекающими из него правоотношениями.

Определения Конституционного Суда РФ не решают дело по существу и не представляют собой итоговое решение, при этом не менее значимы, так как обозначают различные процессуальные действия, например, принятие или отказ от принятия обращения в Конституционный Суд РФ, в том числе разъяснение судебных решений и корректировку неточностей. Определение является актом, направленным на возникновение, изменение и прекращение отношений между судом и его участниками на любой стадии до вынесения решения по существу.

Проанализируем одно из решений Конституционного Суда РФ для того, чтобы уяснить, какую ценность в виде разъяснений представляют его правовые позиции.

Примером выступает постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Шеставина» [20].

Постановление признает п. 1 ст. 250 ГК РФ не соответствующей Конституции РФ в силу того, что норма не предусматривает применимость преимущественного права покупки доли при ее продаже другому лицу с публичных торгов в рамках процедуры банкротства. В силу этого в гражданском обороте формируется неопределенность, что является основанием признания нормы противоречащей Конституции РФ.

С целью решения неопределенности в абз. 4 п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 23-П устанавливается новый порядок продажи имущества. Изначально конкурсный управляющий направляет другим участникам предложение приобрести долю с указанием начальной цены на торгах. В случае поступления согласия на приобретение доли с данным участником заключается договор купли-продажи. В противоположном случае, при отсутствии согласия в течение месяца, доля продается с торгов. При отсутствии согласия либо после повторных торгов, либо путем продажи посредством публичного предложения преимущественное право покупки не применяется.

Конституционный Суд РФ отметил, что законодателю необходимо, принимая во внимание настоящее постановление, внести изменения в действующую статью ГК РФ. Однако до внесения изменений Конституционный Суд РФ заявил, что решение вопроса продажи доли с публичных торгов в рамках процедуры банкротства происходит с учетом порядка, обозначенного в абз. 2 и 3 ст. 255 ГК РФ.

Отсюда делаем промежуточный вывод о том, что фактическая составляющая системы источников гражданского права Российской Федерации (то, что действует на практике) и формальная составляющая источников (то, что закреплено в законодательстве) далеки друг от друга. Тезис Конституционного Суда РФ об общеобязательности вынесенных только им позиций вполне обоснован не только в силу

ссылки на ч. 5 и 6 ст. Конституции РФ, но и в силу существующей фактической составляющей правовой системы, которая требует быстрой реакции со стороны Конституционного Суда РФ и решения о конституционности либо, наоборот, неконституционности правового акта с целью стабилизации правовой системы.

Что касается Верховного Суда РФ, то из ст. 126 Конституции РФ следует, что Верховный Суд РФ является высшим органом по конкретным видам дел, осуществляющим функцию надзора, а также дающим разъяснения по вопросам судебной практики.

Аналогично положение, где Верховный Суд РФ с нормотворческой точки зрения выступает лишь органом судебной власти, выполняющим надзор над судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Для рассматриваемой проблематики необходимо изучить, что собой представляют разъяснения Верховного Суда РФ. В п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации») указывается, что Пленум Верховного Суда РФ обеспечивает единое применение законодательства с учетом анализа и обобщения судебной практики. Единое применение законодательства обеспечивается вынесением разъяснений, воплощенных в форму постановлений и определений.

С точки зрения В. И. Анишиной, разъяснения в виде постановлений содержат норму права, однако не входят в систему источников права, так как судебные решения принимаются опосредованно по отношению к первой ступени источников – правовым актам. Ко всему прочему, правомочие на издание разъяснений является правовой гарантией в системе сдержек и противовесов, способной быть фактором положительного развития права [21, с. 8].

В ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» речь идет исключительно о постановлениях. В другом акте – постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» – сказано, что суду при составлении мотивировочной части следует учитывать лишь постановления Пленума Верховного Суда РФ [22]. Помимо постановлений есть определения, однако ни в одном из указанных актов речи об определениях не идет. Исходя из практической плоскости следует сказать, что определения могут издаваться по конкретным делам и отдельным процессуальным вопросам: обжалование судебного постановления (п. 13), восстановление пропущенного срока (абз. 2 п. 21), оставление апелляционной жалобы (п. 26) и другое [23]. Тем не менее определение аналогично может нести в себе разъяснение какого-либо законодательного положения.

В качестве примера акта Верховного Суда РФ приведем определение его Судебной коллегии по экономическим спорам от 15 августа 2024 г. № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021, которое демонстрирует компетенцию в разъяснении норм права [24].

По факту дела истец, Д. В. Шапиро, обратился с исковым заявлением о признании недействительным договоров об отчуждении исключительных прав на товарные знаки и промышленные образцы. Доводы Д. В. Шапиро заключались в том, что оспариваемая им сделка является крупной и решения об одобрении этой сделки участниками не принималось, также истец ссылался на то, что сделка совершена

лишь для вида, т.е. без намерения создать соответствующие правовые последствия (мнимая сделка).

Суды первой инстанции, апелляционной инстанции, кассационной инстанции не принимали доводов Д. В. Шапиро, аргументируя позицию п. 1 ст. 46 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», где сделка признается крупной при условии, если прямо или косвенно отчуждается имущество, в общей массе составляющее 25 и более процентов от стоимости всего имущества общества. Суды не признали договоры об отчуждении исключительных прав на товарные знаки и промышленные образцы соответствующими количественному критерию.

Верховный Суд РФ расценил ситуацию вопреки упомянутому количественному критерию, с аргументацией позиции о наличии качественного критерия, по которому продажа исключительных прав приводила деятельность общества к невозможности производства и коммерческой реализации продукта.

Резюмируя, Верховный Суд РФ отдал приоритет качественному признаку, так как, исходя из фактических обстоятельств дела, договор об отчуждении выходил за пределы обычной хозяйственной деятельности. В силу чего в гражданско-правовую сферу вводится практика понимания крупной сделки через ее качественный признак.

4. Доктрина по вопросу правовой позиции как источника права

С. С. Алексеев полагает, что источник – это некая сила, которая создает норму права. Прежде всего такой силой выступает власть государства, воплощающая решения в определенную форму, обуславливающей неотъемлемые черты права в виде общеобязательности, общеизвестности и иные признаки [25, с. 393].

Проанализируем из данного тезиса ключевые слова. Сказано, что источник права формируется государственной властью, при этом на основе ст. 10 Конституции РФ судебная власть проистекает из государственной власти. Касательно признаков, то перечисленные вполне описывают действующее положение разъяснений Конституционного Суда РФ, так как первый признак – общеобязательность – следует из Постановления Конституционного Суда РФ № 19-П, второй признак – общеизвестность – следует из обязательного и незамедлительного опубликования постановлений и определений в официальных изданиях.

Со стороны С. С. Алексеева, термин «правовая позиция» не применяется к судебным решения российских судов, а используется в рамках описания сути судебного прецедента, так называемой *ratio decidendi*. С. С. Алексеев видит возможным введение судебной доктрины до уровня источника права только при соблюдении условий независимости судей и развития их правосознания до той степени, при которой их правотворчество будет реализуемо.

А. Г. Карапетов и С. В. Сарбаш резюмируют, что без существования правовой позиции, в которой они видят «феномен судебного правотворчества», российское право будет окружено беспорядком и хаосом. Отказ от подобного феномена возможен исключительно на этапе, когда другие инструменты воздействия на правовые институты и развития права придут в состояние, соответствующее запросам времени.

О правовых позициях Конституционного Суда РФ А. Г. Карапетов и С. В. Сарбаш говорят как о полноценном правотворчестве. В свою очередь, правовые позиции Верховного Суда РФ носят не формальный, а обязательный статус, исходя из фактических обстоятельств (*de facto*). Под фактически обязательным статусом предполагается наличие институционально-иерархической системы взаимоотношений и бюрократической логики между высшими судами и нижестоящими судами. Принятие нижестоящими судами решения, противоречащего правовой позиции Верховного Суда РФ, может стать основанием пересмотра и отмены в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ или Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Е. А. Суханов в своих трудах не использует термин «правовая позиция», но применяет схожий к нему по смыслу термин «судебная практика». Введем примечание, что речь идет о судебной практике высших судов, решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов в данный термин не входят. Е. А. Суханов считает, что в российской правовой системе судебная практика имеет достаточно большое значение и приравнивает действующую судебную практику к судебному прецеденту, формально не признанному в гражданском праве источником. Деятельность Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ пусть и не создает новых норм, при этом высшие судебные инстанции дают разъяснения действующему законодательству в виде общих правил (*modo legislatoris*), тем самым предопределяя порядок, условия и последствия реализации норм отрасли гражданского права [27, с. 84].

Заключение

Авторы в результате исследования приходят к тому, что, вне зависимости от отсутствия законодательного признания правовой позиции в качестве источника гражданского права и вне зависимости от отсутствия единства мнения в доктрине в вопросе отнесения или неотнесения правовой позиции к источникам гражданского права, правовая позиция, с учетом приближенности содержания к реальности гражданского оборота, направленного на регулирование быстроразвивающихся отношений, заслуживает признания в качестве источника гражданского права.

На основании эмпирического подхода делаем вывод о том, что действующая сфера гражданского права прямо либо косвенно регулируется правовыми позициями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Данная точка зрения подтверждается приведенными в настоящем исследовании примерами, которые не исчерпывают список всех постановлений и определений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Приведенные в работе примеры затрагивают вопросы, не имеющие в законе однозначного регулирования или вовсе не имеющие регулирования. Это вопросы качественного критерия крупной сделки и продажи доли в рамках процедуры банкротства, которые, благодаря выработанным правовым позициям высших судов, обеспечивают закрытие пробелов и несовершенство действующего гражданского законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Правовые акты РФ // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=query&cacheid=4E49B5FBF5C715FD37C199B6999E004F&NOQUERYLOG=1&from=button&ts=iMehraUDjM4zxLGG&rnd=zWf2kQ#zcehraUi2FIUy1dM2> (дата обращения: 04.02.2025).
2. Правовые акты РФ // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=query&cacheid=2A5F2FDD4DBE611256F0D66C8B17E496&NOQUERYLOG=1&from=button&ts=nJdjraUwvmbas40W1&rnd=W1fx5g#dPdjraUQfJLn9RwC2> (дата обращения: 04.02.2025).
3. Основные положения гражданского права : постстатьйный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020.
4. Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. 2000. № 7.
5. Шульга И. В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории) : дис. .... канд. юрид. наук. М., 2015.
6. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // С3 РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
7. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // С3 РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
8. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1988.
9. Русская правда // Хронос : сайт. URL: <https://hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php?ysclid=m8lhwezkz961002360> (дата обращения: 04.02.2025).
10. Русская правда (пространная редакция) // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-russi-tom-4/14 (дата обращения: 04.02.2025).
11. Сокращенная русская правда // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова : сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/intro.htm> (дата обращения: 04.02.2025).
12. Стоглав // Азбука веры : сайт. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/> (дата обращения: 04.02.2025).
13. Псковская судная грамота // Дилетант : сайт. URL: <https://diletant.media/articles/38915864/?ysclid=m8lic1oz3r4058322> (дата обращения: 04.02.2025).
14. Новгородская судная грамота // Россия: Библиотека Пашкова : сайт. URL: <https://constitutions.ru/?p=5184&ysclid=m8lihayixy934386164> (дата обращения: 04.02.2025).
15. Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. // НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде : сайт. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/fundgoszak1906?ysclid=m6brbe1ppf455462604> (дата обращения: 04.02.2025).
16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата об обращения: 20.03.2025).

17. Кучин М. В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы : монография. М. : Юрайт, 2024.
18. Осипов М. Ю. Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества. М. : РИОР, 2015.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // С3 РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Шеставина» // С3 РФ. 2023. № 21. Ст. 3793.
21. Анишина В. И. Правотворчество в деятельности Верховного Суда Российской Федерации: форма и проблемы реализации // Российский судья. 2011. № 11.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 дек. № 260.
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. 2 июля. № 144.
24. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 августа 2024 г. № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Алексеев С. С. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Норма ; ИНФРА-М, 1998.
26. Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 19. Ст. 621.
27. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011.

References

1. Legal Acts of the Russian Federation. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=query&cacheid=4E49B5FBF5C715FD37C199B6999E004F&NOQUERYLOG=1&from=button&ts=iMehraUDjM4zxLGG&rnd=zWf2kQ#zcehraUi2FIUy1dM2> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
2. Legal Acts of the Russian Federation. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=query&cacheid=2A5F2FDD4DBE611256F0D66C8B17E496&NOQUERYLOG=1&from=button&ts=nJdjraUwvmbas40W1&rnd=W1fx5g#dPdjraUQfJLn9RwC2> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
3. Karapetov A. G. (ed.). The Main Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2020. (In Russ.)

4. Anishina V. Legal Positions of the Constitutional Court of Russia. *Russian Justice*, 2000, no. 7. (In Russ.)
5. Shulga I. V. The Concept and Types of Legal Positions of the Supreme Court of the Russian Federation (Issues of Theory): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2015. (In Russ.)
6. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 13, art. 1447. (In Russ.)
7. Federal Constitutional Law of February 5, 2014 No. 3-FKZ "On the Supreme Court of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 6, art. 550. (In Russ.)
8. David R. Basic Legal Systems of Modernity. Moscow: Progress, 1988. (In Russ.)
9. Russian Truth. URL: <https://hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php?ysclid=m8lhwwwezkz961002360> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
10. Russian Truth (extensive edition). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
11. Abbreviated Russian Truth. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/intro.htm> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
12. Stoglav. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
13. Pskov Court Certificate. URL: <https://dilettant.media/articles/38915864/?ysclid=m8lic1oz3r4058322> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
14. Novgorod Court Documents. URL: <https://constitutions.ru/?p=5184&ysclid=m8lihayixy934386164> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
15. Basic State Laws of April 23, 1906. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/fund_goszak1906?ysclid=m6brbe1ppf455462604 (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
16. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on January 7, 2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)
17. Kuchin M. V. Judicial Rulemaking: Conceptual Foundations: Monograph. Moscow: Iurait, 2024. (In Russ.)
18. Osipov M. Iu. The Concept and Correlation of Legal Regulation and Law-Making. Moscow: RIOR, 2015. (In Russ.)
19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 1998 No. 19-P "In the Case Concerning the Interpretation of Certain Provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 25, art. 3004. (In Russ.)
20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2023 No. 23-P "In the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Paragraph 1 of Article 250 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen V. V. Shestavin". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 21, art. 3793. (In Russ.)

21. Anishina V. I. Law-Making in the Activities of the Supreme Court of the Russian Federation: Form and Problems of Implementation. *Russian Judge*, 2011, no. 11. (In Russ.)
22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2003 No. 23 "On the Court Decision". *Rossiiskaia Gazeta*, December 26, 2003, no. 260. (In Russ.)
23. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021 No. 16 "On the Application by Courts of the Norms of Civil Procedure Legislation Regulating Proceedings in the Court of Appeal". *Rossiiskaia Gazeta*, July 2, 2021, no. 144. (In Russ.)
24. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of August 15, 2024 No. 305-ES24-8216 in Case No. A41-62370/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
25. Alekseev S. S. Theory of the State and Law: Textbook for Law Schools and Faculties. Moscow: Norma; INFRA-M, 1998. (In Russ.)
26. The Law of the RSFSR of May 6, 1991 "On the Constitutional Court of the RSFSR". *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation*, 1991, no. 19, art. 621. (In Russ.)
27. Sukhanov E. A. (ed.). Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1: The General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Property Rights. Personal Non-Property Rights. Moscow: Statut, 2011. (In Russ.)

Сведения об авторах:

И. В. Костюк – кандидат юридических наук.
О. Г. Захария – студент 3-го курса.

Information about the authors:

I. V. Kostyuk – PhD in Law.
O. G. Zakhariya – Third-Year Student.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 07.02.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-198-206>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Наима Абдул-Керимовна Палчаева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

plchva@mail.ru

Аннотация

В представленной статье автор рассматривает основные подходы к определению правовой природы пользовательского соглашения с цифровой платформой, сложившиеся в доктрине и на практике. Актуальность исследования обусловлена быстрыми темпами развития предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ и отсутствием в действующем законодательстве отдельных норм, регулирующих вопросы заключения пользовательских соглашений. В связи с этим на практике возникают сложности в применении к ним тех или иных положений закона. Цель работы – дать определение пользовательскому соглашению и выделить его существенные условия. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, общенаучные и специально-юридические методы. В статье отмечены проблемы существующего порядка заключения пользовательских соглашений и риски, возникающие у пользователей, что подчеркивает необходимость стандартизации таких соглашений и включения в них положений, гарантирующих защиту прав пользователей цифровых платформ.

Ключевые слова: пользователь; пользовательское соглашение; лицензионное соглашение; договор возмездного оказания услуг; цифровая платформа; публичная оферта; правила пользования; ответственность; интернет-ресурс.

Для цитирования: Палчаева Н. А. Правовая природа пользовательского соглашения // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 198–206. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-198-206>

Research Article

THE LEGAL NATURE OF THE USER AGREEMENT

Naima A. Palchaeva

Lomonosov Moscow State University, 1, Bldg. 13 Leninskie Gory,
Moscow, 119234, Russia
plchva@mail.ru

Abstract

In the presented article, the author examines the main approaches regarding the legal nature of the user agreement with the digital platform, which have developed in doctrine and in practice. The relevance of the study is due to the rapid pace of business development using digital platforms and the absence of separate norms in the current legislation governing the conclusion of user agreements, which makes it difficult in practice to apply certain legal norms to them. The purpose of the work is to define the user agreement and highlight its essential terms. The methodology consists of the dialectical method, general scientific and special legal methods. The article highlights the problems of the existing procedure for concluding user agreements and the risks that arise from the user, which emphasizes the need to standardize agreements and include provisions in them that guarantee the protection of users on the platform.

Keywords: user; user agreement; license agreement; contract for the provision of paid services; digital platform; public offer; terms of use; responsibility; Internet resource.

For citation: Palchaeva N. A. The Legal Nature of the User Agreement. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 198–206. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-198-206>

Введение

Появление Интернета ознаменовало новую эпоху в развитии мировой экономики. Процессы цифровизации и автоматизации многих существующих процессов создали новую цифровую среду, в которой возникли ресурсы для поиска и публикации информации, в последствии ставшие неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Одними из таких ресурсов стали цифровые платформы, которые отличаются своим многообразием и функциональностью.

Цифровая платформа представляет собой сложную информационную систему, которая используется для осуществления различных видов предпринимательской деятельности. Однако большинство пользователей не обращают внимания

на то, как они получают доступ к различным видам цифровых платформ и способны осуществлять какие-то действия на этой платформе. Ключевым элементом для построения правоотношений с оператором цифровой платформы выступает пользовательское соглашение. Чтобы использовать ресурсы или контент платформы, пользователи должны принять пользовательское соглашение конкретного интернет-ресурса, и только после этого он получает к нему доступ [1, с. 86].

Понятие и правовая природа пользовательского соглашения

Пользовательское соглашение – это соглашение двух (или более) сторон, одна из которых является оператором цифровой платформы (включая социальные сети), а другая пользователем, об установлении гражданских прав и обязанностей при использовании цифровой платформы.

Оператором цифровой платформы может выступать (в зависимости от вида цифровой платформы) физическое или юридическое лицо, уполномоченное заключать пользовательское соглашение от лица платформы и действующее в соответствии с внутренними правилами платформы.

В качестве пользователя цифровой платформы может выступать любой субъект гражданских прав, если платформой не установлены специальные ограничения (возраст пользователя, наличие полной дееспособности и т.д.).

Пользовательское соглашение – это договор, заключаемый посредством публичной оферты. Согласно п. 2 ст. 437 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) публичной офертой признается содержащее все существенные условия договора предложение, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется.

Существенными условиями любого договора выступают условия о его предмете, а также существенные условия, определенные в качестве таковых законом или иными правовыми актами как существенные или необходимые для данного вида договоров, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Относительно существенных условий М. И. Брагинский и В. В. Витрянский писали, что речь идет об условиях, формирующих договоры в целом и их отдельные типы (виды) в частности. Исходя из этого существенными, по общему признанию, являются условия, необходимые и достаточные для того, чтобы договор считался заключенным и тем самым способным породить права и обязанности у его сторон [2, с. 284].

В качестве существенного условия пользовательского соглашения выступает предмет соглашения. Для пользовательского соглашения предметом договора является оказание услуги посредством предоставления доступа к цифровой платформе. Доступ может осуществляться в нескольких формах: в виде доступа к программному обеспечению, в виде организации покупки и продажи, или в виде доступа к соцсетям (к коммуникации). Обеспечение коммуникации является неотъемлемой частью услуги по предоставлению доступа к платформе.

Предмет пользовательского соглашения предопределяется разновидностью пользовательского соглашения, выделенного по субъектному составу. Так, для циф-

ровых платформ, занимающихся размещением объявлений, предметом договора будет использование на условиях простой неисключительной лицензии программ для ЭВМ и базы данных в установленных соглашением пределах за соответствующую плату со стороны пользователя. Для цифровой платформы-маркетплейса предметом договора может быть услуга по предоставлению возможности пользователю приобрести товар на платформе или иные виды услуг, которые должны быть оказаны через платформу, и т.д.

Сама обязанность заключать пользовательское соглашение вытекает из предпринимательского характера деятельности с использованием цифровой платформы. Отношения между оператором платформы и пользователем отвечают признаком гражданско-правовых, что приводит к необходимости облечь эти отношения в правовую форму (договор).

Основной целью пользовательского соглашения является установление условий, на которых пользователь может использовать соответствующую цифровую платформу (социальную сеть). Оно ограничивает обязательства оператора платформы, предотвращает злоупотребления при использовании программного обеспечения, объясняет, как лицензируется программное обеспечение, и разъясняет условия, при которых соглашение может быть расторгнуто. На практике принято разделять цели такого соглашения на две группы: заявленные и реальные.

Заявленные цели включают в себя намерение бизнеса рассказать о возможностях продукта, описать порядок работы с клиентами и дать исчерпывающие представления о средствах юридической защиты. Реальные цели более прагматичны – компаниям необходимо ограничить ответственность и защитить интеллектуальную собственность [4].

В доктрине также предлагаются выделять ряд признаков, присущих пользовательским соглашениям [5, с. 157]:

- 1) выступает в качестве правил использования программного обеспечения;
- 2) может рассматриваться в качестве публичной оферты;
- 3) согласие с его условиями выступает обязательным для любого пользователя.

На сегодняшний день существует несколько точек зрения относительно правовой природы пользовательского соглашения. На практике, ряд юристов, отмечают, что пользовательское соглашение обладает природой **смешанного договора** и является смешанной и непоименованной гражданским законодательством сделкой, которая заключается в виртуальном пространстве [4]. Учитывая невозможность изменения содержания такого соглашения, они либо принимают условия и пользуются ресурсом, либо отказываются и доступ к сервису тоже прекращается, то тогда можно квалифицировать пользовательское соглашение как **договор присоединения** по смыслу ст. 428 ГК РФ. Существует и точка зрения, согласно которой пользовательские соглашения представляют собой **«локальные законы»**, разработанные компаниями на основании наиболее удобной договорной конструкции, позволяющей нивелировать ответственность при возникающих правовых спорах [6, с. 43].

Действующее гражданское законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих порядок и способы заключения пользовательских соглашений, они не выделяются в качестве новой гражданско-правовой формы договоров.

ра. Принимая во внимание многообразие цифровых платформы и соответственно пользовательских соглашений, используемых платформами, весь массив уже существующих соглашений можно разделить на две группы: пользовательские соглашения с элементами лицензионного договора и пользовательские соглашения с элементами договора возмездного оказания услуг.

Стоит отметить, что лицензионное соглашение и пользовательское соглашение не тождественны друг другу. Пользовательское соглашение произошло от лицензионного в силу развития цифровой среды и появления новых услуг и объектов в этой среде. В ГК РФ существуют нормы, подробно регулирующие порядок и последствия заключения лицензионных договоров. В соответствии с п. 1 ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) – предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах.

Использование программ ЭВМ традиционно оформляется лицензионным договором, однако на сегодняшний день в доктрине не установлена тождественность ЭВМ и цифровой платформы. Заключая пользовательское соглашение, пользователь не всегда получает доступ к самостоятельным охраняемым результатам интеллектуальной деятельности. И квалификация права доступа к платформе как лицензионного соглашения верна лишь отчасти, когда мы используем программное обеспечение, позволяющее генерировать контент, так как в иных случаях это лишь доступ к инфраструктуре. Цель лицензионного соглашения – дать возможность lawально использовать чужую интеллектуальную собственность для решения собственных задач, однако не всё в цифровой среде преследует цель использовать чужую интеллектуальную собственность; иногда пользователь хочет получить информационную услугу или доступ к информационному продукту, в таких случаях используется другой вид пользовательского соглашения [7, с. 133].

Пользовательское соглашение также рассматривают через призму договора возмездного оказания услуг. По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (п. 1 ст. 779 ГК РФ).

Предметом исполнения по данному договору будет полученный заказчиком полезный эффект от совершения исполнителем определенных действий либо осуществления им определенной деятельности, причем важнейшей характеристикой является качество услуг. Цифровая платформа изначально преследует цель создания площадки для обеспечения взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности между собой и с потребителями. Еще одним подтверждением наличия элементов договора услуг в соглашении служат обязательства оператора платформы. В его обязанности входят поддержание работоспособности платформы, обеспечение бесперебойного доступа к ней, предоставление пользователям информации о реализуемых посредством платформы товарах, работах и услугах, что можно определить как ряд услуг, оказываемых на платформе.

В текстах пользовательских соглашений нередко можно встретить прямое указание на то, что предметом соглашения является оказание оператором платформы различных услуг. Так, в п. 3.1 Пользовательского соглашения «Яндекс Маркета»: «Сервис предназначен для заказа Пользователем услуг по доставке Товаров, предлагаемых Продавцами на Сервисе, оплаты и приобретения Продуктов цифрового контента, а также осуществления предварительного бронирования Товаров для здоровья и алкогольной продукции на Сервисе для последующего их приобретения в стационарной аптеке/стационарном магазине Продавца».

Отождествление отношений по допуску к сетевой инфраструктуре с оказанием услуг подтверждается и правоприменительной практикой. ФАС России также квалифицирует пользовательские соглашения как оказание услуг по обеспечению доступа к онлайн-платформам [8].

Пользовательские соглашения можно классифицировать по двум основным критериям: интернет-ресурс, на котором оно заключается, и способ его заключения. Классификация по первому критерию достаточно обширна ввиду множества цифровых платформ (социальных сетей) и других ресурсов, использующих соглашения. По способу заключения пользовательские соглашения принято разделять на два вида: соглашения, которые не нужно самостоятельно принимать (подписывать), и соглашения, которые требуют действия со стороны пользователя.

В первом случае, речь идет о таких соглашениях, как соглашения о просмотре (*browsewrap*), которые являются популярным выбором среди некоторых владельцев веб-сайтов из-за их простого внешнего вида и функциональности. Как правило, они отображаются в виде гиперссылки в нижней части экрана пользователя, указывающей на то, что использование сайта подразумевает согласие пользователя соблюдать любые существующие пользовательские соглашения (пользователю не нужно сначала согласиться с условиями соглашения и только потом получить доступ к ресурсу, с таким соглашением все делается автоматически).

Второй вариант соглашений требует, чтобы пользователи давали согласие на использование программы или сервиса в рамках параметров пользовательского соглашения. Обычно это делается путем установки галочки. В некоторых соглашениях галочка установлена в конце, и пользователям необходимо просмотреть его, прежде чем ее устанавливать. Такие соглашения (*Clickwrap*) имеют гораздо более строгую юридическую силу, чем их аналоги с *browsewrap*, поскольку пользователям необходимо установить галочку, нажать на кнопку или иным образом указать, что они ознакомились с соглашением. Благодаря этому провайдеры могут ограничить свои риски, не оказывая негативного влияния на работу пользователей.

В пользовательском соглашении можно выделить общие положения, которые характерны для всех пользовательских соглашений независимо от вида цифровой платформы, на которой оно заключается. Среди них:

1) положения о правах и обязанностях пользователя и оператора. Для пользовательских соглашений больше характерно излагать систему прав и обязанностей через систему запретов для пользователей и разрешений для оператора. Так, например, оператор платформы вправе устанавливать ограничения в использовании сервисов для всех пользователей, либо для отдельных категорий, он так-

же может направлять информационные сообщения или рекламу без специального согласия пользователя. Пользователю сервиса запрещено осуществлять ряд действий с контентом платформы, а также осуществлять любые действия нарушающие права и интересы третьих лиц;

2) положение о внесении изменений. Как правило, оператор платформы не принимает встречных предложений от пользователя по изменению содержания соглашения, оно остается единым для всех. А также за оператором сохраняется право в любой момент вносить изменения в данное соглашение без предварительного уведомления пользователей. На сегодняшний день Минэкономразвития РФ подготовили законопроект «О платформенной экономике в РФ», где представлены положения устанавливающие ограничения на количество и периодичность внесения изменений в пользовательские соглашения оператором платформы (вносить изменения не чаще одного раза в три месяца с предварительным уведомлением за 15 дней до вступления данных изменений в силу) [3];

3) положение о нарушении условий договора. Здесь определяется, что является нарушением договора именно со стороны пользователя. Эти положения служат руководством для пользователей относительно того, как они могут/не могут использовать платформу. Еще одним необходимым условием является положение об ответственности. Для пользовательских соглашений характерно исключение какой-либо ответственности оператора перед пользователями, кроме тех случаев, когда это прямо следует из закона;

4) положение о выборе применимого права (арбитражная оговорка). Наличие такого раздела в соглашении характерно для международных платформ (социальных сетей). В нем определяется закон, который регулирует возникшие между сторонами соглашения отношения. Как правило, применимые законы относятся к географическому положению поставщика, а не конечного пользователя. Это положение является необходимым и важным для пользовательского соглашения цифровой платформы, поскольку оно полностью регулирует вопросы относительно споров, вытекающих из соглашения, и определяет порядок действий сторон при переходе на судебную стадию разбирательств.

Со стороны цифровой платформы такие соглашения очень удобны и ускоряют процесс оказания услуг и продажи товаров. Но с точки зрения пользователя всё представляется достаточно сложным. Из-за большого объема пользовательского соглашения возникает фундаментальная асимметрия между операторами платформ и пользователями [9, с. 56]. Такое соглашение неограниченно по сроку своего действия. Большинство пользователей не читают эти соглашения, и, принимая во внимание их объем и язык написания, даже после прочтения достаточно сложно понять каждый отдельный пункт. Тем не менее суды часто рассматривают такие соглашения как действительные договоры, подлежащие исполнению, и не имеет значения, читал ли его потребитель или мог ли потребитель разумно ознакомиться с ним. Поскольку суды подходят к современным отношениям с использованием традиционных договорных доктрин, такие понятия, как обоснованное уведомление, адаптированы к онлайн-среде заключения договоров.

Заключение

Пользовательское соглашение представляет собой договор, который вобрал в себя элементы разных договорных конструкций и в силу постоянного развития цифровой среды всё более усложняется. Сложность, связанная с такой неопределенностью, прежде всего возникает в ситуации применения к пользовательским соглашениям тех или иных норм гражданского законодательства с целью осуществить защиту прав и законных интересов пользователей. Операторы цифровых платформ используют сложившуюся ситуацию в свою пользу и включают в пользовательские соглашения положения, которые вносят явную асимметрию в правах и обязанностях сторон. Представляется необходимым для внесения ясности в вопрос правовой природы данного соглашения и предотвращения дальнейшего использования правовой неопределенности в пользу сильной стороны такого соглашения принять определенный стандарт пользовательского соглашения, в который будут включены положения об ответственности оператора, ограничения внесения изменений в соглашения и т. д. Этот стандарт может дополняться и изменяться для конкретного вида интернет-ресурса, но при этом должен включать в себя неизменяемые положения, которые гарантируют защиту пользователю платформы.

Пристатейный библиографический список

1. Гасанов А. Я. Правовая природа пользовательских соглашений оказания услуг с использованием цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М. : Статут, 2001.
3. Проект федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/11-24/00152517) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Пользовательское соглашение: инструкция по составлению // Zakon.ru : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/08/polzovatelskoe_soglashenie_instrukciya_po_sostavleniyu (дата обращения: 22.03.2025).
5. Гаврилов В. Н., Рассказов А. А., Чиркаев С. А. Правовое регулирование пользовательского соглашения в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3 (152).
6. Глонина В. Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24.
7. Рожкова М. А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46).
8. Рекомендации Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий и Экспертного совета ФАС России по развитию конкуренции в сфере розничной торговли «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов» // ФАС России : сайт. URL: <https://fas.gov.ru/documents/684828> (дата обращения: 22.03.2025).

9. *Samples T., Ireland K., Kraczon C.* The Law and Linguistics of Social Platform Terms-of-Use // *Berkeley Technology Law Journal*. 2024. Vol. 39. Iss. 1.

References

1. *Khasanov A. Ia.* The Legal Nature of User Agreements for the Provision of Services Using Digital Technologies. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1. (In Russ.)
2. *Braginskii M. I., Vitrianskii V. V.* Contractual Law: General Provisions. Moscow: Statut, 2001. (In Russ.)
3. Draft Federal Law "On the Platform Economy in the Russian Federation" (prepared by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, project ID 02/04/11-24/00152517) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. User Agreement: User Manual. URL: <https://zakon.ru/blog/2020/12/08/user-agreement-of-the-institute-of-management> (date of the application: 22.03.2025). (In Russ.)
5. *Gavrilov V. N., Rasskazov A. A., Cherkaev S. A.* Legal Regulation in Russia. *Bulletin of the Saratov State Academy*, 2023, no. 3 (152). (In Russ.)
6. *Glonina V. N.* Not Everything Is as Simple as It Seems at First Glance, What Do You Call: Thorough Government Research on Regulation of Various Types of Activities. *Science of Intellectual Law*, 2019, no. 24. (In Russ.)
7. *Rozhkova M. A.* On the Differences Between a License Agreement and a User Agreement. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2024, no. 4 (46). (In Russ.)
8. Recommendations of the FAS Expert Council on the Development of Competition in the Field of Information Technology and the FAS Expert Council on the Development of Competition in Retail Trade "On Practices in the Field of the Use of Information Technology in Trade, Including Those Related to the Use of Pricing Algorithms". URL: <https://fas.gov.ru/documents/684828> (date of the application: 22.03.2025). (In Russ.)
9. *Samples T., Ireland K., Kraczon C.* The Law and Linguistics of Social Platform Terms-of-Use. *Berkeley Technology Law Journal*, 2024, vol. 39, iss. 1.

Сведения об авторе:

Н. А. Палчева – аспирант.

Information about the author:

N. A. Palchaeva – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 13.05.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья

УДК 34: 608

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-207-221>

ПОНЯТИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Ярослав Артурович Парфенчиков

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

yparfenchikov@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу понятия биологической безопасности в законодательстве Российской Федерации и других стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Актуальность темы исследования обусловлена развитием законодательства в области биологической безопасности, усилением международного сотрудничества в данной сфере, а также ключевым значением понятия «биологическая безопасность» для эффективного развития этого института. В настоящее время комплексные научные исследования по данной теме отсутствуют. Цель настоящего исследования заключается в раскрытии содержания понятия «биологическая безопасность» в законодательстве Российской Федерации, проведении сравнительно-правового анализа указанного понятия и аналогичных понятий в законодательстве других стран – участниц СНГ, а также в выявлении их общих и различных черт. Автором с использованием формально-юридического и сравнительно-правового методов выявлены элементы понятия биологической безопасности; на их основании проведен сравнительный анализ понятий в законодательстве стран – участниц СНГ и сделан вывод о наиболее полном характере определения биологической безопасности в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: биологическая безопасность; законодательство государств – участников СНГ; опасный биологический фактор; биологический риск; защита населения и окружающей среды.

Для цитирования: Парфенчиков Я. А. Понятие биологической безопасности в законодательстве государств – участников СНГ: сравнительно-правовой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 207–221. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-207-221>

Research Article

THE DEFINITION OF BIOLOGICAL SAFETY IN THE LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Yaroslav A. Parfenchikov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1, Azovskaya St.,
Moscow, 117638, Russia
yparfenchikov@inbox.ru

Abstract

This work is devoted to the comparative legal analysis of the definition of biological safety in the legislation of the Russian Federation and in other states of the Commonwealth of Independent States (CIS). The relevance of the topic of the presented research is determined by the development of legislation in the field of biological safety, the strengthening international cooperation in this sphere and the key aspect of the definition «biological safety» for evolution of this institute. Nowadays there are not any scientific researches in this sphere. The purpose of this study is to reveal the content of the definition of biological safety in the legislation of the Russian Federation, to compare this definition with the same ones in other CIS countries, to find some common features and differences between them. The author of the study, analyzing with the help of formal legal and comparative legal scientific studies, has revealed the constituent elements of the definition of biological safety, and based on them the comparative analysis of the definitions of biological safety in the legislation of the CIS countries has been made, the conclusion about a broader understanding of biological safety in the legislation of the Russian Federation was made.

Keywords: biological safety; legislation of the CIS countries; dangerous biological factors; biological risk; population and environmental protection.

For citation: Parfenchikov Ya. A. The Definition of Biological Safety in the Legislation of the CIS Countries: Comparative Legal Analysis. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 207–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-207-221>

Введение

В настоящее время вопросы правового регулирования биологической безопасности в Российской Федерации занимают важнейшее место в научном, политическом, общественном дискурсе. Так, актуальность проблемы развития научных исследований в области обеспечения биологической безопасности подчеркнута в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия национальной безопасности) [1].

Повышение внимание к проблемам биологической безопасности имеет под собой вполне объективные причины. Технологический прогресс и систематизация накопленных за прошедшее столетие знаний привели к развитию молекулярной и клеточной биологии, микробиологии, генетики и других биологических наук. Развитие медицинской науки вывело на новый уровень знания человечества о таящих в себе опасность патогенах, т.е. различных микроорганизмах, вирусах, прионах, токсинах и иных опасных биологических факторах. Данные знания нашли практическое применения во многих отраслях производства, начиная от фармацевтики и сельского хозяйства, заканчивая, к сожалению, военными технологиями. Синтез различных областей науки привел к актуализации вопросов обеспечения биологической безопасности не только в области медицины, но и для иных научных и практических сфер человеческой деятельности. Таким образом, если ранее можно было говорить о биологической безопасности как о защите населения от различного рода инфекций, то теперь данное понятие стало намного шире по своему содержанию.

Вышеуказанные процессы требовали ответа и на законодательном уровне. В 2020 г. был принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 492-ФЗ), который в том числе закрепил понятие «биологическая безопасность» [2]. Необходимость разработки понятийного аппарата в области биологической безопасности в области юридической науки невозможно оспаривать, поскольку «обладание ясными общими понятиями есть необходимый элемент всякого знания и непременный фактор всякого научного прогресса» [3, с. 50]. При этом следует отметить, что вопросу концептуализации данной сферы общественных отношений уделялось внимание в отечественной науке до принятия соответствующего законодательного акта как учеными-юристами, так и в рамках междисциплинарных научных исследований. Традиционно в науке предлагались узкий и широкий подходы к понятию «биологическая безопасность». В узком смысле биологическая безопасность определялась «наличием международных требований при работе (диагностической, производственной, экспериментальной) с патогенными биологическими агентами в соответствии с регламентированными уровнями биологической опасности и безопасности» [4, с. 4]. В широком смысле под биологической безопасностью понималось «состояние защищенности населения (личности, общества, государства) от прямого и/или опосредованного через среду обитания (производственная, социально-экономическая, geopolитическая сфера, экологическая система) воздействия опасных биологических факторов» [5, с. 5].

Принимая во внимание, что фундаментом построения любой отрасли научного знания является формулирование ясных, точных и максимально объемлющих понятий, полагаем необходимым рассмотреть закрепленное в п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 492-ФЗ понятие «биологическая безопасность», раскрыть его содержание, а также провести сравнительно-правовой анализ синонимичных понятий, нашедших легальное закрепление в нормативных правовых актах иных государств-участников СНГ.

1. Понятие «биологическая безопасность» в российском законодательстве

Под биологической безопасностью в Федеральном законе № 492-ФЗ понимается «состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска» [2]. Интересно отметить, что для законодателя предпочтительным оказался именно широкий подход к определению биологической безопасности.

Содержание указанного понятия можно реструктуризовать на следующие элементы.

Во-первых, сущность биологической безопасности в указанном выше определении заключается в обеспечении состояния защищенности, которое характеризуется достижением допустимого уровня биологического риска.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что собственно термин «безопасность» в контексте понятия «биологическая безопасность» синонимичен «состоянию защищенности».

Требуется отметить, что приведенное выше соотношение непосредственно коррелирует с терминологией, установленной в Стратегии национальной безопасности, в которой под национальной безопасностью понимается такое состояние защищенности, «при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [1].

В данном контексте представляет интерес то, что сама формулировка «состояние защищенности» может трактоваться как наличие механизма противодействия тем угрозам, которые объективно существуют. В этой связи остается спорным вопрос о том, равноцenna ли безопасность, а именно биологическая безопасность как частный элемент в составе общего, отсутствию какого-либо риска.

Кроме того, состояние защищенности в контексте биологической безопасности характеризуется обеспечением допустимого уровня биологического риска. Исходя из п. 3 и 4 ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 492-ФЗ под биологическим риском следует понимать «вероятность причинения вреда здоровью человека, животным, растениям и (или) окружающей среде в результате воздействия опасных биологических факторов», а допустимость уровня биологического риска заключается в обеспечении условий для защиты населения и охраны окружающей среды [2]. Таким образом, допустимым может считаться исключительно такой уровень биологического риска, который может быть парирован при помощи существующего комплекса мер, направленных на выявление, предупреждение и устранение биологических угроз.

Указанный фактор, который является критерием достижения состояния защищенности от биологических угроз, можно обозначить как критерий допустимости.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что состояние защищенности, достигаемое при условии соблюдения критерия допустимости, является сущностной характеристикой, определяющей уровень защиты, на реализацию которой направлена вся система обеспечения биологической безопасности, и формулировка которой является ядром самого понятия «биологическая безопасность».

Во-вторых, в качестве объектов защиты в сфере биологической безопасности выступают население и окружающая среда.

Обращаясь к положениям ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», отмечаем, что окружающая среда представляет собой совокупность компонентов природной среды (земля, недра, почва, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство), природных (экологическая система, природный ландшафт и их элементы) и природно-антропогенных объектов (измененные в результате деятельности человека природные объекты), а также антропогенных объектов [6].

В свою очередь, под населением можно понимать «совокупность лиц, находящихся на определенную дату на территории Российской Федерации» (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 января 2002 г. № 8-ФЗ «О Всероссийской переписи населения») [7]. В этой связи можно сделать вывод о том, что к защищаемым лицам относятся не только граждане Российской Федерации, но и иностранные граждане и лица без гражданства, легально находящиеся на территории нашего государства.

Можно отметить, что в науке существует мнение об узости предлагаемого в Федеральном законе № 492-ФЗ подхода к определению круга лиц, на защиту которых направлена реализация биологической безопасности, поскольку «он не охватывает человека как индивида, который имеет безусловное право на биологическую безопасность, не касается отдельных наиболее уязвимых или особо нуждающихся в защите категорий населения, таких как дети, инвалиды, пожилые люди, беременные женщины, спортсмены, военнослужащие, комбатанты и др.» [8, с 14]. Отметяя безусловную правильность позиции, касательно необходимости повышенной степени обеспечения биологической безопасности отдельных категорий населения, все же полагаем необходимым высказать мнение о целесообразности правового регулирования данных аспектов в специальных нормах Федерального закона № 492-ФЗ, но не в пределах содержания понятия «биологическая безопасность».

Исходя же из установленных в Федеральном законе № 492-ФЗ субъектов защиты биологическая безопасность обеспечивает состояние защищенности всей совокупности объектов материального мира, относящихся как к живой, так и к неживой природе.

В-третьих, биологическая безопасность подразумевает защиту именно от опасных биологических факторов, т.е. «событий, условий, свойств, эпидемических, эпизоотических, эпифитотических процессов или их комбинаций, являющихся причиной возможного воздействия патогенных биологических агентов (патогенов),

паразитических организмов и содержащих их объектов, которые способны нанести вред здоровью человека, животным и (или) растениям, продукции животного и (или) растительного происхождения и (или) окружающей среде» [2].

Полагаем необходимо отметить, что эпидемический (эпизоотический или эпифитотический) процесс можно рассматривать, в том числе, как «непрерывный процесс следующих друг за другом и вытекающих один из другого инфекционных состояний» (по мнению Л. В. Громашевского), «последовательное воспроизведение инфекций среди населения или животных» (по мнению Ш. Д. Мошковского), «ряд связанных между собой заражением и возникающих один из другого инфекционных очагов» (по мнению И. И. Елкина) [9, с. 11].

Здесь необходимо обратить внимание на то, что сами по себе патогены, как и их носители, не отнесены к опасным биологическим факторам. Опасность в рассмотрении законодателя представляют присущие патогенам естественные свойства либо некое не относящееся непосредственно к патогенам воздействие на них, которые могут повлечь причинение вреда живым организмам или окружающей среде, а также процессы возникновения заболеваний среди населения, животных или растений.

Кроме того, к опасным биологическим факторам относятся паразитические организмы и объекты, содержащие патогены или паразитические организмы. Принимая во внимание, что субстратами биологических угроз являются все среды обитания, люди, растения и животные, а также мир, созданный человеком, то их носители «одновременно являются и их источниками, оказывая на человека механическое, химическое, биологическое и иные формы влияния» [10, с. 31].

Рассмотренные три элемента можно условно назвать сущностной характеристикой, объектом защиты и фактором опасности.

2. Понятие «биологическая безопасность» в законодательстве государств – участников СНГ

Обращаясь к вопросу правового регулирования биологической безопасности необходимо отметить, что в п. 29 Стратегии национальной безопасности взаимовыгодное международное сотрудничество закреплено в качестве одного из стратегических национальных приоритетов, направленных на обеспечение и защиту национальных интересов Российской Федерации, а в подп. 32 п. 101 Стратегии национальной безопасности указано на необходимость расширения сотрудничества с государствами – участниками Содружества независимых государств (СНГ) в области укрепления биологической безопасности [1], в связи с чем особый научный интерес представляет компаративистский анализ понятий «биологическая безопасность» в законодательстве указанных стран с аналогичной дефиницией, закрепленной в Федеральном законе № 492-ФЗ. Особый интерес данный анализ представляет ввиду того, что до сих пор отсутствует модельный закон Межпарламентской ассамблеи СНГ, в котором понятие «биологическая безопасность» получило бы рамочное содержание.

2.1. Понятие «биологическая безопасность» в законодательстве Республики Беларусь

В Белоруссии система национальной безопасности, в том числе биологической безопасности, начала формироваться с 2002 г., когда в соответствии с постановлением Совета министров Республики Беларусь от 5 июня 2002 г. № 734 «О мерах по реализации положений Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии» был сформирован Национальный центр координационный центр биобезопасности при Институте генетики и цитологии (НКЦБ) [11], задачами которого стали, в том числе сбор, анализ, систематизация информации о законодательстве и научных исследованиях в сфере биологической безопасности [12, с. 72].

Тем не менее специальный закон о биологической безопасности в Белоруссии начал разрабатываться сравнительно недавно, а именно в 2021 г. В ст. 1 проекта Закона Республики Беларусь «О биобезопасности» (далее – законопроект) под биобезопасностью понимаются «аспекты безопасности в сфере генетико-инженерной деятельности» [13]. Таким образом, объем и содержание понятий биологическая безопасность в российском законодательстве и законопроекте кардинально отличались бы. Как было изложено ранее, в Федеральном законе № 492-ФЗ предлагается широкий подход к толкованию биологической безопасности, в то время как в законопроекте понятие «биобезопасность» фактически отождествляется с понятием «генетическая безопасность». При этом необходимо отметить, что феномен биологической безопасности является родовым по отношению к генетической безопасности, и безопасность в сфере применения генетических технологий реализуется в рамках обеспечения биологической безопасности [14, с. 148–161]. Кроме того, существование профильного Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-З «О безопасности генетико-инженерной деятельности» [15], в котором закреплено понятие «безопасность генетико-инженерной деятельности», нивелирует необходимость дополнительного урегулирования вопросов, связанных с обеспечение безопасности в данной области. Тем не менее до настоящего времени законопроект так и не принят, и, соответственно, понятие биологическая безопасность» не нашло закрепления на законодательном уровне.

Вместе с тем полагаем, что законодатель в Белоруссии отказался от вышеописанного механизма регулирования в пользу иного подхода. Так, в Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности, утвержденной в постановлении Совета министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 161 «О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности» биологическая безопасность определялась уже как «составление защищенности населения, животных и растений, окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска» [16]. Данная дефиниция практически идентична понятию, закрепленному в статье 1 Федерального закона № 492-ФЗ, за исключением расширения объекта защиты путем отдельного поименования животных и растений, в то время как в российском законодательстве объекты животного и растительного мира включены в состав окружающей среды.

Учитывая, что вышеуказанное понятие также содержится в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утв. решением Всебелорусского Народного Собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [17], полагаем, что правовое регулирование биологической безопасности в Белоруссии будет осуществляться в аналогичном России ключе и, как следствие, синонимичное понятие «биологическая безопасность» найдет закрепление и в белорусском законодательстве.

2.2. Понятие «биологическая безопасность» в законодательстве Республики Казахстан

Если обращаться к казахстанскому законодательству, то согласно п. 3 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 21 мая 2022 г. № 122-VII ЗРК «О биологической безопасности Республики Казахстан» (далее – Закон № 122-VII) биологическая безопасность – это «состояние защищенности людей и отдельных компонентов природной среды (атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, земной поверхности и почвенного слоя, растительного и животного мира и иных организмов (далее – отдельные компоненты природной среды) от опасных биологических факторов, в том числе обеспечивающее мерами биологической защиты» [18].

В данном определении важно обозначить три аспекта.

Во-первых, объект защиты, указанный Законом № 122-VII в понятии «биологическая безопасность», более узкий, чем в Федеральном законе № 492-ФЗ, поскольку биологическая безопасность по российскому законодательству направлена на защиту от биологических угроз также иных компонентов природной среды (озновного слоя атмосферы и околоземного космического пространства), природных, антропогенных и природно-антропогенных объектов [2].

Во-вторых, по Закону № 122-VII к опасным биологическим факторам относятся «событие, условие, свойство и (или) процесс, влекущие повышение рисков негативного воздействия патогенных биологических агентов и содержащих их объектов, носителей и переносчиков на здоровье людей, животных, растения, а также попадания патогенных биологических агентов в отдельные компоненты природной среды» [18]. Если в Федеральном законе № 492-ФЗ опасность обусловлена уже одной только возможностью воздействия патогена, способного нанести вред объектам защиты, то в данном случае идет речь о повышении риска негативного влияния в случае защиты организмов либо же о непосредственном попадании патогена в компонент природной среды.

В-третьих, в понятии «биологическая безопасность», закрепленном в Законе № 122-VII, появляется дефиниция «меры биологической защиты», которая не используется в Федеральном законе № 492-ФЗ.

2.3. Понятие «биологическая безопасность» в законодательстве Кыргызской Республики

В соответствии с Законом Кыргызской Республики от 23 января 2025 г. № 25 «О биологической безопасности в Кыргызской Республике» биологическая безопасность – это «состояние защищенности человека и окружающей среды от воздействия патогенных биологических агентов и/или продуктов современной био-

технологии, обеспечивающее путем реализации системы политических, правовых, экономических, технологических, биозащитных и иных мер» [19].

В указанном определении также идет речь о мерах биологической защиты, но уже как о составной части комплекса мер, характеризующихся дифференциацией метода регулирования и единством в области применения. Кроме того, к источникам биологической опасности в Киргизии отнесены не только патогенные биологические агенты, но и продукты современной биотехнологии. Биотехнологией является «область знания (возникшая на стыке биологии, биохимии, биофизики, генетики, эмбриологии, информатики, кибернетики, робототехники), изучающая возможности использования живых организмов, биологических систем, продуктов их жизнедеятельности для решения технологических задач, а также создания новых организмов, биологических систем, продуктов с заранее определенными свойствами, признаками, характеристиками» [20, с. 207]. Термин «биотехнология» напрямую не фигурирует в Федеральном законе № 492-ФЗ, однако биологическая безопасность также обеспечивается при использовании биотехнологий (особо стоит упомянуть медицинские биотехнологии и биофармацевтику, биоинженерию, производство биологического оружия) ввиду его корреляции с потенциальными биологическими угрозами [21, с. 61–62].

2.4. Понятие «биологическая безопасность» в Республике Таджикистан

В Таджикистане легальное понятие «биологическая безопасность» несколько отличается по своему содержанию от его аналогов в законодательстве других государств – участников СНГ, в том числе России. В Законе Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1759 «Об обеспечении биологической безопасности и биологической защиты» (далее – Закон № 1759) биологическая безопасность определяется как «обеспечение мер безопасности в сочетании с процедурами обеспечения биозащиты для уменьшения риска потери, хищения или применения контролируемых биологических агентов и токсинов в качестве биологического оружия, диверсии, биотerrorизма или технологии и практические методики по предотвращению их распространения и непреднамеренного высвобождения» [22].

Рассматривая приведенную дефиницию, следует отметить, что понимание безопасности здесь сводится к ее процедурной части, т.е. как к совокупности применяемых мер безопасности, процедур обеспечения биозащиты и практических методик по предотвращению намеренного или ненамеренного распространения опасных биологических факторов. В данном контексте можно говорить об уходе от «ситуационного понимания безопасности», которое является преобладающим в правовом пространстве СНГ.

Телеологическое назначение биологической безопасности в рассматриваемом понятии заключается в снижении риска, что по своей сути коррелирует с российским критерием допустимости как условием обеспечения необходимого уровня защиты от биологических угроз.

В то же время факторы опасности в Законе № 1759 ограничены теми биологическими агентами и токсинами, причинение вреда которыми осуществляется вследствие деятельности человека (биотerrorизм или биотехнология).

При этом объекты защиты от указанных биологических опасностей в пределах понятия «биологическая безопасность» не раскрываются.

2.5. Понятие «биологическая безопасность» в законодательстве Республики Молдовы

Говоря о молдавском опыте правового регулирования института биологической безопасности, следует отметить, что, несмотря на давнее наличие профильного закона, легальное определение «биологическая безопасность» в законодательстве Республики Молдовы отсутствует. Вместе с тем такое определение можно вывести из предмета правового регулирования Закона Республики Молдовы от 21 декабря 2001 г. № 755-XV «О биологической безопасности» (далее – Закон № 755-XV). Так, проанализировав преамбулу указанного закона, полагаем возможным сделать вывод о том, что биологическая безопасность в молдавском законодательстве понимается как специальный режим регулирования, разрешения и управления видами деятельности, связанными с получением, испытанием, производством, использованием и реализацией организмов, генетически модифицированных с применением методов современной биотехнологии, призванный обеспечить их осуществление в условиях, позволяющих предупредить, исключить или уменьшить риск неблагоприятного воздействия ГМО на здоровье человека, биологическое разнообразие, экологическое равновесие и качество окружающей среды [23].

Таким образом, биологическая безопасность в данном аспекте идентифицируется в качестве специального правового режима. В связи с этим отмечаем, что специальный правовой режим как правовая категория отличается определенной сферой управления (деятельность, связанная с получением, испытанием, производством, использованием и реализацией ГМО), специальным механизмом юридических средств принуждения и специфической формой, связанной с властью и подчинением [24, с. 211]. При этом фактор опасности в данном контексте сужается до использования ГМО, что опять же более узко по сравнению с подходом, принятым в российском законодательстве. Уровень защиты в Законе № 755-XV направлен на исключение или нивелирование биологического риска в отличии от Федерального закона № 492-ФЗ, где речь идет о достаточности существующих условий для защиты.

2.6. Понятие «биологическая безопасность» в законодательстве Республики Армения, Республики Азербайджан и Республики Узбекистан

В Армении, Азербайджане и Узбекистане в настоящее время профильные законы, регулирующие отношения в сфере биологической безопасности, не приняты и, соответственно, понятие «биологическая безопасность» не закреплено в законодательстве указанных стран.

В отношении Армении можно отметить, что в 2019 г. на заседании секретарей советов безопасности стран – участниц СНГ секретарь Совета безопасности Республики Армения заявил о разработке проекта закона «О биологической безопасности и биологической защите», который на институциональном уровне должен регулировать эту сферу. До настоящего времени соответствующий закон не принят. Тем не менее вопросы биологической безопасности регулируются общими нормами

отдельных нормативных правовых актов, в частности, Законом Республики Армения от 12 декабря 1992 г. № 3Р-43 «Об обеспечении санитарно-эпидемиологической безопасности населения Республики Армения» и Законом Республики Армения от 8 февраля 2023 г. № 3Р-11 «О генетически модифицированных организмах».

В Азербайджане ситуация с законодательным регулированием аналогична – легальное понятие «биологическая безопасность» в действующем законодательстве отсутствует, а отдельные вопросы биологической безопасности регулируются общими нормами действующих нормативно-правовых актов. В начале 2000-х гг. в Республике Азербайджан был разработан проект закона «Биологическая безопасность Азербайджанской Республики», однако он не был принят ввиду необходимости его доработки в связи с тем, что предлагаемое им регулирование не отвечало современной ситуации и не учитывало новые биологические и генетические риски. До настоящего времени соответствующий закон не принят.

В законодательстве Республики Узбекистан в 2020 г. началась разработка проекта закона «О биологической безопасности Республики Узбекистан», в котором планировалось, в частности, предусмотреть правовые механизмы обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности, в том числе создание и функционирование национальной системы оценки опасности ГМО, оперативного финансирования целевых разработок, направленных на решение проблем, связанных с возникшими биологическими рисками. Соответствующий закон до настоящего времени не принят.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что институт биологической безопасности в настоящее время находится в некоторых государствах – участниках СНГ на стадии генезиса, в других же он уже развивается на основании действующих специальных нормативно-правовых актов. Концептуальную роль в указанном аспекте играет соответствующее легальное понятие «биологическая безопасность». При этом сущность биологической безопасности может раскрываться в законодательстве отдельных стран по-разному: как отвечающее определенным критериям состояние защищенности (Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика), как совокупность мер защиты (Республика Таджикистан) или как специальный правовой режим (Республика Молдова). Объектом защиты могут выступать человек (Кыргызская Республика) либо все население (Российская Федерация), окружающая среда (Кыргызская Республика или Российская Федерация) или ее компоненты (Республика Казахстан). К факторам опасности могут причисляться как любые патогены и содержащие их объекты (Российская Федерация), так и исключительно ГМО (Республика Молдова) либо биологические агенты, применяемые в биотехнологиях и биооружии (Республика Таджикистан). Таким образом, учитывая закрепленные в Стратегии национальной безопасности задачи по налаживанию международного сотрудничества в целях обеспечения биологической безопасности, отмечаем, что вышеуказанные различия в подходах к пониманию биологической безопасности являются предпосылкой для дальнейшей работы в области гармонизации законодательства государств – участников СНГ.

Вместе с тем наиболее полное определение биологической безопасности дано в Федеральном законе № 492-ФЗ [10, с. 29]. Указанная дефиниция отличается широтой существенного восприятия, недвусмыслистностью и ясностью его изложения. Феномен биологической безопасности не равнозначен полному отсутствию каких-либо биологических угроз в силу объективного наличия опасных патогенов в окружающей среде, а также возможности их искусственного генезиса, и в первую очередь подразумевает наличие эффективного механизма противодействия процессам, которые могут привести к причинению вреда здоровью человека и окружающей среде. Факторы опасности в закрепленном в Федеральном законе № 492-ФЗ понятии «биологическая безопасность» включают как внешние, так и внутренние угрозы, патогены естественного и искусственного происхождения. При этом объект защиты в содержании биологической безопасности максимально широко очерчен, не зависит от каких-либо условий или свойств, коррелирует с закрепленными в Конституции Российской Федерации принципами охраны здоровья людей, сохранения земли и природных ресурсов, права каждого на благоприятную окружающую среду [25].

Таким образом, понятие «биологическая безопасность», закрепленное в Федеральном законе № 492-ФЗ, является правовым фундаментом для дальнейшего раскрытия в законодательстве и подзаконном нормотворчестве его содержания, а также конкретизации механизмов обеспечения биологической безопасности как на национальном уровне, так и в рамках СНГ.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // С3 РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // С3 РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 31.
3. Катков В. Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков : Тово «Печатня С. П. Яковлева», 1903.
4. Онищенко Г. Г., Смоленский В. Ю., Ежлова Е. Б., Демина Ю. В., Топорков В. П., Топорков А. В., Ляпин М. Н., Кутырев В. В. Концептуальные основы биологической безопасности. Часть 1 // Вестник РАМН. 2013. № 10.
5. Онищенко Г. Г., Смоленский В. Ю., Ежлова Е. Б., Демина Ю. В., Топорков В. П., Топорков А. В., Ляпин М. Н., Кутырев В. В. Актуальные проблемы биологической безопасности в современных условиях. Часть 2 : Понятийная, терминологическая и определительная база биологической безопасности // Вестник РАМН. 2013. № 11.
6. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // С3 РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
7. Федеральный закон от 25 января 2002 г. № 8-ФЗ «О всероссийской переписи населения» // С3 РФ. 2002. № 4. Ст. 252.
8. Умнова-Конюхова И. А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Московский юридический журнал. 2023. № 2.

9. Макаров В. В. Истоки и эволюция современной эпизоотологии // Ветеринарная патология. 2007. № 3 (22).
10. Основы биологической безопасности : учебное пособие / О. А. Белов, Н. В. Кручинина, А. А. Мохов, С. Н. Орехов ; отв. ред. А. А. Мохов. М. : Проспект, 2024.
11. Постановление Совета министров Республики Беларусь от 5 июня 2002 г. № 734 «О мерах по реализации положений Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Дромашко С., Попов Е., Макеева Е. Национальное законодательство и система биобезопасности Беларуси // Наука и инновации. 2011. № 101.
13. Национальный координационный центр биобезопасности : сайт. Минск. URL: <https://biosafety.igc.by/wp-content/uploads/2021/02/06act-biosafety-rus-2.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).
14. Мохов А. А. Генетические технологии: понятие, сущность, виды // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2020.
15. Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Совета министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 161 «О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Решение Всебелорусского Народного Собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 15.02.2025).
18. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2022 г. № 122-VII ЗРК «О биологической безопасности Республики Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000122> (дата обращения: 15.02.2025).
19. Закон Кыргызской Республики от 23 января 2025 г. № 25 «О биологической безопасности в Кыргызской Республике» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики : сайт. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5471/edition/25401/ru?ysclid=m7qa2g7ray116007540> (дата обращения: 22.02.2025).
20. Мохов А. Б. Биоправо и стратегия его развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2 (135).
21. Галюкова М. И. Архитекторика биобезопасности // Lex russica. 2022. № 10 (191).
22. Закон Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1759 «Об обеспечении биологической безопасности и биологической защиты» // База данных ФАОЛЕКС : сайт. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj217048.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).
23. Закон Республики Молдовы от 21 декабря 2001 г. № 755-XV «О биологической безопасности» // База данных ФАОЛЕКС : сайт. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mol75080original.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).
24. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / под ред. А. В. Малько, И. С. Барзиловой. М. : Юрлитинформ, 2012.

25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.02.2025).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part II), art. 5351. (In Russ.)
2. Federal Law of December 30, 2020 No. 492-FZ "On Biological Safety in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (part I), art. 31. (In Russ.)
3. Katkov V. D. On the Analysis of the Basic Concepts of Jurisprudence. Kharkov: Partnership "Pechatnia of S. P. Yakovlev", 1903. (In Russ.)
4. Onishchenko G. G., Smolenskii V. Iu., Ezhlova E. B., Demina Iu. V., Toporkov V. P., Toporkov A. V., Liapin M. N., Kutyrev V. V. Conceptual Foundations of Biological Safety. Part 1. *Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences*, 2013, no. 10. (In Russ.)
5. Onishchenko G. G., Smolenskii V. Iu., Ezhlova E. B., Demina Iu. V., Toporkov V. P., Toporkov A. V., Liapin M. N., Kutyrev V. V. Actual Problems of Biological Safety in Modern Conditions. Part 2: Conceptual, Terminological and Definitional Base of Biological Safety. *Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences*, 2013, no. 11. (In Russ.)
6. Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 2, art. 133. (In Russ.)
7. Federal Law of January 25, 2002 No. 8-FZ "On All-Russian Population Census". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 4, art. 252. (In Russ.)
8. Umnova-Koniukhova I. A. Biological Safety in International Law and Russian Law as a New Area of Legal Regulation. *Moscow Law Journal*, 2023, no. 2. (In Russ.)
9. Makarov V. V. Origins and Evolution of Modern Epizootiology. *Veterinary Pathology*, 2007, no. 3 (22). (In Russ.)
10. Mokhov A. A. (ed.). Fundamentals of Biological Safety: Textbook. Moscow: Prospekt, 2024. (In Russ.)
11. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of June 5, 2002 No. 734 "On Measures to Implement the Provisions of the Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on Biological Diversity" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).
12. Romashko S., Popov E., Makeeva E. National Legislation and Biosafety System of Belarus. *Science and Innovation*, 2011, no. 101. (In Russ.)
13. National Biosafety Coordination Centre. URL: <https://biosafety.igc.by/wp-content/uploads/2021/02/06act-biosafety-rus-2.pdf> (date of the application: 25.02.2025). (In Russ.)
14. Mokhov A. A. Genetic Technologies: Concept, Essence, Types. In Mokhov A. A., Sushkova O. V. (eds.). Genetic Technologies and Law During the Formation of Bioeconomics: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020. (In Russ.)

15. Law of the Republic of Belarus of January 9, 2006 No. 96-Z "On Security of Genetic Engineering Activities" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).
16. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of March 22, 2022 No. 161 "On the Concept of the National System for Ensuring Biological Safety" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).
17. Decision of the All-Belarusian People's Assembly of April 25, 2024 No. 5 "On Approval of the Concept of National Security of the Republic of Belarus". URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (date of the application: 15.02.2025). (In Russ.)
18. Law of the Republic of Kazakhstan of May 21, 2022 No. 122-VII ZRK "On Biological Safety in the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000122> (date of the application: 15.02.2025). (In Russ.)
19. Law of the Kyrgyz Republic of January 23, 2025 No. 25 "On Biological Safety in the Kyrgyz Republic". URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5471/edition/25401/ru?ysclid=m7qa2g7ray116007540> (date of the application: 22.02.2025). (In Russ.)
20. Mokhov A. A. Biolaw and the Strategy of Its Development in the Russian Federation. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 2 (135). (In Russ.)
21. Galiukova M. I. Architectonics of Biosafety. *Lex russica*, 2022, no. 10 (191). (In Russ.)
22. Law of the Republic of Tajikistan of January 29, 2021 No. 1759 "On Ensuring Biological Safety and Biological Protection". URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj217048.pdf> (date of the application: 22.02.2025). (In Russ.)
23. Law of the Republic of Moldova of December 21, 2001 No. 755-XV "On Biological Safety". URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mol75080original.pdf> (date of the application: 22.02.2025). (In Russ.)
24. Malko A. V., Barzilova I. S. (eds.). Legal Regimes: General Theoretical and Sectoral Aspects: Monograph. Moscow: IurLitInform, 2012. (In Russ.)
25. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on January 7, 2020). URL: <http://pravo.gov.ru> (date of the application: 26.02.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Я. А. Парфенчиков – аспирант.

Information about the author:

Ya. A. Parfenchikov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 11.03.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Обзорная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-222-236>

СУВЕРЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОПОРЯДКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Ирина Валерьевна Рукавишникова¹

Екатерина Васильевна Кирсанова²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

^{1,2} rparamusni@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой обзор дискуссии об особенностях суверенного правопорядка, о влиянии суверенизации права на развитие отраслевого законодательства и о приоритетах законотворческой деятельности на современном этапе, состоявшейся на XIII Петербургском международном юридическом форуме (19–21 мая 2025 г.). Приведены основные тезисы выступлений, а также предложения по совершенствованию действующего законодательства, переданные участниками дискуссии специально для настоящей публикации.

Ключевые слова: суверенный правопорядок; макрорегионы; финансовый суверенитет; многополярный мир.

Для цитирования: Рукавишникова И. В., Кирсанова Е. В. Суверенное развитие российского правопорядка: новые подходы // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 222–236 . <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-222-236>

Review

SOVEREIGN DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LAW AND ORDER: NEW APPROACHES

Irina V. Rukavishnikova¹

Ekaterina V. Kirsanova²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2 Bldg. 1 Azovskia St., Moscow,
117638, Russia

^{1,2} rpamucni@gmail.com

Abstract

The article provides an overview of the discussion on the specifics of the sovereign rule of law, the impact of the sovereignization of law on the development of sectoral legislation, and the priorities of lawmaking at the present stage, held at the XIII St. Petersburg International Legal Forum (May 19–21, 2025). The main theses of the speeches, as well as proposals for improving the current legislation, submitted by the participants of the discussion specifically for this publication, are presented.

Keywords: sovereign rule of law; macro-regions; financial sovereignty; multipolar world.

For citation: Rukavishnikova I. V., Kirsanova E. V. Sovereign Development of the Russian Law and Order: New Approaches. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 5, pp. 222–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-5-222-236>

В рамках XIII Петербургского Международного юридического форума (19–21 мая 2025 г.) состоялась дискуссия об особенностях суверенного правопорядка, о влиянии суверенизации права на развитие отраслевого законодательства, о приоритетах законотворческой деятельности на современном этапе.

Участники обсуждения – представители органов государственной власти, российские и зарубежные ученые и практики – отметили важность выработки новых способов защиты интересов государства и общества в условиях современных геополитических вызовов.

В данном обзоре приведены основные тезисы выступлений, а также предложения по совершенствованию действующего законодательства, переданные участниками дискуссии специально для настоящей публикации.

Модератор дискуссионной площадки – главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор И. В. Рукавишникова обозначила основные направления дискуссии и тематику выступлений участников.

Поворотной точкой в формировании новой парадигмы суверенного правопорядка в Российской Федерации стали поправки в Конституцию РФ 2020 г. и последовавшие за ними изменения более ста нормативных правовых актов. Именно тогда в Основном законе страны появились нормы о защите суверенитета, запрете на иностранное вмешательство в дела государства, о приоритете традиционных семейных ценностей, параллельно были приняты законы об иноагентах, защите несовершеннолетних от деструктивных интернет-сообществ, запрет на распространение недостоверной информации и многие другие нормы. При этом процесс суверенизации права напрямую связан с поиском баланса между внутригосударственными интересами и нормами международного права.

Международное право в нынешнем виде перестало выполнять роль мирового регулятора. Сегодня нужны новые правовые средства и правила, ориентированные на формирование многополярного, равноправного мироустройства, на развитие сотрудничества, основанного на принципах взаимного уважения к культурным и национальным особенностям государств.

Одной из актуальных задач современного государства является достижение технологического суверенитета. В послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. Президент РФ Владимир Владимирович Путин в качестве приоритетной задачи обозначил достижение технологического суверенитета в сквозных сферах, которые обеспечивают устойчивость всей экономики страны – это средства производства и станки, робототехника, все виды транспорта, беспилотные, авиационные, морские и другие системы, экономика данных, новые материалы и химия.

Не менее важной целью становится поиск эффективных средств правового регулирования информационных процессов, приобретающих глобальный характер. Создание действенных правовых механизмов защиты достоверной информации от искажения и неправомерного использования составляют основу цифрового суверенитета государства.

Трансформационные процессы в праве повышают роль междисциплинарных связей, высвечивая новые аспекты взаимодействия частно- и публично-правовых отраслей. Особую роль в этом процессе играет финансовое право, как универсальный регулятор широкого спектра общественных отношений, возникающих по поводу использования публичных финансов для решения общественно значимых задач.

Начиная с 2014 г. в отношении российских физических и юридических лиц было принято более 20 тыс. экономических санкций иностранных государств, значительная доля которых направлена против отечественной финансовой системы. Процесс суверенизации финансового законодательства позволил смягчить негативные последствия, а в некоторых случаях создать превентивный буфер. Финансовое законодательство на современном этапе становится надежным драйвером повышения эффективности государственного управления, упрощения и ускоре-

ния процессов бюджетного финансирования, создания гибких инструментов качественного взаимодействия государства и бизнеса.

Особое место в системе российского законодательства занимает его региональная составляющая. Процесс интеграции воссоединенных территорий на практике показал возможности гибкого правового регулирования, сочетания федеральных установлений и дикреций полномочий регионов. Новые возможности для развития субъектов Российской Федерации дает Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», предоставляющий право регионам создавать «режим наибольшего благоприятствования» для развития инновационных цифровых технологий с целью привлечения инвестиций и увеличения экономического потенциала территорий.

Участник дискуссии – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, заместитель председателя комитета по экономической политике, д.э.н., профессор М. Г. Делягин дал характеристику состояния современного международного права и предложил основные направления суверенизации отечественного законодательства.

Международное право в его классическом виде подорвано агрессией НАТО против Югославии в 1999 г. и разрушено санкционными войнами против России, идущими с 2014 г. Ситуацию усугубляет объективный по своему характеру распад единых глобальных рынков, идущий в явном виде с 2008 года и создающий предпосылки для разделения мира на макрорегионы с различными правовыми режимами и неурегулированным характером взаимодействия. При этом макрорегионами представляются многоуровневые зоны, в том числе, зоны близкого правового регулирования, торговые зоны, валютные зоны, зоны единых социальных платформ с обучающимся на массиве их данных искусственным интеллектом и т.д. Объективная задача, стоящая перед мировым юридическим сообществом, заключается в выделении из международного права корпуса положений, необходимых для функционирования современного разделяющегося человечества и, потому, сохраняющего свое действие (например, морское право, регулирование Интернета и пр.). В перспективе представляется, что отдельные страны и макрорегионы будут вводить свои правовые особенности (в том числе явочным путем, без привычного юридического оформления), за пределами которых по умолчанию будет действовать прежнее международное право.

Перед российским юридическим сообществом стоит фундаментальная задача комплексной, всеобъемлющей суверенизации права, т.е. переориентация его с задачи обеспечения глобальных интересов на обеспечение интересов национальных. В числе приоритетных мер необходимы: полная ревизия заключенных Россией международных соглашений с точки зрения национальных интересов, понимаемых прежде всего как развитие производительных сил; установление принципа приоритетности национального права над международными соглашениями (по примеру США и Китая); установление режима защиты граждан перед международными институтами; введение контрсанкционного правового режима против враждебных России стран.

Участник дискуссии – заведующий кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор Б. В. Сангаджиев в своем выступлении, в частности, уделил внимание вопросам развития российской правовой системы и суверенному режиму законности.

Одним из ключевых противоречий, возникающих в процессе интеграции международных правовых норм в национальную правовую систему, является различие в понимании суверенитета в контексте международного права и национального законодательства. Данное противоречие проявляется в конфликте между необходимостью соблюдения международных обязательств и защитой национальных интересов.

Теоретические основы правовой системы и суверенного режима законности в России представляют собой сложный и многогранный предмет исследования. Правовая система как совокупность правовых норм, институтов и принципов формирует основу для функционирования государства и общества. Важным аспектом является понимание роли суверенитета в обеспечении законности, что подразумевает независимость правовой системы от внешнего вмешательства и ее способность защищать права и свободы граждан.

Различные подходы к определению правовой системы акцентируют внимание на ее элементах, таких как правовые нормы, институты и принципы, которые взаимодействуют между собой для достижения целей государства и общества. Суверенный режим законности, в свою очередь, предполагает строгую реализацию правовых норм и принципов, что способствует укреплению правопорядка и стабильности в обществе. Судебная практика в России демонстрирует, как суверенный режим законности способствует защите прав граждан и укреплению правопорядка. Например, решения Конституционного Суда РФ отражают принцип верховенства Конституции РФ, что подтверждает ее роль в обеспечении законности. Важным аспектом является также законодательная деятельность, направленная на укрепление правовой системы. Законодательные акты, принимаемые в рамках суверенного режима, способствуют созданию правовой среды, которая поддерживает стабильность и защищает интересы граждан.

Таким образом, суверенный режим законности в России не только теоретически обоснован, но и активно реализуется на практике. Это подчеркивает значимость суверенитета как основы для эффективного функционирования правовой системы в условиях современного общества.

Международные правовые нормы и обязательства оказывают значительное влияние на российскую правовую систему, особенно в контексте суверенного режима законности. Взаимодействие международного и национального права представляет собой сложный процесс, который требует учета как международных обязательств, так и национальных интересов.

Влияние международного права на российскую правовую систему проявляется в различных аспектах. Например, международные договоры, ратифицированные Россией, становятся частью ее правовой системы и имеют приоритет над национальными законами в случае противоречий. Это положение закреплено в Кон-

тииции Российской Федерации, что подтверждает ее приверженность международным стандартам и обязательствам.

Однако, несмотря на интеграцию международных норм, российская правовая система сохраняет свою суверенность. Это выражается в способности государства адаптировать международные нормы к национальным условиям, обеспечивая при этом защиту прав и свобод граждан.

Таким образом, международные аспекты играют важную роль в формировании и развитии российской правовой системы, обеспечивая ее соответствие международным стандартам и одновременно поддерживая ее суверенитет и независимость. Теоретические концепции правовой системы и суверенного режима законности в России требуют глубокого анализа и понимания, чтобы обеспечить их эффективное функционирование в условиях современного общества.

Практическое применение суверенного режима законности в России проявляется через различные аспекты правоприменительной деятельности, включая судебную практику и законодательные инициативы. Это подчеркивает важность независимости правовой системы в процессе правоприменения.

Участник дискуссии – сенатор Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, к.э.н., доцент А. Г. Шейкин описал приоритетные направления развития российского законодательства в условиях технологической трансформации.

В условиях масштабной цифровой трансформации государства и реализации национального проекта «Экономика данных», Россия делает акцент на построении технологически суверенной экосистемы, обеспечивающей эффективность государственного управления, защиту прав граждан и устойчивость правопорядка. Развитие правовой базы для цифрового суверенитета должно быть направлено на: развитие квантовых технологий и искусственного интеллекта; повышение уровня кибербезопасности в рамках национальных информационных систем; внедрение государственной платформы противодействия мошенничеству как механизма защиты граждан в цифровой среде; укрепление механизмов контроля за использованием персональных данных и трансграничной передачи информации. Необходимо усилить роль органов государственной власти в формировании целостной системы киберустойчивости, включая обмен информацией, маркировку вызовов и достоверных источников, противодействие технологиям «социальной инженерии», применение автоматизированных средств анализа цифровых угроз. Важное значение имеет сфера подготовки квалифицированных специалистов в сфере киберправа, национальной цифровой безопасности и квантовых коммуникаций.

Участник дискуссии – председатель правления АНО «Центр беспилотных систем и технологий» А. А. Безруков в своем выступлении уделил внимание правовому регулированию использования технологий двойного назначения для целей национальной безопасности.

Актуальным направлением правового регулирования сегодня должен стать новый сектор экономики, объединяющий частные высокорисковые технологические компании, разрабатывающие решения специального военного и двойно-

го назначения. Указанные организации оказывают существенное влияние на национальную безопасность и технологический суверенитет государства, создавая предпосылки адаптации действующего законодательства в сфере оборонных закупок, установления международных стандартов новых технологий и т.д.

В числе первоочередных мер необходимо законодательное определение статуса указанных организаций, активное продвижение российских стандартов новых технологических разработок на международном уровне, в частности, на площадках ОДКБ, ШОС, БРИКС.

Кроме того, важно уделить внимание уточнению порядка финансирования частных военных разработок, в том числе, через механизмы ускоренного привлечения инвестиций, упрощенную систему государственных контрактов.

Участник дискуссии – федеральный инспектор по Республике Крым аппарата Полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе К. В. Бойко рассказал об особенностях развития регионального законодательства в Республике Крым.

Структурная интеграция Республики Крым в правовое поле Российской Федерации завершена, региональное законодательство практически по всем вопросам полностью приведено в соответствие с федеральным.

В 2014 г. был утвержден план мероприятий («дорожная карта») поэтапного перехода Республики Крым в правовое поле Российской Федерации. Для этого надо было построить систему региональной государственной власти и органов местного самоуправления. Первым законом Республики Крым, конечно же, является Конституция Республики Крым. Также в 2014 г. были приняты 19 базовых законов, в том числе о Государственном Совете Республики Крым, о государственной гражданской службе, о восстановлении границ муниципальных образований и т.д. Всего за 11 лет было подготовлено и принято 108 законодательных актов.

Президент РФ Владимир Владимирович Путин 29 октября 2024 г. подписал Федеральный конституционный закон о внесении изменений в ФКЗ № 6, согласно которым до 1 января 2027 г. на территории Республики особенности регулирования имущественных и земельных отношений, а также отношений в сфере кадастрового учета недвижимости, государственной регистрации прав на недвижимое имущество могут быть установлены правовыми актами Республики Крым по согласованию с федеральными органами исполнительной власти. Гибкий поход Российской Федерации к формированию правопорядка на исторических русских территориях подтвержден решениями Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ за годы нахождения Крыма в составе РФ с 2014 г. 45 раз рассматривал жалобы на нарушение конституционных прав и свобод на территории Республики Крым, из них по земельно-имущественным отношениям – восемь. По шести обращениям Конституционный Суд РФ принял определения об отказе в принятии к рассмотрению жалоб, по двум провозгласил постановления. Приведенные статистические данные убедительно свидетельствуют о высоком уровне законодательной работы органов власти Республики Крым.

Крымский опыт законотворчества стал модельным ориентиром для законодательной деятельности исторических воссоединенных субъектов Российской Федерации. Исполнительными органами власти Республики Крым подписаны со-

глашения о сотрудничестве с органами власти Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

Выступая на пленарном заседании нашего форума, Дмитрий Анатольевич Медведев предложил развивающимся странам создать реестр колониального ущерба и инициировать антиколониальное разбирательство. Скажу о том, что данная работа уже проведена на территории Республики Крым. Крым с 1991 г. был территорией, оккупированной Украиной. Напомню, что 20 января 1991 г. в Крыму был проведен референдум, где 93% голосовавших приняли решение о независимости Крыма и вхождении Крыма как отдельной республики состав Советского Союза.

С 2014 г. украинское государство предприняло фактический геноцид крымчан, отключив воду и электричество. Так, в октябре 2023 г. Арбитражный суд Крыма удовлетворил иск властей республики о взыскании с Украины ущерба от водной блокады на сумму более 152 млрд руб.

В июне 2024 г. Арбитражный суд Крыма удовлетворил иск о возмещении ущерба, причиненного в результате энергоблокады, на сумму более 32 трлн руб.

В июле 2024 г. Верховный суд РК признал право крымчан на компенсацию морального вреда из-за водной блокады полуострова. Решение позволяет крымчанам обратиться в суд за получение компенсации морального вреда, понесенного в результате водной блокады, не доказывая сам факт блокады таким образом.

Органами власти Республики Крым сформирован новый суверенный подход к формированию правопорядка на территории республики. Сейчас богатый крымский опыт используется властями исторических территорий для более быстрого и эффективного правового регулирования, установления правопорядка, действующего на всей территории Российской Федерации.

Участник дискуссии – заместитель главы администрации Президента Республики Беларусь, д.ю.н., профессор О. И. Чуприс в своем выступлении уделила внимание опыту законотворческой деятельности по укреплению государственного суверенитета в Республике Беларусь.

В Республике Беларусь, так же как и в Российской Федерации, принятые все меры для защиты государственного суверенитета. В 2022 г. были внесены изменения концептуального характера в Конституцию Республики Беларусь. Были принятые организационные меры, связанные с созданием Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС), и в этом есть проявление народного суверенитета, поскольку ВНС – это орган народного представительства.

Кроме того, важной задачей стало укрепление идеологических основ и принятие Концепции правовой политики государства (Концепция). Концепция правовой политики была утверждена указом Президента РБ 28 июня 2023 г. Особенность данного документа заключается в том, что он ориентирован на правую идеологию, кроме того, в нем есть разделы, касающиеся развития отраслевого законодательства и видения этого процесса на ближайшие годы. Но самое важное в этом документе относится к первым разделам Концепции, которые касаются сохранения конституционного строя, и это – суть правовой идеологии. Необходимо принимать все меры к тому, чтобы не дать правовыми средствами разрушить государство. Будет защищен конституционный строй – будет защищен и каждый гражданин.

Концепция содержит девять идеологических императивов.

Императив правовой политики на современном этапе сформулирован, конечно, как императив, касающийся сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности, обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Важнейший императив, который впервые получил закрепление на уровне законодательства, – это императив о патриотизме. Существование современного государства возможно только на основе и на условиях достижения общего блага. То есть все граждане должны работать на общее благо, ставить государственные интересы выше личных. Также патриотизм реализуется через защиту Родины – священный долг гражданина Республики Беларусь.

Императив сохранения исторического прошлого страны и, в первую очередь, исторической памяти и правды о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Эти положения закреплены в ст. 15 и 54 Конституции РБ. Патриотизм достигается через воспитание подрастающего поколения, чувство гордости за свою страну и за исторические свершения белорусского народа.

Концепция правовой политики обязательна к изучению студентами юридических вузов и факультетов.

Все законодательство Республики Беларусь ориентируется на Концепцию правовой политики. Принят указ Президента Республики Беларусь в виде директивы, утверждающей основы идеологии белорусского государства. В этом документе содержится определение идеологии, установлены формы работы, определен приоритет работы с молодежью, трудовыми коллективами.

На современном этапе для Республики Беларусь важны задачи укрепления государственного суверенитета, укрепления и развития основ государственности, в том числе в союзе с Российской Федерацией.

Участник дискуссии – заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), д.ю.н., профессор Н. С. Бондарь осветил проблему суверенизации судебной власти в контексте укрепления правопорядка, совершенствования системы законодательства и правоприменительной деятельности.

Важной задачей является диагностика современной системы правопорядка, определения, хотя бы в самом укрупненном, обобщенном варианте, ее болевых точек. На уровне национальных правопорядков современности можно предложить диагностику через формулу трех Д.

Во-первых, дефицит равенства – глубинная, кризисная ситуация современного конституционализма. Право – это равная мера свободы и ответственности для всех. Кризис равенства порождает, в конечном счете, опасность утраты существенных характеристик права.

Во-вторых, деформация нравственно-этических начал законодательства и права. Право – это норма, отражающая культурологическую меру поведения, меру нравственно-этическую, воспринимаемую обществом и поднятую государством на уровень законодательства. Утрата нравственно-этических начал – очень серьезная проблема современности.

В-третьих, демонтаж международного права.

Правопорядок должен получить свое развитие, совершенствование через суверенные возможности права. Укрепление правопорядка – это охрана собственности права. В этом процессе участвует вся система государственности, и на одном из первых мест находится судебная власть. Ни одна другая власть на конституционном уровне не определяется теми качествами и характеристиками, которые напрямую относятся к суверенитету. Речь идет самостоятельности судебной власти и независимости судов.

Яркой иллюстрацией являются четыре постановления Конституционного Суда РФ, принятые в один день – 2 октября 2020 г., о конституционности договоров о вхождении новых субъектов в состав Российской Федерации. Это пример легитимации конституционализации судебной практики, которой должны руководствоваться и субъекты РФ, которые вошли в состав России, и другие правоохранительные, правоприменительные органы в случае отсутствия надлежащего правового регулирования. Это своего рода «революция», ну, или по крайней мере очень важный показатель направления развития российского правопорядка, в том числе, через использование механизмов и средств судебной власти.

Участник дискуссии – заведующая кафедрой административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор З. М. Казачкова уделила внимание вопросу формирования финансового суверенитета.

Есть несколько проблем, связанных с финансовым суверенитетом, но начну с хорошего. Антон Германович Силуанов как-то сказал, что армия, флот и финансовую суверенитет – это та триада, которая создает основы для суверенного правопорядка.

Финансовый суверенитет – это финансовая основа, которая защитит нас от угроз, исходящих от враждебных государств.

Если говорить о совершенствовании законодательства, необходимо затронуть тему ст. 4 Федерального закона о Центральном банке Российской Федерации (Банке России), где речь идет об имущественной базе ЦБ РФ. В указанной статье под формулой «иные имущественные объекты» скрываются золотовалютные резервы. Такое косвенное указание на золотовалютные резервы представляется несколько примитивным. Поэтому если уж совершенствовать финансовый суверенитет, то взоры должны быть обращены к Центральному банку РФ, а не только к Министерству финансов РФ. В связи с этим следует поддержать позицию экономистов о необходимости снижения ключевой ставки Центробанка. Высокая ключевая ставка создает ситуацию неравенства возможней бизнеса. Представители крупного бизнеса имеют очевидные преимущества перед средним и мелким бизнесом в доступности кредитных ресурсов.

Надеюсь, в нашей стране, как всегда, победит оптимистический сценарий, и финансовый суверенитет позволит экономике функционировать успешно.

Участник дискуссии – заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор Н. А. Саттарова осветила отдельные проблемы обеспечения правопорядка в сфере публичных финансов.

Правопорядок в сфере публичных финансов – это порядок в процессе формирования, распределения и использования денежных фондов государства, это гарантии его финансовой безопасности и финансового суверенитета. Финансовый правопорядок обеспечивается прежде всего правильными средствами, действиями, инструментами. Основа порядка – это финансовый контроль. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показывает, что современное состояние правопорядка в сфере публичных финансов небезупречно. Можно выделить три блока проблем, которые дезорганизуют сферу публичных финансов: низкая эффективность законодательства; нарушение финансового законодательства; коррупция.

Говоря о нарушениях финансового законодательства, следует отдельно остановиться на положениях Бюджетного кодекса РФ. В частности, закрепленный перечень субъектов бюджетных правонарушений является закрытым, а это значит, что иные субъекты бюджетных правоотношений не могут стать субъектами бюджетных нарушений. Кроме того, в бюджетном законодательстве статус участников бюджетного процесса закреплен, но при этом процессуальный статус объектов контроля не определен. Закреплена лишь обязанность подконтрольных субъектов выполнять представления органов контроля. Данное обстоятельство показывает противоречие в бюджетно-правовом статусе государственных заказчиков, которые не являются участниками бюджетного процесса. Кроме того, нужно учитывать, что субъектами финансовых правоотношений являются должностные лица органов государственной власти, которые часто используют свои дискреционные полномочия как властные субъекты финансовых правоотношений, что, само по себе, может создавать коррупционные ситуации.

Обозначая пути совершенствования действующего законодательства, необходимо решить вопросы разграничения полномочий органов государственного финансового контроля горизонтального уровня, т.е. полномочия Счетной палаты РФ и Казначейства России. В Бюджетном кодексе РФ нужно четко определить круг субъектов бюджетных правонарушений, т.е. тех участников бюджетных правоотношений, к которым применяются меры бюджетного принуждения.

Далее, необходимо четко определить параметры бюджетного деликта, особенно государственных заказчиков, закрепив в Бюджетном кодексе РФ, применяемые к ним меры бюджетного принуждения.

Также следует усилить профилактику коррупционных деяний. Согласно информации, размещенной на официальном сайте Следственного комитета РФ, в 2024 г. возбуждено 9828 коррупционных дел (+ 6% по отношению к 2023 г.). Ущерб по расследованным делам в сфере публичных финансов составил более 48 млрд руб., из них возмещено 14,9 млрд руб., т.е. 31%. Направлено в суд 6200 дел, основные из которых дела о злоупотреблении при госзакупках, хищениях при строительстве инфраструктуры, мошенничестве с субсидиями и грантами.

Участник дискуссии – профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, д.ю.н., профессор А. А. Ситник в своем выступлении уделил внимание правовому обеспечению финансового суверенитета в условиях глобальных вызовов, а также

структурным и терминологическим особенностям современного финансового законодательства.

В настоящее время в действующем финансовом законодательстве отсутствует упоминание о финансовом суверенитете, целях, задачах и принципах его обеспечения. Аналогичным образом отсутствует и упоминание о том, что какой-либо из органов, для которых финансовая деятельность является основной, ответственен за обеспечение финансового суверенитета. В связи с этим предлагается дополнить ст. 3 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» положением, согласно которому целью деятельности Банка России, помимо всего прочего, является обеспечение финансового суверенитета на финансовом рынке. Также возможно дополнение п. 1 Положения о Министерстве финансов Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации», нормой, закрепляющей за Минфином России правовой статус федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации. Указанные нормы, несмотря на декларативный характер, более четко обозначают вектор дальнейшей деятельности названных органов в финансовой сфере.

Предлагается дополнить перечень принципов валютного регулирования и валютного контроля, закрепленных в ст. 3 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», принципом приоритета обеспечения финансового суверенитета при реализации государственной политики в области валютного регулирования. Данный принцип позволит более четко отразить текущее состояние валютной политики и обозначить приоритет публичного интереса в регулировании валютных отношений.

Также предлагается рассмотреть вопрос о кодификации законодательства, регулирующего общественные отношения на финансовом рынке. С 2013 г. в Российской Федерации на базе Банка России создан единый мегарегулятор финансового рынка, а в сфере правового регулирования осуществлен переход к кросс-секторальному регулированию финансового рынка, сопровождающемуся унификацией требований к финансовым организациям. В то же время каждый сектор продолжает регулироваться отдельным законом, среди которых можно назвать: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности»; Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-І «Об организации страхового дела в Российской Федерации»; Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»; Федеральный закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»; Федеральный закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации»; Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте»; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах»; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»; Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершенствовании финансовых сделок с использованием финансовой платформы» и др.

Названные законы приняты в разные периоды времени, что зачастую затрудняет их восприятие как системно связанных документов. В связи с этим представляется возможным поднять вопрос о необходимости преодоления устаревшей модели регулирования отношений на финансовом рынке.

Участник дискуссии – Председатель Конституционного Суда Республики Чад Жан-Бернар Падаре в своем выступлении уделил внимание опыту укрепления государственного суверенитета Республики Чад, а также сравнительному анализу государственно-правовых систем России и Республики Чад.

Республика Чад (РЧ) находится в центре Африки, на западе граничит с Нигером, Нигерией, Камеруном, на юге – с Центральноафриканской Республикой, на востоке – с Суданом и Ливией.

В Республике было много различных событий, оказавших влияние на политическую жизнь, которая в свою очередь повлияла на жизнь юридическую и судебную практику.

Концепция суверенного развития является основной для РЧ. Цель – гарантировать независимость, стабильность и легитимность государственных учреждений. Сравнивая подходы России и Республики Чад к укреплению государственного суверенитета, можно выделить особенности проведения реформ, оценить вызовы и перспективы двух стран.

Чад пережил многочисленные посягательства на суверенитет, в том числе военные события. В 2020 г. военная агрессия пришла со стороны Ливии, через ливийскую границу, и тогда глава государства сам сражался на фронте и был убит.

В это же время начался переходный период, который позволил сформировать национальный диалог всего населения страны, своего рода Национальное собрание. Национальное собрание приняло решение провести государственную реформу. В результате в 2023 г. Республика Чад приняла новую Конституцию. Была учреждена Счетная палата, был восстановлен пост Национального посредника. До этого в стране был президентский режим правления, но через конституционную реформу Чад восстановил полупрезидентский режим. Теперь Президент Республики несет ответственность перед Национальным Собранием.

Также была проведена реформа судебной власти, в результате которой все судьи, включая Председателя Верховного суда, назначаются Верховным Советом магистратуры, состоящей исключительно из судей. Ни исполнительные органы, ни законодательная власть не могут вмешиваться в назначение судей Республики Чад.

Была проведена модернизация судебной системы. Прежнее законодательство вдохновлялось колониальным прошлым. После провозглашения независимости в 1960 г. не было достаточных кадров для того, чтобы заменить законы и создать новый гражданский кодекс, семейный кодекс и т.д. Было принято решение модифицировать и адаптировать к существующей реальности правовые акты, оставленные французскими колонизаторами.

Сегодня в Республике Чад имеются собственные кодифицированные акты – уголовно-процессуальный, гражданский процессуальный кодекс и др.

Республика Чад входит в экономическое пространство, которое называется «Экономическая организация стран Центральной Африки», что дает возможность гармонизировать коммерческое, транспортное, деловое право в этих странах.

Для укрепления юридического суверенитета интересен опыт России. В частности, адаптация российского опыта к стратегическим задачам, культурной, исторической и социальной специфике Республики Чад позволяет идти по пути конвергенции правовых систем.

В Чаде усиливается правовой суверенитет, развивается правая система, приспособленная к национальным реалиям. Проводимые конституционные законодательные реформы гарантируют существование правового государства. Трансформируя свою правовую систему для достижения самостоятельности и истинного суверенитета, Республика Чад во многом опирается на положительный опыт России.

Участник дискуссии – заведующий кафедрой публичного права Университета Хасана II (г. Касабланка, Королевство Марокко) Эль-Фаттин Абдельфеттах посвятил выступление современному состоянию Всемирной Торговой организации, а также проблеме отсутствия действенных правовых механизмов защиты нарушенных прав стран-участниц ВТО.

В 2022 г. докладчиком была написана работа «Научный подход к сохранению суверенитета и участие в международных организациях», которая объясняет возможность адаптации Всемирной торговой организации к новым условиям, к новым членам. Это теоретическая работа, которая содержит исследование причин складывающихся негативных практик в работе ВТО, в частности, практик работы США.

Существуют «экзогенные» правила, касающиеся, например, борьбы с COVID-19, преодолением финансового кризиса 2008 г., и правила, которые являются внутренними, «эндогенными». Именно внутренние правила тесно связаны с политизацией определенных торговых практик. Такая ситуация создает дисфункциональность организации. Каковы причины, приводящие к дисфункции?

Прежде всего существует определенная инфляция Всемирной торговой организации. В настоящее время рассматривается 600 дел, многие государства защищают свои интересы. Это как Конституция, которая так важна, что все хотят участвовать в ее составлении, изменять ее. ВТО – это пространство, все хотят изменять пространство и легитимизировать его.

Очень много споров, которые передаются в этот орган на апелляцию. Иногда апелляционный орган позволяет на уровне консенсуса дистанцироваться от американского империализма, от лидерства США в области многосторонней торговли, он выступает в качестве некоего убежища, позволяющего избежать американское влияние. В особенности это очевидно в делах, которые касаются антидемпинговых мер.

Однако в 2017 г. в работе ВТО возник настоящий тупик. Мандаты, назначения, апелляционные органы практически во всей Всемирной торговой организации оказались в «подвешенном» состоянии из-за позиции США. Американцы хотят завладеть влиянием в этом операционном органе ВТО, и они не следят за обязательствами государств. И это, конечно, имеет негативные юридические последствия блокирования рассмотрения споров по существу. К счастью, в соответствии с имеющимся арбитражным соглашением на европейском уровне, все споры стали рассматриваться в других органах. Такой альтернативный механизм предусмотрен ст. 25 Меморандума. Легальный обход блокирования позволяет использовать другие технические, юридические термины и средства.

Апелляционный орган должен рассматривать вопросы суверенных стран. Процедура урегулирования не использует прецедентное право, а применяет другие механизмы. Апелляционный орган не может увеличивать или уменьшать количество прав, объем прав государств.

Сегодня Всемирная торговая организация находится в довольно сложной фазе. Как можно иметь торговые отношения и исключать суверенитет государства? Это очень трудный выбор. Страны – участницы ВТО находятся перед этим трудным выбором уже довольно давно.

Сведения об авторах:

И. В. Рукавишникова – доктор юридических наук, профессор.

Е. В. Кирсанова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

I. V. Rukavishnikova – Doctor of Law, Professor.

E. V. Kirsanova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted to the editorial office 18.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 06.10.2025.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- межстрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 5 / 2025

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 09.12.2025. Формат 70x100 1/16. Печ. л. 15.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

